

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. Ю.Ф. Беспалов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. Б.В. Яцеленко

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2021

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, Prof. O.U. Ilina (*editor-in-chief*);
Dr. of Sciences, Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Dr. of Sciences N.A. Antonova;
Dr. of Sciences M.V. Baranova;
Dr. of Sciences A.G. Bezverkhov;
Dr. of Sciences Y.F. Bupalov;
Dr. of Sciences A.A. Vorotnikov;
Dr. of Sciences I.G. Dudko;
Dr. of Sciences A.I. Korobeev;
Dr. of Sciences, Prof. V.I. Kruss;
Dr. of Sciences A.N. Kuzbagarov;
Dr. of Sciences A. N. Levushkin;
Dr. of Sciences T.N. Mikheeva;
Dr. of Sciences Yu.A. Popova;
Dr. of Sciences B.V. Yatselenko

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Ильина О.Ю.

Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования.....7

Тарусина Н.Н.

Суррогатное материнство: о коллизии судебных правовых позиций в стиле постмодерна.....16

Трофимец И.А.

Акты гражданского состояния как юридические факты.....24

Штыков Д.В.

Партнерская модель развития юридического бизнеса: истоки, понятие, особенности.....33

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Роль контроля как функции управления в свете нового законодательства.....38

Егорова Т.И.

Общественная опасность посягательства и квалификация преступлений, совершенных в местах лишения свободы.....45

Жукова О.В.

К вопросу об обжаловании в суд постановлений по делам об административных правонарушениях.....53

Либозаев Д.П.

Проблемы использования микрообъектов в расследовании преступлений.....60

Тихалева Е.Ю.

Практика инициативного бюджетирования в муниципальных образованиях.....67

Федина А.С.

Общая характеристика принципов гражданского процессуального права с точки зрения их значения и формы.....74

Юстус О.И.

Налоговая выгода: о балансе публичных и частных интересов в современных условиях.....84

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Афтахова А.В.

Институт стажа как основа реализации права на социальное обеспечение в Российской Федерации.....91

Васильчук Ю.В., Яковлева Н.Г.

Экологическое просвещение как фактор формирования правовой культуры молодежи.....99

Гайдашов А.В., Толстова И.А.

О некоторых вопросах, связанных с уголовно-правовой ответственностью представителей государства за преступления (правонарушения) коррупционной направленности.....109

Кувырченкова Т.В., Черевко В.В.

К вопросу о конвергенции естественных наук и права в новых реалиях.....118

Сапронова Т.П.

«Электронный» надзор прокуратуры.....123

Сладкова А.А.

Практические аспекты классификации товаров в таможенных целях.....129

Чекулаев С.С.

Особенности применения третейского разбирательства при разрешении корпоративных споров, осложненных иностранным элементом.....135

Вопросы истории государства и права

Любовенко Е.С.

Некоторые аспекты законодательного регулирования заёмных отношений в русском государстве в XII – XVII веках: опыт диахронного анализа.....142

Смирнов С.Н.

Двухуровневая структура сословий как основная особенность российской сословной модели.....147

Обзор и анонсы научных мероприятий

Дронова Ю.А., Огаркова Н.О., Станиславская Т.Б.

Использование современных информационных ресурсов при подготовке выпускных квалификационных работ.....152

Замрий О.Н.

Информационные технологии и профессиональные компетенции юриста в XXI веке.....159

CONTENT

Topical issues of private law

Ilina O.

Family relationships and family legal relationship as a subject of another industry regulation.....7

Tarusina N.

Surrogacy: on the conflict of legal positions in the postmodern style.....16

Trofimets I.

Civil status acts as legal facts.....24

Shtykov D.

The partnership model of development of legal business: the origins of the concept, features.....33

Topical issues of public law

Antonova N.

The role of control as a management function in the light of the new legislation.....38

Egorova T.

Public danger of encroachment and qualification of crimes committed in places of deprivation of liberty.....45

Zhukova O.

To the question of appealing to the court of rules in cases of administrative offenses.....53

Libozhaev D.

The problem of the use of micro-objects in the investigation of crimes.....60

Tikhaleva E.

The practice of proactive budgeting in municipalities.....67

Fedina A.

General characteristics of the principles of civil procedural law in terms of their meaning and form.....74

Yustus O.

Tax benefit: finding a balance between public and private interests.....84

Topical issues of science and law enforcement practice

Aftakhova A.

Institute of experience as a basis for implementing the right for social security in the Russian Federation.....91

Vasilchuk Yu., Yakovleva N.

Environmental education as a factor of formation of legal culture of youth...99

Gaidashov A., Tolstova I.

On some issues related to the criminal liability of the legal representatives of the state for crimes (offences) corruption-related activities.....109

Kuvyrchenkova T., Cherevko V.

To the question of the conversion of natural sciences and law in new realities.....118

Sapronova T.

"Electronic" supervision of the prosecutor's office.....123

Sladkova A.

Practical aspects of the classification of goods for customs purposes.....129

Chekulaev S.

Specifics of the use of arbitration in the settlement of corporate disputes, complicated by a foreign element.....135

Issues of state history and law

Lyubovenko E.

Some aspects of the legislative regulation of loan relations in the russian state in the XII - XVII centuries: the experience of diachronous analysis.....142

Smirnov S.

The two-level structure of social classes as the main feature of the russian social class model.....147

Overview and announcements of scientific events

Dronova Ju., Ogarkova N., Stanislavskaya T.

Use of modern information resources in preparation of graduate qualification papers.....152

Zamriy O.

Information technologies and professional competencies of a lawyer in the XXI century.....159

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.6

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.007

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИНОГО ОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор отмечает особенности регулирования семейных отношений в составе предмета права социального обеспечения и наследственного права. Отмечаются различия семейных связей и семейных правоотношений в контексте обеспечения прав и интересов граждан нормами соответствующего отраслевого законодательства.

***Ключевые слова:** семейно-правовой статус, семейные связи, социальное обеспечение, наследственные правоотношения.*

Семья как социальный институт фигурирует в научном лексиконе не только семейного права, семейные отношения в той или иной степени включены в предмет правового регулирования многих отраслей права, а нормы отраслевого законодательства так или иначе оказывают влияние на осуществление семейных прав граждан. Примечательно, что взаимосвязь и взаимообусловленность семейно-правовых связей и иных форм организации социального коммуницирования, в свою очередь, оказывают влияние на механизм правового регулирования иных общественных отношений, находящихся вне предмета семейно-правового регулирования.

Достаточно распространены в современной юриспруденции исследования соотношения предметов гражданского и семейного права, весьма часто Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснения по вопросам применения законодательства при рассмотрении различных категорий дел с учетом наличия семейно-правовых связей между субъектами соответствующего правоотношения, особенностей осуществления лицами своих семейных прав и обязанностей [6, 8].

Следует отметить, что постулаты семейного права, как правило, неизменны в пределах иного отраслевого регулирования: браком признается лишь зарегистрированный союз мужчины и женщины, при вынесении судом решения о лишении родительских прав родители утрачивают все права, основанные на факте родства с ребенком, и т. д. В то же время в некоторых случаях законодатель и (или) правоприменитель

© Ильина О.Ю., 2021

занимают иную позицию, свидетельствующую о придании юридической силы иным обстоятельствам, нежели тем, которые императивно обозначены в Семейном кодексе Российской Федерации [1] (далее – СК РФ).

Очередной виток рассуждений по данному вопросу, на наш взгляд, могут спровоцировать материалы, представленные в Обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2020 г. С одной стороны, определения по делам, так или иначе свидетельствующим о юридическом значении сложившихся семейных отношений или же сформированных семейно-правовых связей, представляют интерес с целью изучения тенденций современной правоприменительной практики. С другой стороны, соответствующие судебные акты выступают эмпирической базой для обоснования теоретических суждений о некоем «совмещении» предметов семейно-правового и иного отраслевого регулирования.

Точка соприкосновения предметов регулирования, на наш взгляд, находится в отношениях по взаимному содержанию и оказанию лицами материальной помощи друг другу и, как правило, совместного их проживания. В связи с этим приобретает практическое значение формальное подтверждение совместного проживания и нахождения в пределах данного союза одного лица, являющегося нетрудоспособным, на иждивении другого.

Заметим, что в зависимости от отраслевой принадлежности норм, признаки, характеризующие основания иждивения, различаются.

Одним из вопросов, сохраняющих актуальность в течение длительного времени, является возможность признания законодателем так называемого фактического брака, т.е. сожительства мужчины и женщины при отсутствии государственной регистрации заключенного между ними брака. Не вступая в дискуссию о целесообразности и обоснованности легализации такой формы сожительства, полагаем необходимым указать, что Гражданский кодекс Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) при регулировании наследственных отношений предусматривает право наследования лица, состоявшего в фактических брачных отношениях с умершим.

В соответствии с п. 2 ст. 1148 ГК РФ «К наследникам по закону относятся граждане, которые не входят в круг наследников, указанных в статьях 1142 – 1145 настоящего Кодекса, но ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним. При наличии других наследников по закону они наследуют вместе и наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию».

Именно нетрудоспособный фактический супруг, который проживал совместно с умершим и находился на его иждивении, может быть призван к наследованию.

Заметим, что в сложившейся ситуации возможны и пикантные детали: наследодатель на момент смерти мог состоять в браке, но в силу различных обстоятельств проживать не с супругом, а с так называемым фактическим супругом и, кроме всего прочего, содержать последнего. Как было отмечено выше, при наличии всех признаков, указанных в п. 2 ст. 1148 ГК РФ, и супруг, и фактический супруг будут наследовать вместе и наравне с другими наследниками соответствующей очереди, в данном случае – первой.

Безусловно, «уравнивание» супруга и фактического супруга в наследственных правах при наследовании по закону предполагает, что:

- фактический супруг является нетрудоспособным ко дню открытия наследства;
- фактический супруг проживал совместно с наследодателем не менее года до смерти последнего;
- фактический супруг находился на иждивении наследодателя не менее года до смерти последнего.

Представляется, что каждое из перечисленных обстоятельств может быть подтверждено различными доказательствами, в связи с чем при рассмотрении судами соответствующих споров возникает необходимость толкования норм материального права. Заметим, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [5] ... Несмотря на это, в плоскости правоприменения не только встречаются споры, связанные с защитой наследственных прав нетрудоспособных иждивенцев, но и констатируются факты неправильного применения судом норма действующего законодательства.

В Обзоре судебной практики № 4 за 2020 г. приведено Определение № 5-КГ20-66-К2. Суть дела в следующем: гражданка Я. более 35 лет состояла в фактических брачных отношениях с умершим Г., проживая с ним в частном доме. Спорная квартира, в отношении которой после смерти Г. свои требования заявил Департамент городского имущества, полагая, что это выморочное имущество, была передана в пользование третьему лицу по договору аренды. При этом арендная плата по взаимному согласию Г. и Я. перечислялась на счет последней. После смерти Г. Я. оплачивает в полном объеме жилищно-коммунальные услуги за спорную квартиру.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявления и иска Я. отказано. Кассационный суд общей юрисдикции оснований для отмены судебных постановлений не усмотрел. Судебная коллегия по гражданским делам

Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления.

Учитывая, что факт нетрудоспособности Я. и совместного проживания Я. и Г. были подтверждены соответствующими документами, основной спор возник по следующему вопросу: была ли материальная помощь, получаемая Я. от Г. в период их совместного проживания (в том числе с момента выявления у Я. тяжелого заболевания в 2014 г. и до смерти Г.), постоянным и основным источником средств к существованию Я.?

Заметим, что в п. 31 названного Постановления Пленум ВС РФ разъясняет: «...полное содержание или такую систематическую помощь, которая была бы для него постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от получения им собственного заработка, пенсии, стипендии и других выплат». Подчеркнем: источники получения личного дохода, как впрочем, и размер этого дохода, не имеют значения. Главный критерий – материальная помощь умершего как постоянный и основной источник обеспечения потребностей иждивенца.

К сожалению, при рассмотрении данного спора судом как первой, так и вышестоящей инстанций не были оценены представленные доказательства, вследствие чего судебные акты подлежат отмене.

В рамках нашего исследования приведенный пример, который, к сожалению, отнюдь не единичен, позволяет сделать вывод о необходимости расширительного толкования понятий «семейные связи» и «семейные отношения», поскольку соответствующие отношения находятся за пределами предмета семейного права и семейного законодательства. Кроме того, при наличии отмеченной нами пикантной детали в сложившейся ситуации параллельно должны применяться и нормы действующего законодательства, регулирующие имущественные отношения между супругами, т.е. вполне допустима конкуренция исков супруга и так называемого фактического супруга.

Необходимость установления в судебном порядке факта иждивенчества кого-либо из членов семьи и получения содержания от умершего лица может возникнуть и при реализации права на получение пенсии по случаю потери кормильца. В Обзоре судебной практики № 2 (2020) это демонстрирует Определение № 78-КГ19-43: речь идет о Л., которая в связи со смертью мужа, сотрудника органов внутренних дел, заявила требование о предоставлении ей пенсии по случаю потери кормильца. К сожалению, суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска Л., причиной чему стало неправильное применение положений закона. В частности, суды не установили, что именно алименты, выплачиваемые мужем, являлись основным источником обеспечения ее потребностей. В судебном заседании было установлено, что муж выплачивал алименты на основании судебного решения, следовательно, факт нуждаемости Л. в соответствующих

средствах был доказан ранее и «засилен» вступившим в законную силу решением суда.

В Обзоре судебной практики № 4 (2020) приведено Определение № 25-КГ19-9, изучение которого позволяет нам выявить и продемонстрировать иную взаимосвязь содержания семейных правоотношений и перспективы получения единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью члена семьи.

Суть дела в следующем: И. полагала, что Т. должен быть лишен права на получение предусмотренных законом страховой суммы и единовременного пособия, поскольку не поддерживал никаких родственных связей с сыном, при жизни сына и до его совершеннолетия не занимался его воспитанием, не интересовался его судьбой, своих обязанностей родителя не осуществлял, материально не содержал, алименты не выплачивал. Кроме того, Т. был привлечен к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов на сына.

Похороны сына И. организовывала самостоятельно, всё оплачивала за счет личных средств.

Ответчик в суде иск не признал.

Суд первой инстанции отказал И. в удовлетворении иска о лишении Т. права на указанные выплаты, сославшись на положения ст. 3 Федерального закона №306-ФЗ, ст. 1, 2, 4, 5 Федерального закона № 52-ФЗ и отметив, что действующим законодательством не предусмотрена возможность лишения одного из родителей права на получение единовременной выплаты и страховых сумм в связи со смертью военнослужащего.

При этом суд отметил, что доводы И. о якобы злостном уклонении Т. от выполнения обязанностей родителя по отношению к их общему сыну А. не нашли своего подтверждения в судебном заседании, ведь Т. не был лишен судом родительских прав в отношении сына А.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Итак, в приведенном случае именно факт ненадлежащего осуществления родительских прав и исполнения родительских обязанностей, предусмотренных нормами СК РФ, и его доказанность выступают условием применения положений специального законодательства о статусе военнослужащих.

В соответствии с положениями специальных законов [2, 4] родители относятся к лицам, имеющим право на получение единовременной выплаты и страховой суммы в случае гибели военнослужащего.

В то же время возникает вопрос, имеют ли значение в данной ситуации факты, указанные И. в исковом заявлении и свидетельствующие об уклонении ответчика от исполнения обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка?

Напомним, что ответчик не был лишен родительских прав в период несовершеннолетия погибшего сына. Но ведь именно лишение родительских прав означает прекращение всех прав, основанных на факте родства с ребенком, в том числе прав на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей (ст. 71 СК РФ). Таким образом, формально ответчик по-прежнему имеет статус отца и, следовательно, имеет право на получение выплат в связи с гибелью сына в период несения им военной службы.

Однако, по мнению Судебной коллегии Верховного Суда РФ, иск матери погибшего военнослужащего должен быть удовлетворен, а отец, соответственно, лишен права на получение названных выплат.

Что же стало обоснованием данной позиции при отсутствии такого юридического факта, указанного в СК РФ, как лишение родительских прав?

Прежде всего, Судебная коллегия апеллировала к ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практике Европейского суда по правам человека, подчеркнув, что семейная жизнь охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками.

Затем Судебная коллегия посчитала возможным привести в качестве дополнительного аргумента разъяснения, содержащиеся в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [7].

В частности, отмечается, что «уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении. Разрешая вопрос о том, имеет ли место злостное уклонение родителя от уплаты алиментов, необходимо, в частности, учитывать продолжительность и причины неуплаты родителем средств на содержание ребенка».

Резюмируя рассуждения о правах и обязанностях родителей, о тесной эмоциональной связи как признаке семейного союза, об ответственности родителей и последствиях лишения их родительских прав, Судебная коллегия формулирует следующий вывод: «Ввиду изложенного лишение права на получение мер социальной поддержки в виде единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью

военнослужащего возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями к лишению родителей родительских прав, в том числе в случае злостного уклонения родителя от выполнения своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка».

Таким образом, при рассмотрении спора, связанного с предоставлением социального обеспечения лицам, состоящим в родственных отношениях, Верховный Суд РФ обозначил возможность наступления определенных правовых последствий, для которых не соблюдена установленная СК РФ процедура: родитель, не лишенный родительских прав, лишается специальных прав, обусловленных статусом родителя.

Казалось бы, следуя принципу социальной справедливости, ответчика можно лишить права на получение соответствующих выплат, связанных с гибелью сына.

Но каким образом в таком случае будут регламентированы иные последствия гибели сына? Может ли отец выступать наследником первой очереди при наследовании после сына? Можно ли расширительно толковать позицию Судебной коллегии и распространить режим «мог быть лишен родительских прав» на все отношения, предполагающие установление правовой связи между отцом и сыном? Или же мать погибшего сына опять-таки в судебном порядке, но в рамках защиты наследственных прав по ст.1117 ГК РФ заявит требование о признании отца недостойным наследником? Заметим, что перспектива удовлетворения данного требования вполне реальна, поскольку в рамках регулирования именно этих наследственных отношений законодатель прямо указывает на такое основание (п. 2 ст. 1117 ГК РФ).

Представляется, что приведенный пример позволяет отметить значение семейно-правовых связей при регулировании наследственных отношений, т.е. в ситуации, когда эти связи уже прекращены смертью наследодателя. При этом возможность получения права на дополнительные льготы, обусловленные семейно-правовым статусом, может быть реализована при фактическом игнорировании положений ст. 69 – 71 СК РФ.

По нашему мнению, вышеизложенные суждения не могут быть признаны завершенными, поскольку основаны на эмпирической базе, ограниченной Обзорами судебной практики Верховного Суда РФ за 2020 г. Нет никаких сомнений в том, что при рассмотрении споров, связанных с реализацией прав граждан в различных отраслевых правоотношениях, наличие семейных отношений и семейно-правовых связей может не только иметь решающее значение, но и получать самостоятельное толкование, отличающееся по сути от предписаний законодателя и теории семейного права.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // РГ. 1996. 27 янв.
2. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // РГ. 1998. 7 апр.
3. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // РГ. 2001. 28 нояб.
4. Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // РГ. 2011. 9 нояб.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // РГ. 2012. 6 июня.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // РГ. 2014. 7 февр.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // РГ. 2017. 20 нояб.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // РГ. 2019. 9 янв.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

**FAMILY RELATIONSHIPS AND FAMILY LEGAL RELATIONSHIP
AS A SUBJECT OF ANOTHER INDUSTRY REGULATION**

О.Ю. Илина

Tver State University

The author notes the peculiarities of the regulation of family relations as part of the subject of social security law and inheritance law. Differences in family ties and family legal relations in the context of ensuring the rights and interests of citizens by the norms of the relevant industry legislation are noted.

Keywords: *family and legal status, family ties, social Security, hereditary legal relationship.*

About author:

ILINA Olga – doctor of Jur. Sciences, Professor, Dean of the faculty of law of Tver state University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33); SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

Илина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7 – 15.

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: О КОЛЛИЗИИ СУДЕБНЫХ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ В СТИЛЕ ПОСТМОДЕРНА¹

Н.Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль

В статье рассматриваются вопросы, обусловленные противоречивыми подходами российского законодателя и российских судов к институту суррогатного материнства, в той его части, которая фиксирует статусы суррогатной матери и генетических родителей относительно судьбы ребенка, рожденного в результате их участия в соответствующей программе. Предлагается анализ двух определений Конституционного Суда РФ, трех особых мнений судей данного Суда и постановлений Верховного Суда РФ по данному вопросу. Констатируется наличие явной коллизии этих правовых позиций. Выражается надежда на снятие означенной коллизии и, главное, на справедливую корректировку норм семейного и медицинского законодательства, посвященных этой проблеме.

Ключевые слова: суррогатное материнство, приоритет, суды, правовые позиции, коллизии.

Институт суррогатного материнства обсуждается давно с самых разных позиций. С филологической точки зрения сам термин, примененный к данному виду отношений, не вполне удачен, так как ассоциация столь тонкой материи с «суррогатом» эмоционально и интеллектуально губительна. Этическое осмысление его сущности также чревато внутренним протестом – по крайней мере, в пространстве классических нравственных постулатов. Близкая к этической религиозная оценка (со стороны, например, основных на российской территории конфессий) тем более совершенно очевидна. Ряд российских политиков, разнообразной партийно-идеологической принадлежности, также видят в данном институте либо узаконенный вариант торговли людьми, либо избыточно либерализованную конструкцию, которую необходимо хотя бы «окоротить». В науке семейного права высказываются весьма печальные мысли о девальвации рассматриваемым институтом сущности материнства, а явные попытки установить примат генетического родительства над родительством женщины, выносившей ребенка, вполне вписываются, полагают некоторые семейноведы, в идеи «трансгуманизма», являются

---

¹ Работа выполнена при поддержке инициативного проекта VIP-015.

инструментом для обеспечения коммерческих интересов соответствующих медицинских организаций и организаций, «реализующих идеологию разрушения института семьи», навязывающих образцы социальных деформаций [8, с. 35 – 40].

Как известно, собственно юридические контексты института находятся в поле острой дискуссии в доктрине и судебной практике. При этом, с учётом самой идеи узаконения суррогатного материнства (особенно в его коммерциализированной версии), приходится констатировать, что российское семейное законодательство – почти «впереди планеты всей», и лишь немногие цивилистические системы опережают его по «всепогодности» (например, США). Чтобы приблизиться к лидерам «всесильного гендера», в нашей доктрине высказываются предложения о необходимости не только «перевернуть пирамиду» в пользу «заказчиков», но и снять ограничение для участия в программе суррогатного материнства «одиноких мужчин». Аргумент очевиден: необходима гендерная нейтрализация нормы ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (как будто в российском праве все нормы гендерно нейтральны...; и как будто «лелеемая» стопроцентность – объективная неизбежность) и узаконение сложившейся судебной практики (при том, что возникает вопрос: а на каком основании она сложилась – вследствие прямого несоблюдения действующего законодательства?..). В доктрине также справедливо отмечается, что эта практика поощряет ситуации с регистрацией в качестве родителя только мужчины, что совершенно не отвечает интересам ребенка, и до тех пор, пока государство жестко не обозначит свою позицию относительно регламента вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) по заявлениям мужчин, не состоящих в браке, будут обоснованные опасения относительно цели суррогатного материнства [4, с. 52 – 59].

Между тем в очередном пакете изменений в Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) все же присутствуют разумные подходы: предлагается, напротив, сузить субъектный состав программы (исключить формулировку «мужчина и женщина», приведя тем самым медицинское законодательство в соответствие с семейным), запретить иностранный элемент в данных отношениях. Поскольку, видимо, отказ от самого института уже невозможен (очередной «ящик Пандоры» уже открыт), подобную корректировку следует только приветствовать.

Впрочем, предлагаемое сочинение посвящено не проблематике института суррогатного материнства в целом, а ситуации, возникшей в связи с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и особыми мнениями конституционных судей. На факт коллизионности данных позиций мы уже указывали ранее, однако без подробной аналитики, так как работы были посвящены более широкой

теме судебного правотворчества по семейным делам и своеобразию форм его воплощения [9, 11, 13].

Как известно, история вопроса имеет свое начало в Определении Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-0 [2], в котором Суд не усмотрел неконституционности норм п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: «правовая модель, предоставляющая суррогатной матери право давать согласие на запись заказчиков (генетически связанных с ребенком) в качестве его родителей, «не будучи единственно возможной, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя».

К данному определению были приложены два особых мнения конституционных судей – С.Д. Князева и Г.А. Гаджиева. Ключевые аргументы С.Д. Князева сводились, на наш взгляд, к следующим положениям: программа предполагает «соучастие» суррогатной матери и генетических родителей, отказ первой не может перечеркнуть «природных» прав вторых; действующее правило не отвечает целевому назначению института (преодоление бесплодия); в силу этого рассматриваемый приоритет суррогатной матери – далеко не бесспорен и явным образом нуждается в оценке на предмет соответствия принципам конституционных положений ч. 1 и 2 ст. 38 и ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации. Судья Г.А. Гаджиев подчеркнул: позиция о возмездном характере договора суррогатного материнства противоречит международно-правовым принципам биоэтики; идея приоритетности обсуждаемого права суррогатной матери порождает проблему баланса прав сторон соглашения и не учитывает интересы ребенка; спорным является также вопрос о толковании понятия «мать ребенка» (в том числе в контексте конституционной нормы ст. 38 о защите материнства); с одной стороны, приходится оценивать социальное и эмоциональное значение вынашивания и рождения ребенка суррогатной матерью, с другой – нравственные и эмоциональные страдания граждан, стремящихся к созданию семьи с ребенком, но лишенных реализовать это стремление самостоятельно². Соответственно, судьи сочли отказ в рассмотрении жалобы необоснованным.

Второй этап развертывания истории обмена правовыми позициями ознаменовался принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 [3], в п. 31 коего были заявлены как возможность предъявления иска генетическими родителями к суррогатной матери об оспаривании ее отказа дать согласие на запись их материнства и отцовства, так и удовлетворения оно – с учетом анализа содержания договора между ними, причин означенного поведения их «контрагента»

---

² Аргументация судей нами представлена в сокращенном варианте и «вольном изложении», но адекватно по смыслу и близко к авторским текстам.

и интересов ребенка. Очевидно, что Верховный Суд, наряду с иными соображениями, счел возможным поддержать складывающуюся в этом направлении судебную практику. В своих других работах мы уже давали оценку данной позиции, в том числе в контексте такого вида судебного правотворчества, который основан на противопоставлении судебной позиции императивной правовой норме (возможно, и не справедливой) [13].

Восхитительно, но: 1) можно и не утруждаться изучением пунктов договора – с вероятностью в 99 % в нем должна содержаться запись об обязательстве суррогатной матери передать ребенка «заказчикам» (по сути, ничтожная); 2) единственным юридически значимым основанием для удовлетворения иска могут быть факты злоупотребления первой своими правами (в том числе факты имущественного шантажа); 3) ссылка на необходимость учета интересов ребенка является безупречной – в том смысле, что в общестратегическом значении не оспаривается ни доктриной [5], ни законодательством, ни правоприменительной практикой, однако законодателем, видимо, была учтена «включенно» в формулировке критикуемой нормы.

Наконец, в качестве «апофеоза» нашей истории предлагается правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Определении от 27 сентября 2018 г. № 2318-0 [1]. Не углубляясь в фабулу дела и вынесенных по нему решений, а также в комплекс аргументации Суда, в том числе сославшегося на собственное определение № 880-0, обратим внимание, в контексте целеполагания нашего сочинения, на предложенную Судом ориентировку на п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда, только что нами осмысленного: позиция последнего позволяет судам действовать усмотренчески – с опорой на указанные в Постановлении обстоятельства.

В этой связи – наша интеллектуальная эмоция: еще более восхитительно – в том смысле, что Конституционный Суд РФ не счел необходимым увидеть (по крайней мере, официально) своеобразную коллизию между правовыми позициями по данному вопросу – своей и Верховного Суда РФ. Если не сказать больше: не увидел противопоставления данных позиций.

Между тем конституционный судья А.Н. Кокотов в своем особом мнении не только обратил на это внимание, но и системно высказался по существу проблемы³. Первое: «заказчики» связаны с ребенком генетически, однако суррогатная мать имеет с ним биологическую общность – она предоставляет ему ресурсы своего организма, на основании которых и формируется организм будущего ребенка; в процессе его вынашивания у нее объективно закладывается и

---

³ Правовую позицию судьи мы также излагаем не дословно, но с сохранением ее существа.

просыпается материнский инстинкт, устанавливается биологическая и эмоциональная связь⁴. Второе: наличие у ребенка двух матерей и возможный этико-правовой конфликт между ними являются основанием для запрета программы в значительном числе государств (или, как вариант, запрета коммерческого суррогатного материнства). Третье: в странах, где оно разрешено, осуществляется поиск баланса интересов. Четвертое: «заказчики», конечно же, не просто доноры, поэтому российский закон не устанавливает правило о заведомом материнстве (Испания, Португалия) противоположной стороны отношения и предоставляет первым возможность оспаривания соответствующей записи, однако только на основании фактов злоупотребления правом. Пятое: Верховный Суд РФ перешел эту границу, позволив судам анализировать и другие обстоятельства дела в качестве подобных оснований, т.е., по сути, руководствоваться правоприменительной аналогией с делами об определении места проживания ребенка. Шестое: если данная тенденция сложится и не получит оценки как неконституционная (!!!⁵), придется, дабы исключить базу для острых конфликтов, законодательно поменять подходы, установив приоритет родительских прав генетических родителей – так будет честнее (по крайней мере, в отношении коммерческой программы). И вывод судьи: Конституционному Суду РФ следовало бы принять жалобу к рассмотрению и оценить как действующее законодательство (в том числе и нормы ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁶), так и сложившуюся судебную практику, которая, по сути, присваивает себе полномочия квалифицировать нормы права как неконституционные. Таким образом, судья Конституционного Суда РФ в своем особом мнении констатировал то, что нам хотелось бы увидеть в тексте определения, к которому это мнение было приложено. (В этой связи в очередной раз выражаем сожаление о переводе института особого мнения конституционного судьи из публичного пространства в полностью от юридической общественности закрытое. Подробный анализ этой поправки в Федеральном конституционном законе «О

---

⁴ Разумеется, возможны исключения, когда суррогатная мать воспринимает себя (или убедила себя в этом) в качестве «технического инкубатора». Хотелось бы знать: отражается ли подобное восприятие на эмоционально-интеллектуальных характеристиках проточеловека?.. Кроме того, известно, что на практике медики стремятся сразу после родов исключить общение между роженицей и малышом – именно с целью противодействия возникновению или укреплению означенного инстинкта материнства. А в договорах подобная их обязанность (как и обязательство суррогатной матери) может и прописываться. Замечательные образцы современного технократического, окоммерченного и оцифрованного бытия...

⁵ Эмоция наша.

⁶ В доктрине неоднократно отмечалось наличие явной коллизии между семейным и медицинским законодательством по данному вопросу.

Конституционном Суде Российской Федерации» нами сделан по «свежим следам» в Вестнике ЯрГУ им. П.Г. Демидова) [10]).

Заметим также, что судебные правовые позиции, ориентированные на вектор справедливых решений, прямо или косвенно противоречащие буквальному (и даже расширительно толкуемому) смыслу законодательства, уж коль скоро они состоялись и удержали свою законную силу, должны служить явным основанием для реализации права на законодательную инициативу, в нашем случае – со стороны Верховного Суда РФ. (За последние годы мы в своих работах отмечаем странную, на наш взгляд, тенденцию: право законодательной инициативы не реализуется не только в связи с обнаружением проблемы в дне сегодняшнем, но и сомнениями, возникшими более 20 лет назад, – высший суд и в последнем случае, сформировав правовую позицию в 90-е гг., подтверждает ее в текущем времени [12]⁷).

Подводя итог своим размышлениям, заметим, что институт суррогатного материнства относится к постоянно актуальному и остро бытийствующему дискурсу. «Щупальца» его противоречивых норм склонны к разрушению как начал российского семейного законодательства, так и этических представлений и ценностей о родительстве и детстве. В пространство данного дискурса закономерно вовлечены суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ, не вполне согласный внутри себя относительно стратегической правовой позиции. Надеемся, что «ядовитость щупалец» будет снижена до минимума или вовсе исчерпана грядущими уточнениями семейного и медицинского законодательства. Этого желается еще в большей степени – в общем контексте формирования позиции российского законодателя относительно грамотного, адекватного закрепления в семейно-правовых нормах (принципах и конкретных регуляторах) ценностей институтов брака, семьи, родительства, детства [6, 7].

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 2318-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5

---

⁷ Мы также отмечаем, что возможная корректировка СК РФ по рассматриваемому вопросу, как вариант, должна исходить не из переворачивания «пирамиды» в пользу генетических родителей, а из допущения судебного усмотрения [3, 5] – на основе баланса интересов участников программы и, главное, учета интересов рожденного ребенка (к чему и призывают суды, однако без прямой опоры на действующую нормативную формулировку; их ссылка на Конвенцию о правах ребенка, разумеется, правомерна, однако она должна толковаться в системе с СК РФ, а если последний «сопротивляется», вести либо к приостановке действия нормы на основании акта конституционного правосудия, либо к прямому законодательному изменению).

статьи 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", частью 9 статьи 55 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 Федерального закона "Об актах гражданского состояния"» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Ильина О.Ю. «Непринципиальные» принципы семейного права и законодательства // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 52 – 59.

5. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.

6. Ильина О.Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 108 – 116.

7. Косова О.Ю. Детство: беглый взгляд в настоящее и будущее // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 26 – 39.

8. Косова О.Ю. О концептуальной основе развития российского семейного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 35 – 40.

9. Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 254 – 273.

10. Тарусина Н.Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 1. С. 64 – 75.

11. Тарусина Н.Н. О судебном правотворчестве по семейным делам как проблемной форме судебного усмотрения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 72 – 82.

12. Тарусина Н.Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96-109.

13. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica. 2019. № 5. С. 40 – 48.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Россия, Ярославль, ул. Советская, 14); e-mail: nant@uniyar.ac.ru

SURROGACY: ON THE CONFLICT OF LEGAL POSITIONS IN THE POSTMODERN STYLE

N.N. Tarusina

P.G. Demidov Yaroslavl State University

The article examines the issues caused by the conflicting approaches of the Russian legislator and Russian courts to the institution of surrogate motherhood, in that part of it, which fixes the status of a surrogate mother and genetic parents regarding the fate of a child born as a result of their participation in the corresponding program. An analysis of two definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation, three dissenting opinions of the judges of this Court and the decision of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue is offered. The presence of a clear conflict of these legal positions is stated. Take hope on expressed for the elimination of the aforementioned conflict and, most importantly, for a fair adjustment of the norms of family and medical legislation dedicated to this problem.

Keywords: *surrogacy, priority, courts, legal positions, conflicts.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD, professor, head of the Department of social and family law of the P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14); e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. Суррогатное материнство: о коллизии судебных правовых позиций в стиле постмодерна // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 16 – 23.

АКТЫ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

И.А. Трофимец

Посольство России в Испании, г. Мадрид

Словосочетание «акт гражданского состояния» имеет полисемантический концепт: юридический факт; правовой институт; источник (носитель) информации. Автором анализируется категория «акт гражданского состояния» в значении юридический факт как основание возникновения, изменения и прекращения правоотношений не только частного, но и публичного характера. Применение общенаучных и специальных методов исследования позволили сделать вывод о сложном юридическом составе и правоподтверждающем значении государственной регистрации акта гражданского состояния для наступления различных юридических последствий.

Ключевые слова: акт гражданского состояния, государственная регистрация, юридический факт.

К сожалению, к проблематике актов гражданского состояния интерес носит фрагментарный характер. Да и сам правовой институт актов гражданского состояния на протяжении всей своей истории находится на «задворках юриспруденции». Среди исследований последних лет можно отметить всего несколько диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук [3, 21, 23]. Весомым вкладом в развитие юридической науки об актах гражданского состояния можно считать коллективную монографию «Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния», выпущенную в 2017 г. к 100-летию юбилею «истории отечественного законодательства о государственной регистрации актов гражданского состояния и системы органов записи актов гражданского состояния» [20].

На наш взгляд «акты гражданского состояния» как правовая категория не совсем корректно представлены в официальной концепции, а именно в Федеральном законе от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в ред. 24.04.2020 г.). Легальная дефиниция, содержащаяся в п. 1 ст. 3, следующая: «Акты гражданского состояния – действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан». В п. 2 названной статьи законодатель определяет круг действий граждан и событий, которые подлежат государственной регистрации в качестве актов гражданского состояния:

рождение, заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и смерть. Разделяются понятия «акт гражданского состояния» и «государственная регистрация акта гражданского состояния», что, на наш взгляд, ошибочно, поскольку только благодаря государственной регистрации действий и событий, определенных законом, появляется юридическая категория «акт гражданского состояния».

Ученые-цивилисты, изучая акты гражданского состояния с позиции оснований возникновения, изменения и прекращения в гражданском и семейном праве, приходят к одинаковым выводам относительно юридической природы актов гражданского состояния, и предлагают различать: юридические факты – события или действия, влекущие возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан; административные акты (акты органа публичной власти), подтверждающие регистрацию данных юридических фактов; документ – материальный носитель информации о действиях и событиях, подлежащих удостоверению в соответствующих органах публичной власти [3, с. 4; 21, с. 8]. Представляется такой подход к определению актов гражданского состояния спорным. Невозможно разделить акты гражданского состояния на юридические факты и административные акты, поскольку последние тоже являются юридическими фактами. Действия граждан и события, перечисленные в законе в качестве актов гражданского состояния, могут быть отнесены к категории юридических фактов только при соблюдении обязательного условия их государственной регистрации органом записи актов гражданского состояния, тем самым образуется необходимый юридический состав.

Еще одно замечание сводится к тому, что события не могут называться актами, поскольку события возникают, протекают и прекращаются не зависимо от воли людей. Утверждаем, что называть события актами абсолютно неверно, поскольку акт – это всегда действие, имеющее волевой компонент. Далее, в случаях (расторжение брака в судебном порядке, усыновление (удочерение), установление отцовства, объявление гражданина умершим), кроме действий граждан, необходим еще такой юридический факт, как судебное решение, который по времени предшествует государственной регистрации акта гражданского состояния. Сами по себе перечисленные в законе жизненные обстоятельства в качестве актов гражданского состояния таковыми не являются. Эта особая разновидность действий граждан (и других субъектов) или событий лишь потенциально влияет на возникновение, изменение или прекращение их прав и обязанностей, и характеризует правовой статус лица. Именно в результате государственной регистрации они трансформируются в правовые основания с определенными законом последствиями, а именно в акты гражданского состояния. Акты

гражданского состояния идентифицируют и индивидуализируют человека, фиксируют его правовое положение, юридическую связь с государством и другими субъектами правоотношений [9, 10]. Перечисленные в законе действия и события в качестве актов гражданского состояния самостоятельно не влекут необходимых правовых последствий, для их наступления требуется наличие юридического состава, включающего и административный акт – государственную регистрацию. Более того, в отношении таких актов гражданского состояния как расторжения брака в судебном порядке, усыновление (удочерение), установление отцовства в судебном порядке, кроме действий граждан необходимы действия компетентного государственного органа – суда, обязательны судебные решения.

Как положительный момент можно отметить, что в официальном определении нет указания на то обстоятельство, что акты гражданского состояния исключительно имеют значение для гражданских правоотношениях и характеризуют частноправовое состояния граждан.

Гражданские права или права гражданина – это более широкое понятие, чем права лица в сфере гражданского права, регулирующего имущественные и личные неимущественные общественные отношения. Устоявшаяся позиция, в т.ч. законодательная (ст. 47 Гражданского кодекса РФ определяет закрытый перечень актов гражданского состояния), что «акты гражданского состояния» – это исключительно гражданско-правовой институт [3, 21, 23], не отвечает сложившимся реалиям. Полагаем, что «акты гражданского состояния» – правовая категория комплексной отраслевой принадлежности, поскольку юридические факты, подлежащие государственной регистрации (рождение, брак, перемена имени, усыновление (удочерение), установление отцовства и смерть), являются основаниями возникновения, изменения, прекращения различных публичных и частных правоотношений. Подтверждением находим у С.М. Корнеева, который предлагал следующую дефиницию: «Гражданское состояние – это правовое положение конкретного гражданина как носителя различных прав и обязанностей (политических, имущественных, личных и проч.), определяемое фактами и обстоятельствами естественного и общественного характера» [4, с. 165]. Далее ученый рассуждал о том, «что значит ответить на вопрос о гражданском состоянии гражданина – значит указать факты, индивидуализирующие его (фамилия, имя, отчество, гражданство, пол, возраст)...и семейное положение» [4, с. 165]. Безусловно, в числе современных актов гражданского состояния большинство юридических фактов гражданского и семейного права (заключение и расторжение брака, установление отцовства, усыновление (удочерение) имеют правовые последствия для правоотношений в других отраслях права. Запись о рождении ребенка подтверждает наличие семейного правоотношения с его родителями и другими родственниками

со всеми юридическими последствиями, вытекающими из этого факта (право на воспитание, содержание, наследование, запрет на брак и др.).

Не менее важным следует признать публично-правовые последствия записи рождения и смерти лица. Регистрация рождения – это административный акт, подтверждающий приобретение гражданства по факту происхождения или филиации, т.н. «праву крови» (*лат. jus sanguinis*) и возникновение правоспособности у лица. Регистрация смерти – это административный акт, подтверждающий факт смерти (биологической или предполагаемой при объявлении лица в судебном порядке умершим), влекущий прекращение правоспособности лица, его гражданства и всех прав и обязанностей, которыми он обладал при жизни. Государство документирует приобретение гражданства при рождении и его прекращение в связи со смертью. Нельзя не согласиться с мнением Ч. Санфилиппо, что «в современных правовых порядках, ..., принадлежность индивидуума к государству совпадает с гражданством, так что понятию гражданина обычно противостоит понятие иностранца» [19, с. 175]. Гражданство – это юридическое, а не фактическое состояние лица, в связи с чем, требуется надлежащее оформление статуса лица в качестве гражданина и производится это посредством записи акта гражданского состояния.

В словосочетании «акты гражданского состояния» представляет интерес этимология слова «гражданский» как производное от «гражданин», и их действующее юридическое значение, которое используется в международном праве и внутренних правовых системах. В русском языке «гражданин» происходит от «горожанин», т.е. житель города. Только в конце XVIII в. «горожанин» трансформировался в «гражданина», которого стали считать лицом, имеющим устойчивую связь с государством, на территории которого проживает и наделяется определенным правовым статусом. Не согласны с мнением, «что наименование актов состояния «гражданскими» вовсе не означает их юридическую значимость только в сфере действия гражданского права, а предполагает не канонический, а общегражданский, установленный государством, порядок регистрации в органах записи актов гражданского состояния, специально созданных для этих целей после Октябрьской революции 1917 г. и отделения церкви от государства» [20, с. 50]. Исторически в названии этих юридических фактов отсутствовало какое либо указание на церковный порядок их регистрации. И даже если поверить, что переименование связано с этим обстоятельством – отделением церкви от государства, тем не менее, остается тот факт, что записи о рождении, браке и смерти производились с целью индивидуализации и идентификации физических лиц в качестве самостоятельных участников различных общественных отношений, а государство просто возложило на церковь, входившую в

дореволюционный государственный аппарат, ведение учета населения на своей территории.

Чтобы сформулировать концепцию актов гражданского состояния в качестве юридических фактов следует обратиться к общей теории права. В русской научной литературе исследованию юридических фактов посвятили свои работы Е.В. Васьковский, Д.Д. Гримм, Н.М. Коркунов, К.П. Победоносцев, В.И. Синайский, Г.Ф. Шершеневич и др., современные учения о юридических фактах наиболее разработаны цивилистами (Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, В.И. Данилин, А.З. Долов, О.А. Красавчиков, С.И. Реутов, Р.О. Халфина, В.В. Ярков и др.).

С теоретической точки зрения, жизненные обстоятельства подразделяются на факты юридически значимые (юридические факты) и факты юридически безразличные, с которыми не связывают каких-либо правовых последствий, факты одного и того же вида могут быть или не быть юридическими фактами [1]. Например, бракосочетание в органах ЗАГС порождает семейные правоотношения, в то же время как простое сожительство мужчины и женщины или религиозный обряд, связанный с бракосочетанием, не влечет правовых последствий. Или другой пример, само по себе раздельное проживание супругов не прекращает существующее между ними брачное правоотношение, требуется расторжение брака в установленном порядке с последующей государственной регистрацией соответствующего акта. Благодаря юридическим фактам реализуются создаваемые нормами права возможности движения (динамики) правоотношения.

Установление юридических фактов есть определенный этап применения правовой нормы, так как указание на них содержится в гипотезе нормы права. Механизм перехода от факта к праву представляется достаточно простым, «закон имеет в виду определенный факт, пучок обстоятельств, внутрь которого помещается человек с тем, чтобы извлечь из этого правовые последствия» [16, с. 117]. Юридический факт признается непосредственно причиной, вызывающей начало регулирования отдельными нормами права отдельных фактических общественных отношений или прекращающей такое регулирование. Однако юридические факты играют одновременно и другую, противоположную роль: они способствуют изменению, развитию фактических общественных отношений, а значит, непосредственно способствуют процессу правообразования. Юридический факт – необходимая предпосылка правового отношения, им придается значение обстоятельств, которые являются условием применения правовой нормы. Закон снабжает факты реальной действительности определенной юридической функцией [11, с. 625]. Никакой факт не может произвести правовые последствия исключительно за счет своих внутренних качеств, необходимо, чтобы норма права добавила данному факту недостающее

качество, а именно сообщила ему особое значение, определенные юридические последствия и одновременно с этим дала ему наименование.

В теории права при решении вопроса об отнесении тех или иных фактов к числу юридических анализируют их социальную значимость, объективированность и нормативность. Представляется обоснованной точка зрения С.Ф. Кечекьяна, полагавшего, что состояние само по себе не может рассматриваться как вид юридического факта, поскольку невозможно его отграничить от длящегося правоотношения, возникающего, изменяющегося или прекращающегося из определенного юридического факта: вступления в брак, рождения ребенка и т.п. [13, с. 173]. В подтверждение правильности позиции ученого, можно привести высказывание классика российской цивилистики К.П. Победоносцева, который отмечал, что принадлежность лица к тому или иному состоянию или отношению (родство, брак, усыновление и т.д.) есть в сущности свойство самого лица, с которыми и связывают юридические последствия [18]. Аналогичное мнение у М.В. Антокольской: «Действительно, каждому лицу присущи определенные свойства. Как родовые, так и индивидуальные, например, пол, возраст и т.д., однако никто не называет их состояниями» [2, с. 89].

Существующая классификация юридических фактов в зависимости от правовых последствий, которые они порождают: правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие [12, с. 22], на наш взгляд, требует дополнения еще одной группой: правоподтверждающими юридическими фактами, как самостоятельным видом, к числу которых можно отнести судебные решения, нотариальные действия, административные акты, поскольку действия компетентных государственных органов и должностных лиц лишь свидетельствуют о наличии и отсутствии права у лица в силу иных фактических обстоятельств (брак, родство, свойство и т.п.). В качестве аргумента приводим высказывание О.А. Красавчикова: «Решая вопрос об отнесении или неотнесении тех или иных фактов к юридическим, нельзя исходить только из того, прибавляет ли он (факт) что-либо с «фактической стороны». Существуют такие юридические факты (судебные решения, административные акты), которые, не прибавляя ничего нового с «фактической стороны», могут привнести нечто со «стороны юридической» [15, с. 135]. В большинстве случаев для возникновения, изменения и прекращения правоотношений недостаточно только одного юридического факта, а необходима их совокупность, точнее говоря, система – юридический состав. Юридические факты в таких ситуациях выступают в качестве элементов юридических составов. Отсутствие хотя бы одного из элементов порождает незавершенный состав фактов, и соответственно правоотношение не может возникнуть, измениться или прекратиться. И

только наличие всех элементов переводит состав из одного состояния (фактического), в другое (юридическое) и порождает требуемые лицу правовые последствия. Для некоторых случаев имеет значение последовательность совершения юридических фактов как элементов состава, нарушение приводит к не наступлению желаемых правовых последствий. Соотношение отдельного юридического факта как элемента состава с юридическим составом как совокупностью фактов рассматривается как соотношение частного и общего.

Акты гражданского состояния, а именно государственная регистрация рождения и смерти, находятся в особом соотношении с правовой категорией – правосубъектностью (право- и дееспособностью) физического лица. Правоспособность возникает с момента рождения и прекращается со смертью. Биологические факты рождения и смерти должны быть подтверждены их государственной регистрацией. Правоспособность, подтвержденная актом гражданского состояния, создает юридическую возможность обладания правами, для превращения которой в действительность необходимы юридические факты.

Акты гражданского состояния являются по своей сути не единичными юридическими фактами, а юридическими составами, в которые наряду с жизненными обстоятельствами (действиями граждан и событиями), а также в ряде случаев судебными решениями, входит в обязательном порядке специальный юридический факт – государственная регистрация (действие органов записи гражданского состояния субъектов Российской Федерации), являющийся административным актом. Считаю важным отметить, что обязательная государственная регистрация актов гражданского состояния является в юридическом составе правоподтверждающим юридическим фактом, хронологически завершающим юридический состав, необходимый в механизме правоотношений и правовых состояний. Акты гражданского состояния это зарегистрированные органами записи гражданского состояния в установленном порядке определенные жизненные обстоятельства, с которыми закон связывает различные юридические последствия в виде возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей, а также правовое состояние граждан.

Список литературы

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Антокольская М.В. Семейное право. М., 2001.
3. Горская Е.Ю. Акты гражданского состояния как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских и семейных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 29 с.

4. Гражданское право. В 2 т. Том I: Учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1998. 816 с.

5. Ильина О.Ю. Государственная регистрация актов гражданского состояния: проблема соответствия Семейного кодекса РФ и специального законодательства // Социально-юридическая тетрадь. Научный журнал. Выпуск 5. 2015. Ярославль. С. 34 – 45.

6. Ильина О.Ю. К вопросу о значении буквы «Ё» в имени гражданина при государственной регистрации актов гражданского состояния и защите персональных данных // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2015. № 2. С. 27 – 37.

7. Ильина О.Ю. Постановления судов по семейно-правовым спорам в практике органов записи актов гражданского состояния // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 6 – 12.

8. Ильина О.Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С.38 – 46.

9. Ильина О.Ю. Проблема соотношения частных и публичных интересов при государственной регистрации рождения ребенка, родившегося вне медицинской организации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 4. С. 84 – 93.

10. Ильина О.Ю. Теоретические и практические проблемы государственной регистрации органами записи актов гражданского состояния перемены имени гражданина // Власть закона. 2014. № 4. С. 17 – 36.

11. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / редкол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов (предисл.). М.: Статут, 2000. 777 с.

12. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 1998. 48 с.

13. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.

14. Косарева (Трофимец) И.А., Косарев А.А. К вопросу о понятии и видах юридических фактов в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2009. № 6. С. 16 – 22.

15. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 184 с.

16. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1998. № 4. С. 117 – 121.

17. Околеснова О.А. Электронное правительство как новый информационно-правовой механизм публичного управления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 183 – 192.

18. Победоносцев К. Курс гражданского права. М.: Статут, 2003. 622 с.

19. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М.: Норма, 2007. 464 с.

20. Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния: монография / ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»; Тверское региональное отделение Ассоциации юристов России. Тверь, 2017.

21. Трефилов С.А. Акты гражданского состояния по законодательству Российской Федерации: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 23 с.

22. Химченко А.И. О создании единого государственного информационного ресурса о населении // Информационное право. 2020. № 3. С. 28 – 31.

23. Юрченко О.Ю. Акты гражданского состояния как юридические факты в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 26 с.

Об авторе:

ТРОФИМЕЦ Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент Посольство России в Испании (28002, Мадрид, ул. Веласкес, 155), e-mail: kosareva-khv@mail.ru

CIVIL STATUS ACTS AS LEGAL FACTS

A.M. Trofimets

Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kingdom of Spain, Madrid

The words "civil status act" has a polysemantic concept: a legal fact; legal institution; source (carrier) of information. The author analyzes the category "civil status act" in the meaning of a legal fact, as the basis for the emergence, change and termination of private and public legal relations. The author uses general and special research methods that to do possible conclusion about the legal significance of state registration of a civil status act for the onset of various legal consequences.

Keywords: *civil status act, state registration, legal fact.*

About author:

TROFIMETS Irina – PhD, Associate Professor Embassy of Russia in Spain (28002, Madrid, c/Velazquez, 155), e-mail: kosareva-khv@mail.ru

Трофимец И.А. Акты гражданского состояния как юридические факты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 24 – 32.

ПАРТНЁРСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО БИЗНЕСА: ИСТОКИ, ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ

Д.В. Штыков

ООО «Юридическое бюро «Падва и Эпштейн», г. Тверь

Настоящая статья открывает собой цикл работ, посвящённых современным моделям и способам построения юридического бизнеса. В ней осуществляется общее ознакомление с партнёрской моделью развития юридического бизнеса, раскрываются её характеристики и понятие. Кроме того, сделан небольшой экскурс в историю развития юридического партнерства, а также приведены конкретные примеры современных юридических компаний, построенных на основе партнёрства и являющихся лидерами современного российского юридического бизнеса.

Ключевые слова: юридический бизнес, партнёрство, партнёрские соглашения, управление юридической фирмой, специфика партнёрства в юридическом бизнесе, понятие партнёрства в юридическом бизнесе.

Партнёрство в совершенно различных своих проявлениях всегда являлось и продолжает оставаться ключевым условием развития любого бизнеса. Это может быть партнёрство внутри одной компании между её совладельцами, партнёрство с внешними контрагентами в цепочке сбыта и производства и даже внешнеэкономическое партнёрство между корпорациями и странами. Целью любого партнёрства в бизнесе всегда должно являться взаимовыгодное сотрудничество, нацеленное на достижение стратегических целей и, как следствие, извлечение прибыли.

Не является исключением и юридический бизнес, который в ходе своего становления возвел партнёрство в основу развития и, возможно, как никакой иной бизнес, сумел создать и выстроить присущую своим особенностям сложную, эффективную и системообразующую модель бизнеса, основанного на партнёрстве.

В целом под понятием партнёрства в юридическом бизнесе принято понимать модель управления юридической фирмой, при которой работники юридической фирмы делятся на наёмных сотрудников и партнеров. Партнёры, в свою очередь, управляют фирмой и участвуют в распределении прибыли.

На западе институт партнёрства существует давно и сейчас отражает не просто форму организации адвокатских компаний, а структуру управления юрбизнесом [2].

Сам по себе институт партнёрства в юридическом бизнесе берёт своё начало в странах англо-саксонской системы права: «Организация

юридической фирмы в форме партнерства уходит своими корнями в историю английского права, в котором традиционная роль барристера (адвоката, имеющего права выступать в судах) заключалась в том, чтобы быть “персональным представителем” своего клиента и избегать какого-либо конфликта интересов. Именно поэтому ему запрещалось объединять усилия с другими адвокатами – юристу следовало вести дела своих клиентов индивидуально. Будучи воспринята представителями другого государства – американской республики, идея “личного представителя” видоизменилась. Американское право практически с самого начала отказалось от представления, что адвокат должен практиковать индивидуально, но при этом оставило требование о его личной ответственности перед клиентами за свои действия. Единственной организационно-правовой формой, в которой такое личное участие сочеталось с полной ответственностью адвокатов, как раз и было партнёрство. В конце XIX и начале XX в., в период, когда начали образовываться объединения юристов на уровне штатов (State Bar Associations), модель партнёрства как основная форма организации юридической практики, доказавшая свою эффективность, получила повсеместное распространение в США» [1].

Появившаяся в Англии и США такая система получила своё развитие во всем мире, в том числе и в России.

В нашей стране первые партнёрства в юридическом бизнесе возникали одновременно с появлением этого самого юридического бизнеса в начале 90-х гг. XX в. К пионерам такой модели можно отнести, например, такие компании, как юридическая фирма «АЛРУД», основанная в 1991 г. (<https://www.alrud.ru/history>), «Монастырский, Зюба, Степанов & Партнеры» (<https://mzs.ru/ru/>) (1991), Юридическая фирма «ЮСТ» (<http://yust.ru/company/>) (1992), Адвокатское бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», созданное в 1993 г. (<https://epam.ru/ru/pages/about>). С тех пор указанные компании не только не отказались от партнёрской модели бизнеса, но и значительно расширили состав партнёров и занимают лидирующие позиции на юридическом рынке России.

В целом же сегодня подавляющее большинство заметных юридических компаний в стране построено именно на принципе партнёрства, который простыми словами можно сформулировать как формулу, согласно которой фирма управляется партнёрами, которые распределяют между собой прибыль.

Указанное наглядно подтверждается международными и российскими рейтингами юридических компаний. В качестве национальных необходимо отметить рейтинг «Право-300» (<https://300.pravo.ru/>), формируемый информационным порталом «Право.ru» (<https://pravo.ru/>), и ежегодное исследование «Лидеры рынка юридических услуг» (<https://www.kommersant.ru/doc/4267845>),

формируемое Издательским домом «Коммерсант» (<https://www.kommersant.ru/>), а среди международных – рейтинги The Legal 500 (<https://www.legal500.com/c/russia/>) и Chambers and Partners (<https://chambers.com/>).

Обратившись к указанным рейтингам и сайтам их участников, увидим что на большинстве из них представлена подробная информация о партнёрах компании.

Указанное подтверждает, что модель построения юридического бизнеса у лидеров отрасли основана на партнёрской схеме. Такая схема получила признание и в настоящее время является безоговорочным лидером построения юридического бизнеса как в России, так и за её пределами.

При этом необходимо отметить, что в рамках указанной партнёрской схемы компании сильно отличаются друг от друга по совершенно различным критериям, начиная от принципов построения и видов партнёрства и заканчивая моделью распределения прибыли.

Далее необходимо определить, что же вообще мы понимаем под партнёрством в юридическом бизнесе и чем оно отличается от партнёрства в бизнесе в целом, т.е. выделить из общего частное и тем самым определить специфику исследуемого вида партнёрства.

Говоря в целом о партнёрстве, мы подразумеваем модель построения юридической фирмы, управляемой двумя и более людьми, которые и именуются партнёрами, ведь если она управляется одним человеком, то его вряд ли можно назвать партнёром, он в этом случае единственный собственник, но не партнёр в понимании настоящей статьи. Кроме того, обязательным элементом партнёрства в юридическом бизнесе принято считать участие партнёров, тем или иным образом (прямо или косвенно), в распределении прибыли, в принятии ключевых решений, оказании услуг. То есть под партнёрством в юридическом бизнесе принято понимать модель управления юридической фирмой, форму построения бизнеса.

В чем же заключается специфика партнёрства в юридическом бизнесе в отличие, например, от иных сфер предпринимательской деятельности? Представляется, что можно выделить следующие ключевые различия.

Во-первых, в юридическом бизнесе партнёры не только управляют фирмой и принимают стратегические решения, но и непосредственно занимаются оказанием услуг, которые приносят прибыль фирме, в отличие, например, от производственных или торговых компаний, в которых собственники бизнеса не стоят у станка, вытачивая детали, или за прилавком, продавая товары, для извлечения прибыли. То есть партнёры, как правило, остаются юристами и продолжают работать в качестве юристов.

Во-вторых, общепринятым этапом развития юридической фирмы является прием новых партнёров, которые могут прийти извне, либо вырасти внутри компании. Иными словами, если юридическая компания растёт и развивается, то прием новых партнёров — это вопрос времени, но вопрос, который обязательно встанет перед уже имеющимися партнёрами, как минимум из-за того, что ключевые сотрудники компании рано или поздно поставят вопрос о своем партнёрстве в фирме. В остальном же бизнесе, напротив, известна масса примеров, когда с момента своего основания состав партнёров (собственников) оставался неизменным на протяжении всего времени существования компании.

В-третьих, партнёрство неразрывно связано с личностью партнера и его деятельностью. Соответственно, такое право является персональным и, как правило, не может быть продано или передано, например, наследникам. Указанное отличие свойственно не только юридическому бизнесу, но и всем услугам в целом. Однако именно в юридической отрасли указанная черта выражена особенно сильно, так как статус партнёра неразрывно связан с индивидуальными умениями, навыками, талантами партнёра, которые не могут существовать отдельно от него и, как следствие, не могут отчуждаться, равно как и статус партнёра.

Исходя из изложенного, можно попробовать дать следующее определение партнёрству в юридическом бизнесе: партнёрство в юридическом бизнесе – это модель управления юридической фирмой и построения юридического бизнеса, при которой фирма управляется двумя и более лицами, именуемыми партнёрами, участвующими в распределении прибыли, непосредственном оказании юридических услуг в рамках этой фирмы, а также подразумевающая возможность и/или неизбежность принятия новых партнёров в ходе развития фирмы.

Список литературы

1. Лако Мария Партнерство в юридических фирмах: навстречу деньгам [Электронный ресурс] // Юридический бизнес. 2010. URL: <http://www.legal-business.ru/panorama/biznes/1728-partnerstvo-v-yuridicheskikh-firmakh-navstrechu-dengam> (дата обращения: 18.01.2021).

2. Партнеры в юрфирмах: как они зарабатывают [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/209870/> (дата обращения: 18.01.2021).

Об авторе:

ШТЫКОВ Дмитрий Викторович – кандидат юридических наук, руководитель юридического отдела Юридического бюро «Падва и Эпштейн»; e-mail: konakovo-2003@yandex.ru

THE PARTNERSHIP MODEL OF DEVELOPMENT OF LEGAL BUSINESS: THE ORIGINS OF THE CONCEPT, FEATURES

D.V. Shtykov

LLC "Legal bureau" Padva and Epstein", Tver

This article opens a series of works devoted to modern models and methods of building a legal business. It provides a general introduction to the partnership model of legal business development, reveals its characteristics and concept. In addition, a small excursion into the history of the development of legal partnership is made, as well as specific examples of modern law firms built on the basis of partnership and being the leaders of modern Russian legal business are given.

***Keywords:** legal business, partnership, partnership agreements, management of a law firm, the specifics of partnership in the legal business, the concept of partnership in the legal business.*

About author:

SHTYKOV Dmitry – PhD, Head of the Legal Department of the Law Office "Padva and Epstein"; e-mail: konakovo-2003@yandex.ru

Штыков Д.В. Партнерская модель развития юридического бизнеса: истоки, понятие, особенности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 33 – 37.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 342.922

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.038

РОЛЬ КОНТРОЛЯ КАК ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В СВЕТЕ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности осуществления контрольной деятельности как функции управления через призму нового законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле.

Ключевые слова: *контроль, контрольная деятельность, управление.*

Качественное преобразование многих сторон жизни общества предполагает принятие и закрепление в праве решений, соответствующих разнообразным социальным интересам и ценностям. Контроль является важным инструментом реализации этих решений. Поэтому в современных условиях развития нашего общества проблемы контроля вызывают повышенный научный и практический интерес, что обосновано известными трудностями экономического и иного общественного функционирования и развития.

Контроль, осуществляемый в обществе и именуемый как социальный контроль, представляет собой функцию и стадию социального управления, выражающуюся в волевой социальной деятельности субъектов, направленной на наблюдение, выявление, систематизацию, анализ информации о состоянии общества и государства, семьи, личности, окружающей среды, о процессах, происходящих с ними, на установление несоответствий, нарушений и отклонений от желаемых «образцов» – социальных норм, моделей, целей, ценностей, и требование, предложение об устранении недостатков или о коррекции «образцов». Данное понятие можно рассматривать как общее понятие, применимое к разным видам контроля. Если обратиться к недавно принятому Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248) [1], который вступит в силу с середины 2021 г., то в нем под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации (далее – государственный контроль (надзор), муниципальный контроль) в целях настоящего Федерального закона понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных

требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

Как видим, данное определение по основным позициям совпадает с определением в целом социального контроля, за исключением того, что в теории контроля и контрольной деятельности результатом социального контроля может быть: применение мер по устранению недостатков в поведении подконтрольного субъекта, или корректировка «образца», «нормы поведения». В определении, даваемом Федеральным законом, результат контрольной деятельности – пресечение выявленных нарушений обязательных требований, устранение их последствий и (или) восстановление правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений. Другими словами, карательный компонент в этом случае перевесил. Законодатель не предусматривает такой вариант последствия проведения контрольных мероприятий, как корректировка «образца» или «обязательного требования».

С точки зрения общей теории управления контроль можно рассматривать как одну из важнейших функций (стадий) управленческого процесса, в ходе которой по каналам обратной связи констатируются результаты предшествующих операций, производится проверка их соответствия заданным образцам, нормам, масштабам, параметрам и пр., после чего формулируются меры по стабилизации, коррекции управленческой системы в целом.

Функция контроля осуществляется в масштабах самых разнообразных систем и применяется в отношении ко всему: вещам, лицам, действиям. В масштабах общества контроль неотделим от системы социального управления и выступает неизменным условием достижения реальных результатов функционирования любых управленческих систем, улучшения, оптимизации программ управления, обеспечения правопорядка и т. д. Средствами контроля достигаются корректировка ранее принятых решений, выявление истинных потребностей и способов их удовлетворения.

Значение контроля в социальном управлении выражается через его важную роль в обеспечении нормального функционирования и развития политической системы, экономики и всего общества. Роль, выполняемая в обществе контролем, способы его осуществления, специфика форм и средств в огромной степени зависят от государственного и общественного строя, уровня политического плюрализма и демократии.

Изменение общественно-экономической ситуации в России

приводит к изменению роли, места и значения контроля в социальной системе. В настоящее время решение практически каждой из узловых проблем в России связывается с контролем как специфической формой деятельности государства и общества. Формы социального контроля, диапазон которых весьма широк (от государственного контроля до самоконтроля личности), должны стать одним из тех каналов позитивного воздействия, который способен внести необходимые стабилизирующие начала, позволяющие развиваться обществу не столь конфликтно. Становление социального контроля в демократическом государстве должно включать разработку его теоретических положений, базирующихся на реальностях современности, и дальнейшую институциональную и нормативную перестройку общественных структур и механизмов контроля. Совершенствование контроля в обществе должно опираться на его правовые начала и развитые институты демократии. В их числе прежде всего следует назвать сбалансированное и целесообразное проведение принципов разделения властей, верховенства закона, легитимности власти, взаимной ответственности государства и личности и др. Политическая и правовая реформа призвана обеспечить более совершенную систему социального и, в частности, государственного и муниципального контроля, функционирующего в условиях демократических форм и самоуправления населения. При этом особое значение приобретают различные формы контроля «снизу», когда каждый руководитель и должностное лицо постоянно чувствуют свою открытость, ответственность и зависимость от избирателей, акционеров, потребителей, общественных организаций и других субъектов контроля. Законодательное закрепление общественного контроля, его форм и методов осуществления позволяет упорядочить общественные отношения, возникающие в этой сфере.

Механизмы социального контроля теснейшим образом взаимосвязаны с действием принципа плюрализма в функционировании общественно-политических институтов. Аксиологическая ориентация контроля в значительной степени сочетается с социальной ценностью плюрализма в обществе. Плюрализм как правомерное, свободное проявление мнений, требований разнообразных социальных групп и индивидов, их представительство и реализация в общественных и государственных институтах позволяет добиться в масштабах всего общества того, что все или большинство важных задач, целей и проблем находятся в поле общественного зрения, приобретают достаточную социальную остроту, выявляя потребности и пути их успешного достижения и разрешения. То есть в плюрализме как элементе демократического общества важно видеть средство и гарантию своевременного выявления социальных целей, проблем и конфликтов, включая такие, как национальные, экономические, экологические,

политические и др. Для обеспечения действия социального плюрализма должны существовать необходимое разнообразие субъектов и средств контроля, координация их деятельности и соответствующие правовые основания.

В современных условиях одним из основных ценностных конституционных критериев общественного и правового бытия (в том числе и в сфере контроля) является соблюдение прав человека, принципа человеческого достоинства в законодательстве и отправлении власти. Не случайно в ст. 1 Федерального закона № 248 установлено, что государственный контроль (надзор), муниципальный контроль должны быть направлены на достижение общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований.

В контексте контроля это предполагает существование развитых институтов правоспособности, дееспособности в области контрольных отношений, а также наличие реальных возможностей и гарантий осуществления прав, связанных с контролем, в виде обеспечительного правового механизма защиты прав и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц. В противном случае реальная ценность контроля в обществе, и в первую очередь это касается государственного контроля, будет завышена в ущерб правам человека, что противоречит концепции и сущности правового государства, принципу гуманизма права и Конституции России. Гарантированность прав и свобод личности, связанных с социальным контролем, должна выразиться, в частности, в специальных юридико-технических механизмах, включающих четко обозначенные и регламентированные обязанности государственных органов и иных социальных структур, корреспондирующие соответствующим правам граждан.

Социальный контроль, будучи закономерно необходимым явлением, объективно зависит от уровня развития и степени зрелости общества, его правовой и государственной системы, отражает происходящие в нем процессы и тенденции и, в свою очередь, активно влияет на них [2]. В связи с этим система социального контроля и контрольная деятельность должны быть ориентированы на демократические ценности этого общества, и прежде всего на права человека, отношения собственности, рациональную организацию государственной власти, самоуправление территорий. Социальный контроль, органически вплетенный в ткань общественных отношений, должен способствовать утверждению прогрессивных начал во всех сферах жизни общества, укреплению здоровых тенденций в развитии демократии, общественной, личной жизни, стабилизации рыночных отношений, финансовой системы и экономики в целом. Не случайно в новом Федеральном законе № 248 закреплены принципы контроля как

его основополагающие начала, направленные на обеспечение защиты прав и охраняемых законом интересов как физических, так и юридических лиц. Особо следует обратить внимание на два принципа, закрепленных в Законе: охрана прав и законных интересов, уважение достоинства личности, деловой репутации контролируемых лиц (ст. 10) и открытость и доступность информации об организации и осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля (ст. 13). Реализация первого из них выражается в соблюдении следующих правил. Во-первых, контрольный (надзорный) орган обязан признавать, соблюдать и защищать права и свободы контролируемых и иных лиц. Во-вторых, он обязан разъяснять контролируемому лицу, его представителю их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. В-третьих, решения контрольного (надзорного) органа, действия (бездействие) должностных лиц контрольного (надзорного) органа могут быть обжалованы контролируемым лицом, его представителем в установленном порядке. И наконец, в-четвертых. Решения контрольных органов и совершение ими действий (бездействия) не должны быть направлены на унижение достоинства личности либо умалять деловую репутацию организации, индивидуального предпринимателя.

Также на обеспечение прав и интересов граждан и организаций в процессе контроля направлено действие принципа открытости и доступности информации об организации и осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Право занимает особое место в системе норм и ценностей, регулирующих отношения, возникающие в процессе осуществления социального контроля. Это обусловлено тем, что вся сфера государственного управления и контроля как стадии его осуществления во всяком обществе регулируется правом, законами, другими актами государственных органов. В процессе социального контроля во всех его формах должны соблюдаться права человека, единые правила рыночных отношений, социального развития. Наконец, контроль и надзор за соблюдением законности и правопорядка имеют прямое отношение к выявлению правонарушений, социальных конфликтов, устранение и разрешение которых может происходить в современном обществе не иначе, как на основе правовых норм.

Контроль в обществе выступает в виде особого вида управленческих отношений, отличающихся различной степенью организованности. Значительная часть этих отношений урегулирована правом. Их рассмотрение и изучение имеют большое значение, поскольку контроль выступает одновременно как объект правового регулирования и содержание контрольно-правовых отношений. Правоотношения по контролю обладают определенными специфическими характеристиками, которые необходимо иметь в виду при их правовом регулировании и

правовой реализации. Это нашло отражение в Федеральном законе № 248. Так, среди новаций данного акта следует отметить возможность выбирать вид контроля, применяемый в конкретном случае. Например, многообразие видов муниципальных образований, их различный потенциал позволяет сделать вывод, что реализация тех или иных видов муниципального контроля, установленных федеральным законом, не всегда необходима во всех муниципальных образованиях (например, нет необходимости в осуществлении лесного контроля в муниципальном образовании, где отсутствуют леса). Таким образом, специфической характеристикой контрольных отношений является персонифицированность системы контроля, которая зависит от субъекта контроля, его объекта, средств, используемых для контрольной деятельности.

Контрольные отношения есть отношения организационные, поскольку они осуществляются в определенной системе социальных связей и имеют направленность на их упорядочение, оптимизацию. Однако эта черта контрольных отношений имеет определенные качественные оттенки. Так, если организация понимается как внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия автономных частей целого, совокупность процессов, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого, то контроль всегда будет деятельностью организационной. Даже контроль, автономно осуществляемый гражданами, имеет место в системе всеобщих социальных связей и взаимозависимостей, которые можно рассматривать как организацию в широком смысле – организацию общества. Поэтому главное, почему контрольные отношения следует считать организационными, это то обстоятельство, что они всегда происходят в определенной системе, отличающейся внутренней организацией. Однако степень организованности в той или иной системе различна, так же как разными являются пределы, масштабы тех или иных систем.

Государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль являются одним из видов социального контроля, отличающимся наиболее выраженными организационными началами, структурными характеристиками. Эти качества отражаются в его классификациях по различным основаниям: субъектам, сферам осуществления, организационному отношению к подконтрольному объекту. Так, различается контроль представительных органов государственной власти и местного самоуправления, контроль органов исполнительной власти, разделяющийся на общий (правительство, администрация, мэрия) и специализированный (инспекции), судебный (арбитражно-судебный), прокурорский общий надзор; внутренний (внутриведомственный) и внешний (надведомственный). Каждый из видов контроля отличается большой спецификой в организации и

методах осуществления, имеет разную направленность и организационный масштаб.

Данная позиция также отражена в Федеральном законе № 248. Согласно ст. 1 данного акта предусматривается принятие федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации о виде контроля, которые должны конкретизировать правила проведения контрольных (надзорных) мероприятий применительно к конкретным видам контроля. Таким образом, предполагается дальнейшее развитие законодательства Российской Федерации о контроле (надзоре) на базе современных начал организации контроля.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Информационный портал Гарант.ру (дата обращения: 24.10.2020).
2. Половинкин В.А. Социальный контроль в системе общественных отношений // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 4. С. 22.23.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

THE ROLE OF CONTROL AS A MANAGEMENT FUNCTION IN THE LIGHT OF THE NEW LEGISLATION

N.A. Antonov

Tver State University

The article considers the features of control activities as a management function through the prism of the new legislation on state control (supervision) and municipal control.

Keywords: *control, control activity, management.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Роль контроля как функции управления в свете нового законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2021. № 1 (65). С. 38 – 44.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Т.И. Егорова

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

В статье анализируются проблемные аспекты отражения общественной опасности в конструкции составов преступлений в связи с квалификацией деяний, совершенных в местах лишения свободы. Обосновывается повышенная социальная значимость обеспечения порядка отбывания наказания и правоприменения в рассматриваемой сфере. Данное обстоятельство предопределяет необходимость установления специальных правовых конструкций обеспечения безопасности и эффективности пенитенциарного процесса. Наиболее наглядно особенности общественной опасности и квалификации преступлений, совершенных в местах лишения свободы, находят отражение в составах дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Ключевые слова: общественная опасность, квалификация, состав преступления, осужденные, лишение свободы, дезорганизация, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Установление наличия в реальной действительности деяния, обладающего общественной опасностью, возможно назвать первым шагом на пути квалификации. Тогда как недостаточная общественная опасность деликта является критерием отграничения преступлений от иных правонарушений в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В качестве гипотезы возможно выдвинуть предположение о повышенной общественной опасности преступлений, совершенных в местах лишения свободы. Обоснованием данного утверждения является объективная высокая социальная значимость процесса исполнения уголовных наказаний, исключительная важность обеспечения безопасности и правопорядка в условиях принудительного объединения на длительные сроки в ограниченном изолированном пространстве большого количество однополых лиц, обладающих криминальным опытом и различно относящихся к назначенному судом наказанию.

Особый характер общественной опасности преступлений, совершенных в местах лишения свободы, определяется специфическим порядком и условиями отбывания данного вида наказания. Правоограничения, составляющие наказательную сущность изоляции, выражаются в обеспечении необходимых надзора, контроля и охраны. Совершение преступления в данных условиях дестабилизирует пенитенциарный процесс, неизбежно приводит к проявлению негативных социально-психологических явлений, характерных для неформальных субкультурных обществ, объединяющихся на почве негилистического отношения к требованиям закона и игнорирования авторитета государственной власти.

Например, именно учитывая особый характер и степень общественной опасности насилия в исправительных учреждениях, законодатель закрепил в ст. 321 УК РФ признаки посягательства, направленного на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Осужденные, стремящиеся к исправлению, а также оказывающие содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, находятся под особой государственной защитой, как лица способствующие достижению целей эффективности государственного управления в сфере исполнения наказаний. Конечным критерием исправления осужденных при этом является их успешная ресоциализация после освобождения и законопослушное поведение [13, с. 67].

В ч. 1, 2 ст. 321 УК РФ по сравнению с положениями ст. 115, 116 УК РФ не только предусмотрены особенные потерпевшие, которые, безусловно, обладают признаками отношения к социальным группам участников уголовно-исполнительных правоотношений, но и значительно усилены санкции уголовных правовых норм. Таким образом, законодательные положения также отражают определенное изменение содержания общественной опасности при совершении преступлений в местах лишения свободы, что, безусловно, для исправительных учреждений можно отнести к распространенному и типичному явлению, а не «редкому и исключительному» [7, с. 19].

Несмотря на то, что характер и степень общественной опасности не относится непосредственно к элементам квалификации, они находят свое отражение в признаках состава преступления, которые наделены социально значимым объективным и субъективным содержанием [5, с. 140]. В связи с этим представляется достаточно обоснованным мнение А.В. Иванчина о существовании объективной связи между признанием деяния общественно опасным и установлением уголовно-правового запрета [10, с. 24]. Тогда как общественную опасность возможно рассматривать с точки зрения социально значимого обстоятельства, а уголовную противоправность – в качестве юридического обстоятельства совершения преступления [17, с. 22].

В этой связи важным представляется реализация двух основных уголовно-правовых принципов, касающихся точности и полноты квалификации [12, с. 17 – 18; 14, с. 25 – 31]. Именно совокупность общих и особенных норм уголовного права позволяет отразить достаточную и необходимую степень общественной опасности деяния, способствующую определению минимального и максимального предела наказания. А далее уже включаются механизмы судебного усмотрения.

Теоретические основы квалификации преступлений в этой связи теснейшим образом связаны с особенностями конструкции отдельного состава преступления, а также всей совокупной квалификации и учета взаимного влияния отдельных элементов различных составов преступлений друг на друга.

Следует отметить, что проблему для квалификации представляет перечисление в диспозициях статей аналогичных по содержанию признаков преступлений, которые в правоприменительной деятельности толкуются различно. Это может приводить к выхолащиванию духа уголовно-правовых запретов, носящих всеобщий охранительный характер, и одновременному расширению судебного усмотрения [6, с. 29], «тогда как на практике определить смысл тех или иных уголовно-правовых понятий может только специалист» [9, с. 125].

Так, обращаясь к понятию осужденных, «стремящихся к исправлению», «оказывающих содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы», возможно заметить, что это законопослушная часть тюремного населения. К ним относятся лица, раскаявшиеся в совершении преступлений и стремящиеся к скорейшему освобождению. Данной абстрактной группе противостоит категория осужденных, негативно настроенных к процессу отбывания наказания, придерживающихся негласной тюремной субкультуры, склонных к оправданию социальных девиаций, поддержанию круговой поруки и противодействующих правоохранительным органам.

Положительно характеризующиеся осужденные позитивно относятся к применяемым в отношении них средствам исправления, соблюдают режим, участвуют в воспитательных мероприятиях и общественной работе, трудоустраиваются на производстве и получают образование в исправительном учреждении или с помощью дистанционных образовательных технологий, поддерживают социальные связи, готовятся к ресоциализации. Сопровождающие данный процесс социально-психологические явления, связанные с исправлением, приводят к «некой коррекции сознания, установлению» внутренних ограничений и позитивных установок» [11, с. 145].

В то же время 17 августа 2020 г. Верховным Судом Российской Федерации по административному исковому заявлению Генерального прокурора Российской Федерации признано экстремистским и запрещено движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) [8].

Опыт его функционирования в местах лишения свободы наглядно демонстрирует внушительный пропагандистский характер, стремление подчинить себе поведение и волеизъявления тюремного населения, провоцируя массовые неповиновения и беспорядки. Несмотря на то, что осужденные, причисляющие себя к «так называемой категории “воров в законе”», а также лидеры и активные участники групп отрицательной направленности, организующие и провоцирующие групповые эксцессы» [16, с. 65]. должны состоять на профилактическом учете, их неформальное влияние, зачастую, распространяется не только в исправительном учреждении, но и за его пределами.

Таким образом, в местах лишения свободы совместно отбывают наказания антагонистически настроенные категории осужденных. По смыслу УК РФ эти категории возможно определить с помощью термина «какая-либо социальная группа», в отношении которой совершаются преступления на почве ненависти или вражды. Данные посяательства, относящиеся к категории экстремистских, обладают в местах лишения свободы специфическим характером и повышенной степенью общественной опасности. В этом смысле публичное совершение преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, имеет смежные признаки с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), так как целью таких действий в большинстве случаев является воспрепятствование консолидирующим основам пенитенциарного процесса между его участниками в направлении обеспечения эффективности уголовного наказания.

Так, приговором от 2 июля 2019 г. по делу № 1-53/2019 Новотроицкого городского суда Оренбургской области виновными в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 110, ч. 1 ст. 319 УК РФ, признаны Р.Д.А. и С.И.В., отбывающие наказание в ФКУ ИК-3 УФСИН России по Оренбургской области. Судом установлено, что публичные оскорбления потерпевшего, высказывания угрозы физической расправы, надругательства и отнесение его к неформальной категории низкого иерархического статуса осужденных в местах лишения свободы, влекущее тяжкие последствия, вызвали у потерпевшего кратковременную депрессивную реакцию в рамках расстройства адаптации (по МКБ 10 F 43.2), развивавшуюся в страхе и попытке суицида. Из исследованных показаний свидетелей следует, что потерпевший встал на путь исправления, не соблюдал правил и обычаев тюремной субкультуры, являлся помощником администрации – выполнял функции помощника завхоза. Тогда как виновные Р.Д.А. и С.И.В. относились к категории отрицательно характеризующихся осужденных, придерживались воровских традиций, не сотрудничали с администрацией исправительного учреждения.

Сложность составов преступлений, совершенных в местах лишения свободы, состоит в том, что в большинстве случаев они содержат помимо основного объекта преступления также признаки факультативных или дополнительных объектов, так как неизбежно касаются интересов обеспечения порядка управления в процессе исполнения уголовного наказания, а также иных интересов и благ личности, общества и государства

Также квалификация рассматриваемой категории преступлений зачастую отягощена признаком места совершения преступления – исправительные учреждения различных видов, а также специальным потерпевшим или специальным субъектом.

В указанных обстоятельствах непереоценимое значение имеют разъяснения высшего коллегиального органа судебной власти – Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ), которые являются источниками правил квалификации многих видов преступлений, известных российскому законодательству.

К одним из наиболее распространенных видов преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, относится незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. В настоящее время п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ предусматривает квалифицирующий признак незаконных производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, отражающий повышенную общественную опасность и наказуемость данных деяний, совершенных, в частности, в исправительном учреждении.

Судебная практика, связанная с применением антинаркотического уголовного законодательства, достаточно неоднозначна и противоречива. Данное обстоятельство определяет внимание, которое проявляет Пленум ВС РФ к вопросам квалификации преступлений рассматриваемой категории. Существенную ясность в единообразное понимание характера общественной опасности рассматриваемой категории посягательств вносит Постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [1]. Следует отметить, что позиция Пленума ВС РФ в рассматриваемом вопросе не остается неизменной. Трижды постановлениями от 23 декабря 2010 г. № 31 [2], от 30 июня 2015 г. № 30 [3], от 16 мая 2017 г. № 17 [4] вносились изменения в рассматриваемые разъяснения, которые не только отражали динамику редактирования уголовного законодательства, но и существенно влияли на правоприменительную практику, изменяя правила квалификации преступлений. В этой связи полностью можно согласиться с К.В. Ображиевым, что в современных условиях постановления Пленума ВС РФ приобретают не только интерпретационное, но и нормативное

значение, устраняя пробелы и противоречия в УК РФ, конкретизируя нормативные предписания, наполняя их уголовно-правовым содержанием [15, с. 182]. Особенности трудности при квалификации возникают в процессе правовой оценки незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного в местах лишения свободы, должностным лицом.

Так, приговором от 27 января 2020 г. по делу № 1-1/2020 Себежского районного суда Псковской области виновным в преступлениях, предусмотренных 3 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ, признан К.Е.А. Суд расценил как злоупотребление должностными полномочиями действия младшего инспектора группы надзора отдела безопасности исправительной колонии УФСИН России по Псковской области, которые выразились в проносе по предварительной договоренности с осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, на режимную территорию учреждения наркотических средств (гашиш общей массой 64,2 грамма) за незаконное денежное вознаграждение в виде взятки в размере 20 000 рублей.

В данном случае суд допустил очевидную ошибку при квалификации, расценив действия должностного лица, совершившего пронос наркотических средств, не входящий в пределы его полномочий, как злоупотребление по ч.1 ст. 285 УК РФ.

Из проанализированных случаев очевидно, что квалификация деяния как преступления должна подтверждаться в дальнейшем достаточными доказательствами совершения лицом общественно опасного, запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой Особенной части УК РФ. Сложности квалификации или недостаточно обоснованная квалификация преступлений, совершенных в местах лишения свободы, определяются, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, сложным составом рассматриваемых посягательств, содержащих ряд дополнительных, факультативных и альтернативных действий, закрепленных в имплицитном виде в ряде смежных уголовно-правовых норм. Во-вторых, наличием совокупности преступлений, признаки которых пересекаются, дополняя заведомо умышленный характер совершенных лицом деяний. Подобные особенности отражают специфику общественной опасности преступлений рассматриваемой категории, которая находит свое отражение в отдельных нормативных предписаниях, а также квалифицирующих признаках преступлений, совершенных в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими

средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2015.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

5. Воднева М.А. Общественная опасность деяния как материальное основание криминализации: понятие и содержание // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 134 – 142.

6. Голенко Д.В. К вопросу о диспозициях статей особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 29 – 34.

7. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Зигзаги уголовно-правовой политики России: из огня да в полымя // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 17 – 21.

8. Егоров И. Тюремные игры. Верховный суд признал АУЕ экстремистской организацией // РГ. 2020. 18 авг.

9. Егорова Т.И. Законодательные возможности уяснения аналогии в содержании незаконного оборота наркотиков // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 125 – 126.

10. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. . . . д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с.

11. Копылов В.В. Проблемы теоретико-методологического обоснования современной уголовной политики Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 141 – 148.

12. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: Проспект, 2006. 159 с.

13. Куликова О.Н. Стимулирование правопослушного поведения осужденных как принцип российского права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 63 – 70.

14. Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления. М.: Юрлитинформ, 2016. 438 с.

15. Ображиев К.В. Система формальных юридических источников российского уголовного права: дис. . . . д-ра юрид. наук. М., 2014. 587 с.

16. Хохрин С.А. Некоторые аспекты латентной характеристики пенитенциарной преступности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 61 – 74.

17. Яцеленко Б.В. Реализация принципов законности и вины при квалификации преступлений с бланкетными признаками состава // Вестник

Об авторе:

ЕГОРОВА Татьяна Игоревна – кандидат юридических наук; докторант ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1); ORCID: 416558, SPIN-код: 9919-0667; e-mail: madamti62@yandex.ru

**PUBLIC DANGER OF ENCROACHMENT AND QUALIFICATION
OF CRIMES COMMITTED IN PLACES OF DEPRIVATION
OF LIBERTY**

T.I. Egorova

FCO IN «Academy of law and management of the Federal penitentiary service»,
Ryazan

The article analyzes the problematic aspects of the reflection of public danger in the construction of crimes in connection with the qualification of acts committed in places of deprivation of liberty. The article substantiates the increased social significance of ensuring the order of serving sentences and law enforcement in this area. This circumstance determines the need to establish special legal structures to ensure the safety and effectiveness of the penitentiary process. Most clearly, the features of public danger and the qualification of crimes committed in places of deprivation of liberty are reflected in the elements of disorganization of the activities of institutions that provide isolation from society, and illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.

Keywords: *public danger, qualification, crime composition, convicted persons, deprivation of liberty, disorganization, illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.*

About author:

EGOROVA Tatyana – PhD in law; doctoral student FCO IN «Academy of law and management of the Federal penitentiary service» (Russia, Ryazan, Sennaya str., 1); ORCHID: 416558; SPIN code: 9919-0667; e-mail: madamti62@yandex.ru

Егорова Т.И. *Общественная опасность посягательства и квалификация преступлений, совершенных в местах лишения свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 45 – 52.*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ В СУД ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проведен сравнительный анализ особенностей рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел об оспаривании постановлений о привлечении к административной ответственности. Автором проанализированы нормы процессуального законодательства, регламентирующие порядок подачи в суды документов в электронном виде по делам об обжаловании постановлений об административных правонарушениях.

Ключевые слова: право на судебную защиту, административное судопроизводство, обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях.

Право на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ, и его эффективность определяются, в том числе, правовым регулированием судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий. Необходимость обеспечения справедливого права на судебную защиту требует постоянных изменений и дополнений процессуального законодательства в соответствии с потребностями государства и общества, поскольку правосудие по своей сути признается таковым лишь при условии, если оно обеспечивает равное восстановление в правах.

В 2015 г. в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ) начался процесс формирования осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении судами административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий (ст. 1 КАС РФ). Необходимость принятия самостоятельного процессуального закона обосновывалась прежде всего тем, что граждане нуждаются в эффективном механизме защиты их прав и законных интересов при рассмотрении административно-правовых споров, в создании особой системы взаимоотношений с представителями власти.

С момента принятия в КАС РФ было внесено не просто много изменений – постоянно дополняется перечень категорий дел, отнесенных

к административному судопроизводству (например, гл. 27¹, 27², 31¹ КАС РФ). Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ принял большое количество постановлений, в которых разъясняются вопросы, возникающие при осуществлении правосудия по административным делам [1, с. 7 – 11]. Кроме того, по правилам административного судопроизводства могут рассматриваться дела, которые прямо не указаны, но имеют публично-правовую природу и обусловлены необходимостью осуществления судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий (п. 1 ст. 1 КАС РФ).

Рассмотрение и разрешение жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, которые соответствуют правовой природе административного судопроизводства, осуществляется в зависимости от субъектного состава Арбитражным процессуальным кодексом РФ (далее – АПК РФ) или Кодексом об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Данный порядок обусловлен закреплением положения о том, что нормы КАС РФ не распространяют свое действие на производство по делам об административных правонарушениях (п. 5 ст. 1).

Арбитражные суды РФ руководствуются положением о том, что дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными в гл. 25 АПК РФ и федеральном законе об административных правонарушениях (ст. 207 АПК РФ). Суды общей юрисдикции – положением гл. 30 КоАП РФ, регуливающей пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, суды общей юрисдикции руководствуются исключительно КоАП РФ, а арбитражные суды должны рассматривать дело в порядке АПК РФ, но при этом принимать во внимание и процессуальные нормы, закрепленные в КоАП РФ.

В юридической литературе высказывались предложения об унификации процессуального законодательства об административных правонарушениях [6, с. 16 – 25], необходимости полностью передать в сферу действия норм административно-процессуального права регулирование обжалования постановлений по данной категории дел [2, с. 6, 26]. Кроме того, существует мнение о том, что действующая процедура привлечения к административной ответственности, регламентированная КоАП РФ, справедливо подвергается критике как не обеспечивающая достаточный уровень гарантий права на судебную защиту, назревшие проблемы производства по делам об

административных правонарушений требуют реформирования этого производства [7, с. 155, 162].

По мнению Л.В. Тумановой, последние изменения в законодательстве об административном судопроизводстве говорят о максимальном сближении, унификации структуры и процедур арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Однако хотелось бы, чтобы это сближение привело к унификации правил административного судопроизводства и исключению из Арбитражного процессуального кодекса РФ соответствующего раздела. И даже если имеется необходимость, чтобы такие дела рассматривал арбитражный суд, пусть применяется Кодекс административного судопроизводства РФ [9, с. 124 – 129].

М.В. Горелов, рассуждая о взаимосвязи гражданского процесса и администрации юстиции, утверждает, что с учетом современного состояния законодательства судебная форма административной юстиции с позиции КАС РФ – это и есть судебный административный процесс [4, с. 210 – 213]. ГПК РФ, АПК РФ, а также КАС РФ связаны с судебной деятельностью. Судебная деятельность подчиняется определенным устоявшимся правилам, которые не зависят от вида судопроизводства и отражают существо судебной деятельности. В подтверждение данного вывода наука гражданского процессуального права неоднократно предпринимала попытки показать специфику судебной деятельности через систематизацию гражданского процессуального законодательства: «научный поиск должен быть направлен не на обоснование несовместимости гражданского судопроизводства и порядка рассмотрения дел по защите прав граждан и организации в публично-правовой сфере, но на критическое переосмысление сложившихся правил рассмотрения судами дел, возникающих из публичных правоотношений» [10, с. 26].

Статистика практики рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел, возникающих из административных правонарушений, показывает значительное количество дел данной категории в деятельности судов. Так, в первом полугодии 2020 г. районными (городскими) судьями Тверской области рассмотрено 3297 дел об административных правонарушениях, за аналогичный период 2019 г. – 3514 дел [12]. В структуре рассмотренных дел арбитражными судами субъектов РФ экономические споры и другие дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, составили: в 2019 г. – 520,3 тыс. дел, или 27,7 %, в 2018 г. – 600,3 тыс. дел, или 31,5% [13].

Закрепление дифференцированного подхода к регулированию порядка обжалования в суд постановлений по делам об административных правонарушениях влияет не только на

результативность правоохранительных мер и процедуру их осуществления, но и на обеспечение равного доступа к судебной защите.

В настоящее время процессуальное законодательство закрепляет различный порядок рассмотрения и разрешения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях.

Так, например, как следует из ч. 1, 1¹ ст. 3, ч. 1¹ ст. 35 ГПК РФ, ч. 1, 7 ст. 4, ч. 1 ст. 41 АПК РФ, ч. 2 ст. 45 КАС РФ, граждане, организации, государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы, должностные лица, лица, наделенные государственными или иными публичными полномочиями, вправе направлять обращения в суд в электронном виде (например, исковые заявления, заявления, в том числе заявления о выдаче судебного приказа, административные иски, заявления, ходатайства, жалобы). Обращения в электронном виде подаются в суды посредством заполнения формы, размещенной на официальных сайтах судов в сети Интернет, в соответствии с порядками подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утверждаемыми Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в пределах своих полномочий [11].

В целях обеспечения единообразного применения судами положений законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов, данное право должно быть предусмотрено и при подаче жалобы по делам об административных правонарушениях в рамках КоАП РФ. Актуальность закрепления обусловлена также и ограничениями в работе судов в связи с распространением коронавирусной инфекции нового типа COVID-19. Тем более, что в настоящее время судам предписано инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи, а также подачу документов через электронные интернет-приемные судов.

Следует согласиться с точкой зрения о том, что эпидемия коронавируса и принимаемые против нее меры способны катализировать процессы автоматизации и цифровизации рабочих процессов, что началось задолго до пандемии, но именно сейчас стало в наивысшей степени актуальным и необходимым. Данные обстоятельства способны дать толчок к развитию онлайн-сервисов. При этом развитие и интеграция цифровых технологий затронут все сферы жизни, включая и отправление правосудия, что, безусловно, станет новым этапом его развития [3, с. 7 – 12.].

Вместе с тем создание цифровой системы правосудия подразумевает перестроение процессуальной формы судопроизводства. Это условие продиктовано особенностями использования в той или иной деятельности информационных систем, и потому они не могут быть описаны с точки зрения текущего процессуального законодательства. Внесение изменений в текущее процессуальное законодательство

позволит в дальнейшем избежать нестыковок и противоречий при использовании цифровых систем в правосудии. Однако для изменения судебных процессов необходима соответствующая база, создаваемая на основе действующего законодательства [5, с. 14 – 25].

Кроме того, действующее процессуальное законодательство закрепляет различный порядок обжалования судебных актов по делам об административных правонарушениях.

Так, ст. 211 АПК РФ закрепляет ограничения на кассационное обжалование решений арбитражных судов по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности. Ранее законодательство предусматривало возможность обжалования как в апелляционном, так и в кассационном порядке независимо от того, какая мера административного наказания была применена к лицу, привлеченному к административной ответственности. В действующей редакции АПК РФ установлено, что решение по делу об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции, если 1) за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание только в виде предупреждения и (или) в виде административного штрафа и 2) размер назначенного административного штрафа не превышает для юридических лиц сто тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей пять тысяч рублей (ст. 5¹). В-третьих, обжалование решения по делу об административном правонарушении допускается только при условии, если такое решение было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции [8, с. 23 – 50].

Кроме того, в правовом регулировании обжалования в кассационном порядке решений арбитражных судов по делам об административных правонарушениях возникли вопросы, связанные с применением норм ч. 5¹ ст. 211, п. 4 ст. 227 и ч. 4 ст. 229 АПК РФ в ситуации, когда в одном заявлении соединены требование о признании незаконным и об отмене постановления административного органа о привлечении к административной ответственности и требования о признании недействительным решения, принятого по итогам проверки заявителя – юридического лица или предпринимателя, по результатам которой возбуждено дело об административном правонарушении, и о признании недействительным вынесенного по результатам проверки предписания административного органа об устранении нарушения. Остается открытым в правоприменительной практике и вопрос о сроках обжалования данных решений [8, с. 23 – 50].

Таким образом, необходимо говорить об унификации процессуальных норм, регулирующих порядок рассмотрения и разрешения жалоб на постановления по делам об административных

правонарушениях, и закреплении в разд. IV КАС РФ отдельной главы, закрепляющей особенности производства по административным делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности. Единая система способствует не только повышению эффективности судопроизводства, но и обеспечению равной возможности реализации права на судебную защиту, а также является гарантией защиты от незаконного привлечения к административной ответственности. Любое заинтересованное лицо вправе рассчитывать на эффективную защиту своих прав, свобод или охраняемых законом интересов в равной степени в любом суде РФ.

Список литературы

1. Административное судопроизводство в вопросах и ответах: учебное пособие / под общ. ред. А.А. Муравьева. М.: Проспект, 2019. 480 с.
2. Атапина Л.А. Обжалование в суд постановлений по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 26 с.
3. Валеев Д.Х., Маколкин Н.Н. Прогнозирование динамики судебной защиты в условиях цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 7 – 12.
4. Горелов М.В. Гражданский процесс и административная юстиция // Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях: материалы междунаро. науч.-практ. конференции. М.: ООО «Издательство «ПЛАНЕТА», 2020. С. 210 – 213.
5. Зеленцов А.Б., Натрошвили Г.И. Цифровое обеспечение административного правосудия в условиях построения «электронного государства»: некоторые теоретические вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 14 – 25.
6. Матвеева О.В. Рассмотрение арбитражным судом дел об оспаривании решений административных органов по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 26 с.
7. Мацкевич П.Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Статут, 2020. 239 с.
8. Приходько И. Обжалование решений по делам об административных правонарушениях: изменения в судебной практике, в АПК РФ и в КоАП РФ // Хозяйство и право. 2017. № 7. С. 23 – 50.
9. Туманова Л.В. Заметки на полях Кодекса административного судопроизводства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 1 (57). С. 124 – 129.
10. Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства: проблемы теории и практики применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 26 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей

юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

12. Обзор результатов рассмотрения районными (городскими) судьями Тверской области дел об административных правонарушениях в I полугодии 2020 года [Электронный ресурс]. URL: oblsud.twr.sudrf.ru (дата обращения: 25.01.2021).

13. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.01.2021).

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

TO THE QUESTION OF APPEALING TO THE COURT OF RULES IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

O.V. Zhukova

Tver State University

The article provides a comparative analysis of the peculiarities of consideration by courts of general jurisdiction and arbitration courts of cases on challenging decisions on bringing to administrative responsibility. The author analyzes the norms of procedural legislation governing the procedure for submitting documents to courts in electronic form in cases of appealing against decisions on administrative offenses.

Keywords: *the right to judicial protection, administrative proceedings, appeal against decisions in cases of administrative offenses.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD, assistant professor of the department of judicial power and law enforcement affairs Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. К вопросу об обжаловании в суд постановлений по делам об административных правонарушениях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 53 – 59.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИКРООБЪЕКТОВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д.П. Либозаев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются проблемы, связанные с определением объема доказательственной информации, содержащейся в микрообъектах, ее содержанием, обнаружением, фиксацией в ходе их предварительного исследования, и вопросы криминалистического использования микрочастиц и микроследов в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: *микротрасология, микрообъекты, микрочастицы, микроследы, предварительное исследование.*

В настоящее время значение микрочастиц в расследовании преступлений резко возросло, и главной причиной их широкого использования как доказательств по уголовному делу является влияние научно-технического прогресса на уровень криминалистической техники. Это влияние сказалось на оснащении следственных подразделений техническими средствами, которые открыли новые возможности выявления самых различных микрообъектов в ходе выполнения следственных действий.

Говоря о причинах повышенного интереса криминалистов к микрочастицам в последнее время, нельзя не учитывать влияние средств массовой информации на общую осведомленность о специальных приемах раскрытия преступлений, в результате чего можно наблюдать некоторое снижение роли «традиционных» следов. При расследовании преступлений иногда приходится сталкиваться с уничтожением на месте происшествия следов рук и ног, с отсутствием явных вещественных доказательств [7, с. 48 – 50].

Из этого не следует, что «традиционные» следы утрачивают свое значение, однако тенденция к изменению роли этих всем известных следов уже заметна. В отношении же микрообъектов наблюдается противоположная тенденция, при этом дело не столько в меньшей известности данных объектов, сколько в трудностях полного уничтожения микрочастиц самим преступником.

В силу рассмотренных причин микрообъекты практически вошли сейчас в число важнейших материальных объектов, используемых в процессе доказывания.

Еще в XIX в., определяя значение микрочастиц в расследовании преступлений, Г. Гросс указывал: «Я могу с уверенностью сказать, что

наличие на предмете какого-нибудь ничтожного и, по-видимому, безразличного пятнышка может привести к серьезным разоблачениям. В той же степени могут быть полезными для дела обнаруженные следы земли, пыли, растительные волокна, засохшие жидкости.

Не подлежит сомнению, что судебный следователь и не усматривал на вещественных доказательствах чего-либо подозрительного, он тем не менее обязан подвергнуть их микроскопическому исследованию» [3, с. 255].

Как самостоятельный раздел в трасологии микротрасология стала формироваться лишь в 70-е гг. прошлого столетия, и большая заслуга в развитии учения о микрообъектах принадлежит М.Б. Вандеру.

В частности, в основу учения о микроследах им были положены идеи, обосновывающие приемы и средства, предназначенные для работы с небольшими следами и частицами, сформулированы основные понятия («микрочастицы», «микроследы», «микрология»), проведена классификации микрообъектов, разработаны методики их исследования. Для обозначения указанного учения им был введен термин «судебная микрология» [2, с. 70 – 80].

В настоящее время учение о микрообъектах в юридической литературе обозначают термином «микротрасология».

В широком смысле слова микротрасология – это отдел трасологии, изучающий методы и средства исследования микрообъектов [4, с. 42].

В узком смысле слова микротрасология – раздел трасологии, разрабатывающий средства и методы собирания и исследования микрообъектов в целях раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [5, с. 131].

Под микрообъектами принято понимать невидимые или маловидимые микроследы и микрочастицы [4, с. 42].

В свою очередь, под микрочастицами принято понимать разнообразные мелкие тела и малые количества веществ, невидимые или слабо видимые в нормальных условиях наблюдения, а под микроследами – изменения в объекте, вызванные присутствием микрочастиц [1, с. 16, 22], т. е. микрослед представляет собой комплекс: микрочастица и объект-носитель.

Практическое использование микрообъектов в расследовании преступлений дает основание для комплексного рассмотрения проблем, связанных с данными объектами, в рамках нового единого направления, охватывающего аспекты обнаружения, фиксации, исследования и использования микрообъектов.

Предметом изучения микротрасологического направления в криминалистике является комплекс вопросов самого различного плана (процессуально-правовых, организационных, технических и др.), связанных с микрочастицами.

Весьма распространенным в практике является также сравнительное

исследование конфигурации микрочастиц лакокрасочного покрытия и следов-отслоений на поверхности изделия в комплексе с исследованием структуры частиц, их химического состава.

Практическое значение имеет классификация микрообъектов.

По мнению И.Ф. Крылова, многообразие микрочастиц не позволяет найти для их классификации единого основания, поэтому разделение микрочастиц на группы проводится всегда по нескольким основаниям [6, с. 191, 195].

На наш взгляд, самой приемлемой является классификация микрочастиц и микроследов по материальному воплощению и источнику происхождения.

Так, по материальному воплощению микрообъекты делят на физические тела (с относительно устойчивой собственной внешней формой) и вещества, материалы (жидкие, полужидкие, порошковые), а по источнику происхождения – на частицы природные (от человеческого организма, от животных, от растений, от минеральных объектов) и частицы от объектов, обработанных или созданных человеком (органические, неорганические, смешанные) [1, с. 16, 22].

Микроследы также можно дифференцировать по следообразующему объекту, например: следы наложения, включения, наложение с включением и наслоения, внедрения, наслоения с внедрением (вещества, материалы), они могут быть с деформацией или без деформации следообразующих тел, а также динамическими или статическими.

В процессуальном смысле микрочастицы и микроследы относятся к вещественным доказательствам, т. е. к объектам, которые сохранили на себе следы преступления. Они всегда находятся на определенных объектах.

Любой из микрообъектов может быть использован как доказательство при условии соблюдения процессуального порядка его получения. Этот порядок включает в себя выполнение следующих процессуальных действий:

– должен быть процессуально оформлен факт обнаружения или получения предмета-носителя микрообъекта следователем (зафиксирован в протоколе осмотра, освидетельствования, обыска, выемки и т. д.);

– предмет должен быть осмотрен и подробно описан в протоколе;

– предмет должен быть приобщен к уголовному делу, о чем выносится постановление или делается отметка в протоколе следственного действия.

В протоколе осмотра следует указывать:

– точное наименование и назначение предмета носителя микрообъектов;

– место обнаружения и условия, в которых был обнаружен предмет;

– наличие на предмете инородных частиц (микрочастиц и

микроследов), их подробное описание и точное местонахождение.

Осматривая след, находящийся на предмете, в протоколе необходимо отражать:

- где обнаружен след, т. е. на каком предмете находится и каким способом обнаружен;
- материал и состояние предмета;
- вид следа (объемный, поверхностный, маловидимый, невидимый, окрашенный);
- место расположения следа на предмете (расстояние от двух постоянных ориентиров);
- цвет следа, его размеры в длину и ширину;
- способ фиксации, изъятия и упаковки следа.

В ходе предварительного расследования микрообъекты выявляются путем предварительного или экспертного исследования.

Осматривая объекты при проведении следственных действий на предмет наличия на них следов, следователь фактически занимается их предварительным исследованием.

Предварительное исследование объектов, связанных с преступным событием, является одной из форм использования научно-технических методов и средств в процессе расследования.

Оно представляет собой изучение объектов, проводящееся с целью получения сведений о фактах и обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, т. е. получения доказательственной информации содержащейся в следах преступления.

Воспринимая и используя в процессе расследования эту информацию, следователь устанавливает обстоятельства совершенного преступления, т. е. выясняет содержание тех или иных событий прошлого, а также получает сведения о личности преступника.

Устанавливая по микрочастицам контактное взаимодействие, необходимо иметь в виду возможность последовательного переноса частиц разнообразными предметами.

Изучение свойств микрообъектов может также способствовать установлению признаков субъекта преступления и потерпевшего, их внешних черт, пола (микрочастицы волос, кожи, ногтей, микроследы косметики, волокна и т. д.).

Микроследы могут информировать следователя о навыках и профессиональных признаках преступников.

На профессиональную деятельность, род занятий лиц могут указывать различные металлические и древесные частицы (опилки, стружки и т. д.), частицы почвы, частицы растительного и животного происхождения.

Важнейшее значение в процессе доказывания имеет непосредственная идентификация личности. Решение этой задачи с помощью микрочастиц связано с определенными трудностями, однако

при благоприятных условиях экспертное исследование комплекса микрочастиц и даже единичной частицы дает возможность идентифицировать человека (например, по частицам кожи, обнаруженной под ногтями потерпевшего).

Немаловажную роль при расследовании имеет также идентификация с помощью микрочастиц различных предметов, связанных с преступным событием (вещи, принадлежащие преступнику или потерпевшему; орудия преступления; предметы преступного посягательства; используемое транспортное средство и т.д.). Идентифицирующие микрочастицы могут либо произойти от идентифицируемого объекта, как часть от целого, либо предмет может являться носителем микрочастиц (приобретенных микроследов).

Микрообъекты могут использоваться для установления места совершения преступления и локализации определенных обстоятельств расследуемого события.

Отсутствие микрочастиц в условиях, когда, судя по обстановке, они должны были быть, может расцениваться как негативное обстоятельство с выдвижением на этой основе версий об инсценировке, о ложных показаниях, о сознательном изменении обстановки (например, множество случаев отсутствия металлических опилок на месте инсценировки перепиливания запирающих устройств).

Использование информации, связанной с микрообъектов, для построения версий не требует выполнения какой-либо процессуальной процедуры.

К числу проблемных относится вопрос об использовании микрочастиц и микроследов в качестве вещественных доказательств, обнаруженных в ходе экспертного исследования.

Факт обнаружения микрообъектов входит в содержание фактических данных, установленных экспертным заключением, которые могут иметь доказательственное значение по делу. Получение с применением специальных познаний новых доказательств, в том числе и путем обнаружения различных скрытых объектов, является одной из задач экспертизы.

Проблема состоит в том, что можно ли использовать в качестве вещественных доказательств обнаруженные экспертом микрообъекты и при соблюдении каких условий. Поскольку микрообъекты в данном случае получены процессуальным путем, каких-либо преград к их приобщению в качестве вещественных доказательств нет. Однако если следователь принял решение о приобщении микрочастиц, обнаруженных экспертом, к уголовному делу, он должен их осмотреть и описать в протоколе. Те частицы, которые недоступны для восприятия в ходе визуального осмотра, так как для этого нужны специальные познания и сложные исследовательские приборы, в качестве вещественного доказательства приобщены быть не могут, а доказательственное

значение микрообъектов реализуется исключительно посредством экспертного заключения. Сами частицы в этой ситуации входят в материалы экспертизы и хранятся вместе с заключением в деле.

При оценке следователем доказательственного значения выводов экспертизы во внимание принимаются не только результаты исследования самих микрообъектов, но и данные смежных исследований, объектами которых могут быть предметы-носители и оставленные ими следы.

Таким образом, юридическая оценка заключения эксперта по микрообъектам всегда осуществляется в соответствии с общими принципами оценки экспертных заключений с учетом всех собранных в процессе расследования фактических данных.

Список литературы

1. Вандер М.Б. Использование микрочастиц при расследовании преступлений. СПб: Питер, 2001. 224 с.
2. Вандер М.Б. Понятие и значение микрочастиц в криминалистике // Известия ВУЗ: ЛГУ. Сер. «Правоведение». 1978. № 2. С. 70 – 80.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: Лекс Эст, 2002. 1088 с.
4. Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р.С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 111 с.
5. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 855 с.
6. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 197 с.
7. Миронченко М.В. Микрология как современная отрасль криминалистики // Новый юридический вестник. 2020. № 10 (24). С. 48 – 50.

Об авторе:

ЛИБОЗАЕВ Дмитрий Петрович – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова 33), e-mail: Libozaev.DP@tversu.ru

THE PROBLEM OF THE USE OF MICRO-OBJECTS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

D.P. Liboses

Tver State University

The problems related to the determination of the volume of evidential information contained in micro-objects, its content, detection, fixation during their preliminary investigation, and the issues of the criminalistic use of microparticles and micro-traces in the detection and investigation of crimes are considered.

Keywords: *microtribology, micro-objects, microparticles, microslide, a preliminary study.*

About author:

LIBOZAEV Dmitry – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), e-mail: Libozhev.DP@tversu.ru

Либозаев Д.П. Проблемы использования микрообъектов в расследовании преступлений // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2021. № 1 (65). С. 60 – 66.

ПРАКТИКА ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Е.Ю. Тихалева

ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации», г. Орел

В настоящее время на местном уровне происходит динамичное изменение законодательства в контексте расширения возможностей участия граждан в управленческих процессах. В статье исследуются направления развития инициативного бюджетирования в муниципальных образованиях. Отмечаются наиболее успешные практики. Инициативное бюджетирование имеет преимущества в сравнении с институтом самообложения граждан. В связи с этим особое внимание уделено определению принципов инициативного бюджетирования и рекомендаций по совершенствованию данного института.

Ключевые слова: местное самоуправление, непосредственные формы осуществления местного самоуправления, местный бюджет, инициативное бюджетирование, проектный центр, школьное бюджетирование, средства самообложения граждан.

В настоящее время термин «инициативное бюджетирование» все чаще встречается не только в нормативных правовых актах, но и в различных средствах массовой информации, что связано с процессом вовлечения в реализацию данного института на практике все большего количества муниципальных образований. Примечательно, что данный термин получил закрепление в первую очередь в региональных и местных правовых актах.

В зарубежных странах анализируемый институт воплотился в так называемом «партисипаторном (партиципаторном) бюджетировании», которое уходит своими истоками в концепцию, разработанную местными властями в Бразилии. Страны Южной Америки стали первопроходцами в реализации патрисипаторного бюджетирования, которое впоследствии распространилось по всему миру. Однако данные понятия различаются не только по названию. При партисипаторном бюджетировании невластные субъекты, как правило, не участвуют в софинансировании предлагаемых проектов. Им предоставляется возможность выбора направления расходования бюджетных средств [10, с. 243].

Начиная с 2018 г., Министерством финансов Российской Федерации проводится активный мониторинг направлений и перспектив развития института инициативного бюджетирования как на региональном, так и

на местном уровнях. Министерство обобщает информацию и ежегодно подготавливает доклад, располагаемый для открытого доступа в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Соответствующие сведения подлежат размещению в сети органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [5]. При Министерстве финансов Российской Федерации существует Центр инициативного бюджетирования Научно-исследовательского финансового института, который занимается этими вопросами (далее – НИФИ Минфина России).

Указанная работа обусловлена принятием в том же году Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года, где закреплена необходимость внедрения и обучения механизмам участия граждан Российской Федерации в решении вопросов социально-экономического развития соответствующих территорий на основе широко распространенной в мире концепции партисипаторного (инициативного) бюджетирования [3].

В 2020 г. по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления Президентом Российской Федерации в отношении Правительства Российской Федерации было сформулировано поручение, связанное с необходимостью реализации проектов в рамках инициативного бюджетирования и вовлечения населения Российского государства в указанные процессы [4].

Правительством Российской Федерации среди актуальных проблем было отмечено отсутствие надлежащего уровня информирования граждан по вопросам участия в программах инициативного бюджетирования. В качестве необходимых мероприятий предложено обобщать и способствовать распространению лучших практик инициативного бюджетирования, прежде всего обеспечив свободный доступ к данной информации населения, проживающего в конкретных муниципальных образованиях [2].

Кроме того, на наш взгляд, необходимо налаживание обмена своим опытом между различными муниципальными образованиями, развитие местного потенциала и его системное сопровождение (наличие достаточного количества проектных центров, специалистов соответствующего уровня (консультантов), системы обучения).

Проектные центры могут как являться структурными подразделениями органов местного самоуправления, так и формироваться как самостоятельные учреждения. В Орловской области данные вопросы курирует Департамент по проектам развития территорий, в Республике Коми – Ассоциация территориального общественного самоуправления, в Волгоградской области создана рабочая группа. В Республике Башкортостан один из двух проектных центров действует на базе Академии наук, оказывает поддержку институту инициативного бюджетирования и выполняет

сопроводительную роль на всех его этапах (консультирование, учет данных, обучение, мониторинг и т.п.).

Одной из передовых стран в отношении инициативного бюджетирования является Южная Корея, где, например, в муниципалитете Йонсугу организуют так называемые школы обучения бюджету. В рамках данных школ проводятся собрания, на которых обсуждаются значимые вопросы и отбираются претенденты на советников района. Данные лица избираются и проходят соответствующий курс бюджетной грамотности [13, с. 16].

НИФИ Минфина России разработал программу дополнительного профессионального образования по инициативному бюджетированию, пройдя которую, можно стать консультантом по вопросам инициативного бюджетирования. В Ленинградской области реализуется «Школа активного земляка», объединяющая семинары по обмену опытом. В Орловской области подобные мероприятия объединили в акселерационный марафон «Развитие малых территорий: инструменты, механизмы, практики» [6, с. 25 – 26].

Практическая реализация института инициативного бюджетирования трансформирует природу взаимоотношений властных структур и общественности, способствует повышению уровня доверия между ними. Участвуя в развитии общественной инфраструктуры, граждане чувствуют свою ответственность за принимаемые решения и возможность повлиять на их результаты, бережно относятся к построенным или реконструированным в результате объектам. Благодаря институту инициативного бюджетирования, возможна реализация отдельных направлений общественного контроля с целью предотвращения влияния коррупциогенных факторов, а также повышения качества проводимых работ [11, с. 103]. Тем самым граждане, видя результаты своих действий, осознают возможность оказывать влияние на местное самоуправление, реально участвовать в его претворении в жизнь.

Участие может иметь различный характер: от самых простых форм непосредственного осуществления местного самоуправления (собрания, конференции) до возможности вхождения в состав бюджетной комиссии (в основном в крупных муниципальных образованиях).

Целесообразно размещать предлагаемые проекты и осуществлять голосование за выдвинутые инициативы с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в первую очередь с целью сокращения расходов на проведение подобных мероприятий. Такая практика показала свою эффективность во всем мире. За рубежом одной из первых стран, использовавших цифровые технологии в партисипаторном бюджетировании, стала Бразилия.

В России регионы и муниципалитеты стараются не отставать от мировых тенденций. Так, в Астраханской области для этих целей

используется портал «Инициативное бюджетирование на территории Астраханской области» (для предложения проекта (заполнения его электронного паспорта) и принятия участия в голосовании необходимо пройти регистрацию) [9]. Авторизованные пользователи могут обозначить объем денежных средств или трудовые ресурсы (например, для проведения волонтерских или благотворительных мероприятий), которые они готовы выделить для проекта.

Для авторизации участников инициативного бюджетирования используются портал госуслуг (в Ставропольском крае все проекты, победившие в ходе онлайн-голосования, направляются для рассмотрения на собрания граждан) или номер мобильного телефона (в Архангельской и Волгоградской областях – для голосования).

В городе Ступино Московской области голосование населения также проводится с использованием информационных технологий – портала «Добродел», но имеет промежуточный характер. Проекты, набравшие более десяти голосов, выносятся на рассмотрение муниципальной конкурсной комиссии, принимающей итоговое решение в отношении участия проектов в региональном конкурсном отборе [7].

Тем не менее чаще всего интернет-ресурсы используются для оповещения о проводимых этапах инициативного бюджетирования (сайты муниципальных образований, социальные сети).

Интересным представляется рассмотрение вопроса о возрасте, с которого граждане могут предлагать свои проекты или голосовать за них. По общему правилу дееспособность в полном объеме наступает с восемнадцати лет. Это же касается права голосовать на выборах или референдуме. Большинство муниципальных образований пошло по такому пути и в случае с инициативным бюджетированием.

В ряде местных нормативных правовых актов возраст участников голосования снижен до шестнадцати-семнадцати лет [8]. За рубежом также нет единого подхода к данному вопросу. Например, в городе Бостон (США) в процессы партисипаторного бюджетирования активно вовлекаются представители молодежи. Лица в возрасте от двенадцати до двадцати пяти лет могут представлять властным структурам свои идеи в отношении расходования средств городского бюджета (в частности, одного миллиона долларов) [12, с. 210].

В России одним из значимых направлений развития инициативного бюджетирования стало школьное бюджетирование. Оно активно развивается в Ямало-Ненецком автономном округе, где всем муниципальным образованиям предоставляются дополнительные средства на реализацию соответствующих мероприятий. В 2020 г. в Республике Удмуртия запустили молодежную практику, расширяющую аудиторию участников инициативного бюджетирования, – проект «Атмосфера» – для школьников и студентов в возрасте от четырнадцати до двадцати пяти лет [6, с. 9].

В российских муниципальных образованиях чаще всего используется возможность голосования «за» понравившийся проект. Однако, например, в португальском городе Кашкайш в качестве альтернативы можно голосовать и «против» проекта.

Если проводить аналогии, можно найти схожие черты между институтами инициативного бюджетирования и самообложения граждан [1]. Однако различным здесь является порядок участия граждан в реализации проекта. Для организации самообложения граждан необходимо проведение местного референдума или схода граждан (с учетом вида муниципального образования). В связи с этим требуются достаточно большие расходы, когда речь идет об организации референдума. Опыт последних лет показывает неостребованность данной формы непосредственного осуществления местного самоуправления. Кроме того законом четко определено, что размер разовых платежей устанавливается одинаковым для всех местных жителей, за некоторым исключением.

В случае с инициативным бюджетированием механизм его применения гораздо проще. Возможно использование различных форм участия населения. Нет жесткой привязки к предоставляемым суммам. Кроме физических лиц, допустимо привлечение предпринимательских структур, располагающих гораздо большим финансовым потенциалом. Форма предоставления может варьироваться от твердой денежной суммы до определенного процентного выражения.

Практика реализации рассматриваемых институтов также говорит в пользу инициативного бюджетирования. Чаще всего данный механизм осуществляется в отношении вопросов строительства и ремонта дорог, а также организации процесса водоснабжения, набирают обороты проекты по благоустройству территории, строительству и реконструкции объектов для проведения общественных мероприятий.

Таким образом, в качестве основных принципов инициативного бюджетирования можно выделить следующие:

- конкурсность отбора проектов, предложенных для реализации;
- равный доступ к участию в инициативном бюджетировании для всех жителей муниципального образования;
- открытость и гласность на всех этапах.

Очевидно, что инициативное бюджетирование занимает важное место в рамках стратегий социально-экономического развития государства, поскольку способствует эффективному развитию муниципальной бюджетной системы. Рассматриваемый институт позволяет в целом набирать опыт решения гражданами коллективных проблем на местном уровне, приобретать навыки управления проектами, воплощая в жизнь принципы непосредственной демократии.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
2. Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 г. № 117-р «Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019 – 2024 годах» // СЗ РФ. 2019. № 6. Ст. 542.
3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 18.01.2021).
4. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления (утв. Президентом РФ 01.03.2020 г. № Пр-354 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2021).
5. Письмо Минфина России от 26.08.2020 г. № 06-04-12/01/74984 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2021).
6. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // Официальный портал Министерства финансов РФ. М., 2020. 80 с. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/reforms/budget/budget_citizen/proactive_bud/ (дата обращения: 18.01.2021).
7. Постановление Администрации городского округа Ступино Московской области от 20.02.2020 г. № 381-П «Об утверждении порядка реализации проектов инициативного бюджетирования на территории городского округа Ступино Московской области» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2021).
8. Постановление Администрации муниципального образования Белоярское от 26.02.2020 г. № 14 «О порядке проведения конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования «Бюджетная инициатива граждан» в муниципальном образовании Белоярское» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2021).
9. Постановление Правительства Астраханской области от 31.07.2019 г. № 279-П «О реализации инициативного бюджетирования на территории Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2019. № 31. 8 авг.
10. Бехер В.В. Практика инициативного бюджетирования на муниципальном уровне // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 242–244.
11. Михеева Т.Н. Реализация общественного контроля в муниципальных образованиях: проблемы субъектного состава // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3. С. 101–113.
12. Сафонова Е.А. Особенности правового регулирования инициативного бюджетирования в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 1. С. 207–2014.

13. Чулков А.С. Опыт и перспективы применения в России инициативного бюджетирования // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. № 11. 2017. С. 14–23.

Об авторе:

ТИХАЛЕВА Елена Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент; сотрудник ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации» (Россия, 302015, Орел, ул. Приборостроительная, 35); ORCID: 0000-0003-4612-4722; e-mail: columbijka@mail.ru

THE PRACTICE OF PROACTIVE BUDGETING IN MUNICIPALITIES

E.Ju. Tikhaleva

The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation

Currently, at the local level, there is a dynamic change in legislation in the context of increasing opportunities for citizens to participate in management processes. The article examines the directions of proactive budgeting development in municipalities. The most successful practices are noted. Proactive budgeting has advantages in comparison with the institute of self-taxation of citizens. In this regard, special attention is paid to the determination of principles of proactive budgeting and recommendations for improving this institution.

Ключевые слова: *local self-government, direct forms of local self-government, local budget, proactive budgeting, project center, school budgeting, means of self-taxation of citizens.*

About author:

ТИХАЛЕВА Елена – PhD, Associate Professor, Employee of the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (Russia, 302015, Oryol, Priborostroitelnaya st., 35); ORCID: 0000-0003-4612-4722; e-mail: columbijka@mail.ru

Тихалева Е.Ю. Практика инициативного бюджетирования в муниципальных образованиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 67 – 73.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЗНАЧЕНИЯ И ФОРМЫ

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В статье дается общая характеристика принципов гражданского процессуального права с точки зрения их значения и формы. Автор предлагает включать в систему принципов гражданского процессуального права также принципы, получившие широкое признание в практике судебных органов и обеспечивающие эффективное и справедливое разрешение спорных ситуаций.

Ключевые слова: принцип, гражданское процессуальное право, доступность правосудия, справедливость, судебское усмотрение.

В действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) в отличие от Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 6) нет главы или даже специальной статьи о принципах гражданского процессуального права (далее – ГПП), поэтому важное значение имеет их доктринальное определение.

Со второй половины XX в. важным для развития правосудия и его принципов становится интегративное направление в праве [18; 25]. Если последователи юридического позитивизма выделяют только принципы, нормативно выраженные в тексте закона, отрицая возможность существования принципов в какой-либо иной форме (в виде идей-принципов), то интегративная концепция правосудия дает возможность более широкого восприятия принципов ГПП. В качестве таковых надлежит выделять не только принципы, прямо или косвенно закрепленные в тексте гражданского процессуального закона, но и принципы, получившие поддержку в устоявшейся судебной практике, и идеи правосознания.

Так, принцип диспозитивности, наряду с принципами состязательности и процессуального равноправия, относится к числу тех принципов, в которых наиболее ярко проявляется специфика отрасли ГПП. Своим действием принцип диспозитивности охватывает большинство норм и институтов ГПП. Не имея нормативной формулировки в законе, принцип диспозитивности находит достаточное отражение в судебных источниках гражданского процессуального права. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС)

от 19 декабря 2003 г. № 23 г. «О судебном решении» судам надлежит их учитывать (п. 4) [7].

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П говорится что: «В гражданском судопроизводстве диспозитивность означает, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом. Данное правило распространяется и на процессуальные отношения, возникающие в связи с оспариванием решений третейских судов, поскольку в основе этих процессуальных отношений лежит договор, согласно которому стороны (частные лица) доверяют защиту своих гражданских прав избранному им составу третейского суда и признают его решения» [3]. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П определяет основные субъективные процессуальные права сторон: «В гражданском судопроизводстве реализация этих принципов имеет свои особенности, связанные прежде всего с присущим данному виду судопроизводства началом диспозитивности: дела возбуждаются, переходят из одной стадии процесса в другую или прекращаются под влиянием, главным образом, по инициативе участвующих в деле лиц. Стороны, реализуя свое право на судебную защиту, определяют предмет и основания заявленных требований; истец вправе изменить основания или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований или отказаться от иска, а ответчик - признать иск; стороны могут окончить дело мировым соглашением. Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование своих требований и возражений» [4]. В приведенном выше постановлении Суд отметил наиболее важные права, составляющие содержание принципа диспозитивности.

Конкретизируется диспозитивное начало в Определении Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1626-О: «...в силу присущего гражданскому судопроизводству принципа диспозитивности только истец определяет, защищать ему или нет свое нарушенное или оспариваемое право (ч. 1 ст. 4 ГПК РФ), к кому предъявлять иск (п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ) и в каком объеме требовать от суда защиты (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ) ...» [5].

В практике Конституционного Суда РФ, который «генерирует конституционные ценности в процессе конституционно-оценочной деятельности» [9], уже получили обоснование ряд ранее «скрытых» в ГПК РФ и самой Конституции РФ ценностей, таких как, справедливость, правовая определенность, стабильность и определенность публичных правоотношений, поддержание баланса публичных и частных интересов. Таким образом, Конституционный Суд РФ не только способствует

развитию доктринального понимания принципов ГПП, но и задает импульс формированию и осмыслению концепции национальной идентичности принципов правосудия.

В практике Верховного Суда РФ также формулируются принципы права, раскрывается их содержание. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5, посвященном общепризнанным принципам и нормам международного права, указываются два из них: всеобщего уважения прав человека, добросовестного выполнения международных обязательств [6]. Содержание принципа гласности судебного разбирательства уже давно вышло за рамки редакции ст. 10 ГПК РФ. Смысл данного принципа в ГПП трудно уяснить без учета разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

В связи с присоединением России к международным актам в области прав и свобод человека регулирующее воздействие на область гражданских процессуальных отношений имеют принципы, выраженные в практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) с участием Российской Федерации, в которых дается толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в конкретном деле.

Общепризнанные идеи судопроизводства концептуально оформлены в виде системы правовых принципов (доступа к правосудию, гласности, беспристрастности, разумности сроков судопроизводства по гражданским делам, справедливости, эффективности, правовой определенности и др.), признанных мировым сообществом и получивших закрепление в международных правовых актах (например, право на справедливое судебное разбирательство – в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и правовых позициях Европейского Суда по правам человека)⁸.

В настоящее время назрела необходимость расширить традиционную классификацию принципов ГПП, осуществляемую по критерию источника нормативного закрепления. Согласно иерархии нормативных актов в системе источников ГПП, принципы ГПП надлежит подразделять на три группы: конституционные, международные и отраслевые. Соответственно, международными надлежит считать принципы, признаваемые на международном уровне и установленные в международных актах, являющихся частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Большой интерес могут представлять принципы Евразийского экономического союза, представленные в ст. 3

---

⁸ В качестве недостатка международных принципов правосудия надлежит отметить отсутствие их систематизации, а также то, что принципы и общие правила не изложены официально в рамках одного документа.

Договора о Евразийском экономическом союзе [1], и принципы трансграничного гражданского процесса АЛИ/ УНИДРУА, принятые в 2004 г. Американским институтом права и Международным институтом унификации частного права [21]. Надлежит отметить межотраслевой характер международных принципов гражданского процесса, поскольку они распространяются на судопроизводство в целом, а не только на гражданское, уголовное или административное судопроизводство. Для международных принципов характерно двойное нормативное закрепление, поскольку большинство из них закреплены как в международном праве, так и во внутреннем процессуальном законодательстве.

С позиции интегративного правопонимания право в целом объективно выражается в принципах и нормах права, содержащихся в единой и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующихся в государстве⁹. В значительной мере доктрина эпохи постмодерна, формулируется международными органами и организациями (например, Венецианской комиссией Совета Европы), а также национальными и международными судами (например, Европейским Судом по правам человека).

Так, одним из краеугольных принципов верховенства права Венецианская комиссия Совета Европы считает «доступ к правосудию» [30]. В гражданском процессуальном праве принцип доступности правосудия характеризуется своей многоаспектностью и не сводится только к праву инициировать судопроизводство и стать участником гражданского процесса. В этой связи трудно не согласиться с И.Б. Михайловской, которая отмечает, что «доступность судебной защиты определяется характером правового регулирования не только порядка обращения в суд, но и всей процедуры рассмотрения дел, а также организационно-техническими факторами, которые влияют на реальную возможность использования права на судебную защиту» [23, с. 47 - 48]. Для формулирования его научной дефиниции и выработки содержания одинаково важен каждый из аспектов доступности правосудия (судоустройственный, финансовый, организационный и процессуальный) [8, с. 82].

Справедливость по отношению к правосудию, будучи его изначальным и имманентным свойством, имеет юридическое значение – «процессуальная справедливость»¹⁰. Некоторые составляющие процессуальной справедливости правосудия уточняются в документах

---

⁹ При таком теоретическом подходе неизбежно возникает вопрос о сохранении государственного суверенитета. В этой связи каждое государство вправе определяться с соотношением отдельных форм национального и международного права.

¹⁰ Связь правосудия и справедливости была предельно рано и ясно выражена в древнегреческом и римском праве [20].

Венецианской комиссии Совета Европы. Реализация этого принципа означает прежде всего легкость и эффективность доступа к судам именно граждан, в том числе к документам суда, доступность правовой помощи, включая бесплатную информацию о работе судебных органов, равенство состязательных возможностей, разумность формальных требований, сроков и судебных сборов, публичность, обоснованность и эффективность (исполнения) судебных решений. Подчеркивается, в частности, что неисполнение судебных решений лишает право на справедливый суд какого-либо содержания [31].

В соответствии с закрепленными в Конституции РФ принципами правосудие по сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости [12, с. 33; 24, с. 82]. Важнейшим условием реализации принципа процессуальной справедливости (надлежащей судебной процедуры) является независимость суда.

В отличие от Кодекса административного судопроизводства РФ (ст. 9) принцип процессуальной справедливости не закреплен в ГПК РФ в качестве нормы-принципа, однако, как и принцип диспозитивности, от этого он не утрачивает своего регулирующего воздействия на область гражданских процессуальных отношений. В отечественной теории права справедливость признается общеправовым принципом, которому должны соответствовать нормы всех отраслей права [16, с. 115]. Признаваемый правовой доктриной принцип процессуальной справедливости заслуживает большей своей объективизации в тексте процессуального закона в качестве самостоятельного принципа ГПП для более широкого развертывания своего потенциала в гражданском судопроизводстве.

Все размышления относительно того, что составные слагаемые процессуальной справедливости в части установления надлежащей судебной процедуры являются выражением законности гражданского процессуального права, несостоятельны. Неслучайно Кодекс административного судопроизводства РФ разделяет принципы законности и справедливости, признавая их самостоятельность. Еще древние греки, подчеркивая важность принципа законности, устанавливали корреляцию и несоответствие между справедливостью и законностью. Римские правоведы углубили противопоставление «справедливости» и позитивного права. Прекрасно осознавая относительную справедливость «рукотворных», государственных законов, Платон отмечал, что «закон не может точно и полно объять превосходнейшее справедливейшее, чтобы предписать всем наилучшее» [28, с. 601 – 602].

Соответственно, в гражданском процессе принцип процессуальной справедливости надлежит использовать как некий принцип оптимального разрешения конфликтов, позволяющий добиться

необходимого баланса интересов даже за рамками позитивного права. Надлежит предоставить легитимную возможность суду выделять «несправедливые» положения позитивного права (закона), которые не могут быть применимы к конкретному делу.

Рассматривая право с точки зрения его универсальных принципов, а не национальных особенностей, Е. Эрлих делает акцент на свободе судейского усмотрения и расширении судейского правотворчества, поскольку только суд может «найти» право, заложенное в живой общественной жизни [29].

Судебное усмотрение - это осуществляемый судом относительно свободный выбор возможных правовых решений, ограниченных правом и пределом осуществляемых судом правомочий [17, с. 53]. Например, при заявлении стороны о подложности доказательства судейское усмотрение может заключаться в таких вариантах выбора процессуальных действий, как обязанности суда назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства (ст. 186 ГПК РФ).

Правоприменителю дается возможность действовать по своему усмотрению не всегда, а только в установленных законом случаях либо, наоборот, в случаях, не урегулированных законодательством или обобщенно урегулированных. Судейское усмотрение в правоприменении может быть обусловлено наличием оценочных категорий в материальном и процессуальном праве. При разрешении сложных материально-правовых и процессуальных коллизий, не имеющих однозначного правового регулирования, судебная практика изобилует примерами широкого использования начал справедливости [11, с. 12], добросовестности [10, с. 135 – 143], разумности [14, с. 112 – 115; 15, с. 27 - 31], достоверности и соразмерности [19, с. 30 – 34]. Между тем судейское усмотрение практически в любой ситуации может нести в себе опасность противоречий с принципами права и произвола со стороны правоприменителя [22, с. 18].

Принцип судейского усмотрения обладает необходимыми качествами самостоятельного принципа ГПП. Он «красной нитью» проходит через весь гражданский процесс, пронизывая своей сущностью правоприменительную деятельность суда, особенно при разрешении сложных материально-правовых и процессуальных ситуаций.

Таким образом, исходя из многогранности категории «правовой принцип», его понятие не может охватываться какой-то одной его стороной, одним общим признаком – нормативностью. Содержание принципов гражданского процессуального права опережает в развитии свою форму, так как это содержание напрямую зависит от развития науки, а форма - от развития законодательства [27, с. 111].

Исходя из широкого понимания принципов права, в качестве таковых в ГПП надлежит выделять принципы, которые не просто прямо

или косвенно выражены в тексте гражданского процессуального закона, но в то же время являются основополагающими правилами гражданского процесса, определяющими его характерные черты, пронизывающими все его стадии и отдельные институты, обеспечивающие эффективное и справедливое разрешение спорных ситуаций. Вследствие соответствия вышеуказанным признакам принципов ГПП обеспечение доступа к правосудию, процессуальная справедливость и судебское усмотрение в полной мере заслуживают считаться самостоятельными принципами ГПП и в отсутствие их нормативного закрепления в ГПК РФ. Признание за данными категориями качества принципов ГПП послужит выведению формулы более качественного их практического использования в тексте процессуального закона и деятельности субъектов гражданских процессуальных отношений.

Значение принципов ГПП, вырабатываемых в судебных источниках ГПП, так же как и принципов, выраженных в ГПК РФ, заключается в их особом регулирующем воздействии на гражданские процессуальные отношения. В.П. Грибанов обращал внимание на то, что регулирующая функция правового принципа заключается, в отличие от аналогичной функции нормы права, не только в определении поведения участников правоотношений, но и в определении основного содержания, характера толкования и применения норм данной системы, отрасли или института права [13]. С помощью системы принципов возможно устранение пробелов в гражданском судопроизводстве путем применения аналогии права (п. 4 ст. 1 ГПК РФ).

Гарантией реализации принципов правосудия служат основания к отмене судебного акта, постановленного с нарушением некоторых из них (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Если допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов, в отношении него может быть применено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи [2].

Основное воздействие законодателя на реформирование гражданского судопроизводства осуществляется через его принципы [26], которые выступают для него своеобразной «дорожной картой».

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 01.10.2019 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2021).
2. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020 г., с изм. от 30.12.2020 г.) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 15.02.2021).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11

Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2021).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2021).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1626-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грязнова Николая Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 41 ГПК РФ» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2021).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // РГ. 2003. 2 дек.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // РГ. 2003. № 260.

8. Афанасьев А.Ф. Гражданское процессуальное право России: учебник для бакалавриата и магистратуры / С.Ф. Афанасьев и др.; под ред. С.Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2015. 879 с.

9. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru> (дата обращения: 15.02.2021).

10. Бурмистрова С.А. О применении категории добросовестности при разрешении коллизий правовых интересов // Рос. юрид. журн. 2019. № 4. С. 135 - 143.

11. Бурмистрова С.А. Применение судом справедливости при разрешении коллизий правовых интересов // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 12 – 16.

12. Грачева С.А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журн. рос. права. 2014. № 4. С. 33 – 45.

13. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.

14. Грибанов Д.В. Разумность как принцип правового регулирования // Бизнес. Менеджмент. Право. 2015. № 1. С. 112 – 115.

15. Грибанов Д.В., Коваленко К.Е. Соотношение судебного усмотрения и разумности: общетеоретический подход // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2015. № 2-2 (86). С. 27 – 31.

16. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 113 – 122.

17. Ермакова К.П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журн. рос. права. 2010. № 8. С. 50 – 58.

18. Ершов В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Рос. правосудие. 2016. № 3. С. 48 – 79.

19. Мураев П. П., Миликова А. В. Оценочные категории в теории и практике материального и процессуального права // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 30 – 34. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu> (дата обращения: 15.02.2021).

20. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.

21. Принципы трансграничного гражданского процесса = ALI/UNIDROIT principles of transnational civil procedure / пер. с англ. [Е.А. Виноградовой, М.А. Филатовой]. М.: Инфотропик Медиа ; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. XL. 194 с.

22. Стражева А.С. Проблема судебного усмотрения при заявлении стороны о подложности доказательства как препятствие к достижению задач судопроизводства в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 17 – 21.

23. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. 720 с.

24. Тиунов О.И. Международное право и правовые позиции Конституционного Суда РФ // Журн. рос. права. 2011. № 10. С. 82 – 96.

25. Федина А.С. Интегративное понимание принципов гражданского процессуального права // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2015. Выпуск № 2. С. 125 – 133.

26. Федина А.С. Методологическое значение принципов гражданского процессуального права (с учетом анализа Устава гражданского судопроизводства 1864 года) / Науч. тр. Рос. академия юрид. наук. М., 2015. С. 275 – 282. [Электронный ресурс] URL: http://lawinfo.ru/assets/images/books/RAUN-1_2015-1.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

27. Федина А.С. Форма и содержание принципов гражданского процессуального права // Журн. рос. права. 2014. № 11 (215). С. 107 – 114.

28. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. / М., 2018. Т. 9. Институты государственной власти и местного самоуправления. Парламентское право. Правосудие. с. 601 – 602. [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37170461_97568948.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

29. Pattaro E., Roversi C.A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence – Volume 12 Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Т. 1. Springer Science&Business Media, 2016. P. 611.

30. The Rule of Law Checklist. Adopted by the Venice Commission at Its 106th Plenary Session. Venice, 11–12 March 2016, II, E.

31. The Rule of Law Checklist. Sect. E, 2.

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170021, г. Тверь, ул. 2-ая Грибоедова, д. 22), SPIN-код: 6641-7075; e-mail: as.fedina@mail.ru

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURAL LAW IN TERMS OF THEIR MEANING AND FORM

A.S. Fedina

Tver State University

The article gives a general description of the principles of civil procedural law in terms of their meaning and form. The author proposes to include in the system of principles of the GPP, including principles that have received wide recognition in the practice of the judiciary and ensure effective and fair resolution of disputes.

Keywords: *principle, civil procedural law, access to justice, fairness, judicial discretion.*

About author:

FEDINA Angelica - PhD, assistant professor of the department of judicial power and law enforcement affairs Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 6641-7075; e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. Общая характеристика принципов гражданского процессуального права с точки зрения их значения и формы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 74 – 83.

НАЛОГОВАЯ ВЫГОДА: ПОИСК БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена проблеме достижения баланса публичных и частных интересов в сфере налогообложения в условиях цифровизации и применения риск-ориентированного подхода; автором анализируется причинно-следственная связь злоупотребления субъективными гражданскими правами с ненадлежащим исполнением конституционной налоговой обязанности; обосновывается необходимость изменения налогового законодательства с учетом цифровизации налогового администрирования и применения риск-ориентированного подхода; вносится предложение о создании новой судебной концепции в целях пресечения злоупотреблений в налоговой сфере.

Ключевые слова: злоупотребление правом, цифровизация, риск-ориентированный подход, налоговая выгода, баланс публичных и частных интересов.

Институт налоговой выгоды, несмотря на свое законодательное оформление и относительно сложившуюся судебную практику, по-прежнему вызывает оживленную научную дискуссию, поскольку проблема определения границ дозволенного поведения налогоплательщика в условиях цифровизации экономики приобрела еще большую актуальность.

Глобальные задачи национальной программы цифровизации должны подкрепляться соответствующими ресурсами.

В этой связи от каждого налогоплательщика зависит устойчивость финансовой системы, возможность поступательного развития государства.

Вместе с тем, правоприменители и прежде всего субъекты, осуществляющие администрирование налоговых платежей, сталкиваются с проблемой, имеющей теоретические истоки, что однако не лишает ее безусловной прикладной значимости.

Большинство ученых склоняются к мысли, что в налоговом праве нельзя злоупотребить ни правами, ни обязанностями, поскольку базовое налоговое правоотношение по уплате налога имеет односторонний характер.

Что касается гражданских правоотношений, дефиниции злоупотребления и добросовестности имеют не только высокую степень научной разработанности, но и надлежащее нормативное закрепление, в том числе и в отношении механизмов противодействия злоупотреблению.

При этом, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений, «конституционно-правовое содержание законодательства о налогах и сборах предполагает, что налоговые обязательства производны от экономической деятельности, а его нормы, определяя основания, порядок и условия фискального отчуждения собственности для финансирования деятельности государства, объективно взаимосвязаны с нормами гражданского законодательства» [9].

Указанное явление концептуально может быть охарактеризовано следующим образом:

1) свобода деятельности хозяйствующих субъектов позволяет им злоупотреблять своими субъективными гражданскими правами;

2) результатом такого рода злоупотреблений является недобросовестное исполнение налогоплательщиками (хозяйствующими субъектами, их аффилированными лицами и/или контрагентами) своих налоговых обязанностей;

3) уполномоченные органы, действующие в имущественном интересе публично-правовых образований, не всегда имеют в своем распоряжении допустимые законом механизмы, позволяющие пресечь негативные последствия злоупотреблений.

В этой связи особой ценностью обладает мысль Г.А. Гаджиева, который еще в 2004 г. констатировал, что всякая схема налоговой оптимизации основана на применении гражданско-правовых средств, которые, однако, исходя из требований ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] не могут быть злоупотребительными [15].

Правовой основой такой позиции служит ч. 3 ст. 17 Конституции РФ [1], получившая дальнейшее развитие в ряде статей ГК РФ (п. 5 ст. 53.1, п. 1 ст. 302 ГК РФ и иных) [2], актах Конституционного Суда Российской Федерации, а также Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 [13].

Вместе с тем указанные нормы не могут сдерживать поведение недобросовестного субъекта в налоговых правоотношениях. Закрепленные в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее – НК РФ) [3] контрольные полномочия налоговых органов, в том числе по применению налоговых санкций, а также соотносимые с ними иные меры государственного принуждения не всегда позволяют обеспечить адекватную защиту публичного фискального интереса.

В каких-то ситуациях причиной этого может послужить ненадлежащее исполнение налоговыми органами возложенных на них законом функций, не проявление разумности и осмотрительности с их стороны в реализации властных полномочий, как, например, в ситуации, ставшей предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) в июле 2020 г. [10].

В этой связи особого внимания законодателя заслуживает формирование правовой базы для применения риск-ориентированного подхода в сфере налогового контроля.

Имеющийся в распоряжении налоговых органов Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ -3-06/333@ (ред. от 10.05.2012 г.) «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» [7], закрепивший основы риск-ориентированного подхода, в соответствии с положениями НК РФ [3] не может надлежащим образом регулировать отношения налоговых органов и налогоплательщиков.

Установленная Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [6] концепция управления рисками причинения вреда охраняемым законом ценностям при осуществлении контроля также с правовой точки зрения не является безупречной, поскольку отсутствуют необходимые для реализации закона подзаконные нормативно-правовые акты, а также в законе имеются многочисленные оценочные категории, что создает почву для злоупотреблений со стороны контролируемых субъектов [14, с. 26–28].

Кроме того, хотелось бы акцентировать внимание на ненадлежащем правовом регулировании цифровизированных процедур администрирования налогов. Базисный документ в сфере налогообложения – НК РФ [3] – не учитывает столь стремительно меняющиеся условия экономики, что вполне объяснимо. Появляющееся специальное законодательство (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] и иные) сферу налоговых правоотношений не затрагивает.

Таким образом, в ближайшей перспективе налоговое законодательство нуждается в системном обновлении, соответствующем новым подходам к осуществлению налогового контроля, а также цифровым условиям жизни. Указанное является необходимым условием предотвращения злоупотреблением полномочиями со стороны властных субъектов.

Вместе с тем на практике достаточно распространены ситуации, когда в силу разнообразных причин властные субъекты не могут противостоять злоупотреблениям налогообязанных лиц, которые последние допускают в сфере экономической деятельности, что оборачивается для бюджета значительными потерями.

Проанализируем спорную ситуацию, ставшую предметом рассмотрения Арбитражного суда Тверской области в 2015 – 2020 гг. в рамках дел № А66-17494/2015, А66-8292/2018, А66-10106/2018, А66-

752/2019, А66-811/2019, А66-1016/2019, А66-1192/2019, А66-1580/2019, А66-1025/2019, А66-1735/2019, А66-7903/2019, А66-7904/2019 [16].

Из материалов указанных дел следует, что в ходе проведения выездной проверки ООО «Стройбилдинг» налоговый орган установил факт применения схемы «дробления бизнеса» в целях получения необоснованной налоговой выгоды путем создания группы взаимозависимых организаций, применяющих УСН с объектом налогообложения «доходы». В этой связи налоговый орган, объединив доходы взаимозависимых организаций, применявших УСН, с доходами ООО «Стройбилдинг», вынес решение, которым доначислил обществу налогов на общую сумму 333 879 646 руб., 95 549 858 руб. 23 коп. пеней, а также 81 009 749 руб. штрафа. По итогам судебных разбирательств сумма начислений была уменьшена на 187 522 481 руб. недоимки, соответствующей ей сумм пеней и штрафов.

В 2018 г. в отношении ООО «Стройбилдинг» в рамках дела № А66-8292/2018 была инициирована процедура банкротства. Требования налогового органа в сумме 174 814 917 руб. 39 коп. были признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов должника. При этом в 2018 г. 10 взаимозависимых организаций, применявших УСН, обратились в налоговый орган с заявлением о возврате суммы излишне уплаченного налога. Налоговый орган в возврате налога отказал, однако с учетом позиции суда кассационной инстанции по делу № А66-811/2019 и отказа в передаче кассационной жалобы на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ суды впоследствии вынесли решения, подтвердившие, что взаимозависимые организации не лишены возможности откорректировать свои налоговые обязательства по УСН. Общая сумма налога к возврату по вынесенным судебным актам составила 49 597 793 руб. с начислением процентов на данную сумму в порядке, предусмотренном ст. 79 НК РФ [3].

Таким образом, правомерная с точки зрения гражданско-правовых норм реализация схемы «дробления бизнеса» может обернуться для бюджета потерей более 220 млн руб.

Противостоять этому злоупотреблению в сфере гражданских правоотношений, имевшему весьма ощутимые бюджетные потери, ни налоговые органы, ни суды не смогли.

В этой связи, как представляется, особого внимания заслуживает концепция ожидаемого поведения как антипода недобросовестности. В рамках данной концепции добросовестный субъект – это публичное или частное лицо, учитывающее права и законные интересы другой стороны правоотношения и соответствующее неким идеальным (эталонным) критериям ожидаемости анализирующего субъекта.

При этом хотелось бы акцентировать внимание на личности (статусе) анализирующего субъекта, в качестве которого чаще выступают лица, наделенные публично-властными полномочиями.

Особое место среди последних занимают суды, поскольку эталонные критерии добросовестного субъекта присутствуют у судей в большей степени, чем у прочих анализирующих субъектов.

К сожалению, судебная доктрина «необоснованной налоговой выгоды», введенная в оборот Постановлением Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 [12], на сегодняшний день является нерабочей. Предприимчивые налогоплательщики используют иные приемы и способы ведения хозяйственной деятельности, позволяющие достигать обхода налогов, избежания взыскания недоимки и претерпевания мер ответственности за совершение правонарушений в сфере налогообложения.

В этом смысле показательны примеры адекватного правового пресечения злоупотреблений в сфере гражданского оборота, вызвавших негативные последствия для налогообложения, обозначенные Конституционным Судом в Определении от 4 июля 2017 г. № 1440-О [11]. При этом в одном из своих постановлений Конституционный Суд подчеркнул: «Специфика налогового регулирования, многообразие способов ведения предпринимательской деятельности, постоянное появление новых вариантов уклонения от уплаты налогов серьезно затрудняют создание законодательных правил, способных эффективно противостоять всем возможным случаям их нарушения. Как показывает опыт государств, имеющих многолетнюю практику противодействия уклонению от уплаты налогов, одними только законодательными средствами решить данную проблему не всегда возможно, что обуславливает особую роль судебных доктрин. В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами также призвано оказывать существенное воздействие на формирование судебной практики, в том числе по налоговым спорам» [8].

Таким образом, как представляется, надлежит соотнести публичный и частный интерес в налоговой сфере в эпоху цифровизации позволили бы два обстоятельства:

1) создание соответствующей требованиям времени правовой базы, регламентирующей прежде всего актуальные методы налогового администрирования и контроля;

2) новая судебная доктрина, рассматривающая гражданско-правовые и налоговые отношения как причину и следствие и учитывающая обновленный цифровой формат взаимодействия контролируемых и подконтрольных субъектов.

Только такой комплексный подход позволит в современных условиях противостоять недобросовестности в налоговой сфере.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе

общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 23.11.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

6. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (документ не вступил в силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

7. Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ -3-06/333@ (ред. от 10.05.2012 г.) «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

11. Определение Конституционного Суда РФ от 4 июля 2017 г. № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247 - 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2021).

12. Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

13. Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

14. Антонова Н.А. Особенности правового регулирования контрольной деятельности государства на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 26 – 28.

15. Гаджиев Г.А. От правоприменения до злоупотребления [Электронный ресурс] // Юрист: электронный журнал. 2004. № 42 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2021).

16. URL: http://kad.arbitr.ru/?makelist=&id_ac=61 (дата обращения: 14.02.2021).

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN-код 6648-986, e-mail: olga.i.yustus@gmail.ru

TAX BENEFIT: FINDING A BALANCE BETWEEN PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

O.I. Yustus

Tver State University

The article is devoted to the problem of achieving balance between public and private interests in the sphere of taxation in the context of digitization and application of the risk-based approach; the author analyses the causal relationship between the abuse of subjective civil rights and constitutional improper performance of tax obligations; the necessity of changes in tax laws, taking into account the digitalization of tax administration and application of the risk-based approach; proposal is made to create a new judicial concept in order to prevent abuses in the tax sphere.

Keywords: *abuse of law; digitalization; risk-based approach; tax benefit; balance of public and private interests.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3112-3112; SPIN code – 6648-986; e-mail: olga.i.yustus@gmail.ru

Юстус О.И. Налоговая выгода: о балансе публичных и частных интересов в современных условиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 84 – 90.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 349.2+349.3

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.091

ИНСТИТУТ СТАЖА КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрены виды стажа, предусмотренные действующим законодательством РФ, определены отличия, а также правовое значение каждого вида стажа. Проанализированы некоторые проблемы, связанные с исчислением и подтверждением отдельных видов стажа.

***Ключевые слова:** страховой стаж, общий трудовой стаж, специальный (профессиональный) стаж, выслуга лет.*

Право на социальное обеспечение гарантировано п. 1 ст. 39 Конституции РФ, согласно которому каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом [1]. Таким образом, Конституция РФ гарантирует всем гражданам право на социальное обеспечение, при этом приводится расширенный перечень случаев, когда такое право может быть реализовано.

Предоставление дополнительной помощи и поддержки в ситуациях, когда гражданин по объективным, уважительным причинам не имеет возможности трудиться, обеспечение реализации данного права – прямая обязанность государства. Вместе с тем сам факт получения социального обеспечения или размер выплат зачастую зависит от стажа гражданина, претендующего на соответствующие пенсии или пособия. В частности, от размера страхового стажа зависит процентная ставка расчета размера пособия по временной нетрудоспособности [4], а также право на получение и размер всех видов страховых пенсий, от продолжительности выслуги лет зависит право на получение пенсии за выслугу лет.

Основным видом стажа, который формируется у большинства граждан Российской Федерации, был и остается страховой стаж. В соответствии с п. 1 ст. 11 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – ФЗ «О страховых пенсиях») в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации лицами,

застрахованными в системе обязательного пенсионного страхования, при условии, что за эти периоды начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд РФ [3]. Таким образом, формирование данного вида стажа зависит от следующих условий:

- осуществление трудовой и иной деятельности на территории Российской Федерации (исключение составляют случаи выполнения работы или иной деятельности за пределами территории РФ, если включение данных периодов в страховой стаж предусмотрено законодательством РФ или международными договорами РФ, либо при условии уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд РФ);
- страхование работающих граждан в системе обязательного пенсионного страхования;
- начисление и уплата страховых взносов в процессе трудовой и иной общественно полезной деятельности.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» к застрахованным лицам относятся граждане РФ, постоянно или временно проживающие на территории РФ иностранные граждане или лица без гражданства, а также иностранные граждане или лица без гражданства (за исключением высококвалифицированных специалистов), временно пребывающие на территории РФ:

- 1) работающие по трудовому договору, договору гражданско-правового характера, предметом которого являются выполнение работ и оказание услуг, по договору авторского заказа и др.;
- 2) самостоятельно обеспечивающие себя работой (индивидуальные предприниматели, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и иные лица, занимающиеся частной практикой и не являющиеся индивидуальными предпринимателями), за исключением лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», и адвокатов, получающих пенсии за выслугу лет или пенсии по инвалидности;
- 3) являющиеся членами крестьянских (фермерских) хозяйств;
- 4) работающие за пределами территории РФ в случае уплаты страховых взносов, если иное не предусмотрено международным договором РФ;
- 5) применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в случае уплаты страховых взносов;
- 6) являющиеся членами семейных (родовых) общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность;
- 7) священнослужители;
- 8) иные категории граждан [6].

Кроме того, в страховой стаж могут быть включены периоды, когда фактически трудовая деятельность не осуществлялась, но при этом

гражданин не имел возможности трудиться по объективным обстоятельствам, признаваемым законодателем уважительными причинами. Данные периоды именуются «иные периоды, засчитываемые в страховой стаж», к ним относятся такие периоды, как прохождение военной службы, период получения пособия по обязательному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности, период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет (но не более шести лет в общей сложности), период получения пособия по безработице, период содержания под стражей лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, период ухода, осуществляемого трудоспособным лицом за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом или за лицом, достигшим возраста 80 лет, и др. Следует учесть, что данные периоды в силу прямого указания п. 2 ст. 12 ФЗ «О страховых пенсиях» засчитываются в страховой стаж в том случае, если им предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности).

Вторым видом стажа, который предусмотрен действующим законодательством, является общий трудовой стаж. Общий трудовой стаж – это периоды работы и (или) иной общественно полезной деятельности, которые осуществлялись гражданами до 2002 г. Данный вид стажа не связан с обязательным начислением и уплатой страховых взносов, а периоды соответствующей деятельности подлежат включению в общий трудовой стаж по их фактической продолжительности.

Основная проблема, возникающая на практике, связана с подтверждением данных периодов. После введения системы индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования [8], с внедрением новых технологий, учет трудовых прав граждан осуществляется автоматически в соответствии с периодами, за которые начислялись и уплачивались страховые взносы. На основании соответствующих данных в современный период осуществляется также переход на электронные трудовые книжки [2].

Периоды трудовой и иной общественно полезной деятельности, которые осуществлялись до 2002 г., в электронной базе данных не учитывались и могут быть подтверждены только документами на бумажных носителях. При отсутствии или при выявлении недостатков в оформлении трудовой книжки гражданину для подтверждения соответствующих периодов требуется предоставить иные документы, такие, как трудовой договор, справка от работодателя и др. Однако по прошествии большого количества времени данные документы могут быть утрачены, юридические лица – бывшие работодатели – ликвидированы. Случается, что даже при обращении в архивные органы граждане не получают необходимых сведений. Отказ во включении

периодов трудовой деятельности в общий трудовой стаж влечет изменение размера пенсионного обеспечения гражданина, и граждане вынуждены обращаться в суд за защитой нарушенных прав.

Следующим видом стажа является специальный (профессиональный) страховой стаж. Следует обратить внимание, что данный вид стажа как самостоятельная правовая категория в действующем законодательстве не предусмотрен. При изучении специального (профессионального) страхового стажа следует обратиться к ст. 30 ФЗ «О страховых пенсиях» [3]. Указанная статья закрепляет перечень лиц, за которыми сохраняется право на досрочное назначение страховой пенсии. К видам профессиональной деятельности, осуществление которой обеспечивает право на досрочное назначение страховой пенсии, в частности, относятся:

- 1) работа с вредными условиями труда, в горячих цехах;
- 2) работа с тяжелыми условиями труда;
- 3) работа в текстильной промышленности с повышенной интенсивностью и тяжестью (для женщин);
- 4) полевые геолого-разведочные, поисковые, топографо-геодезические, лесоустроительные, изыскательские и другие виды работ;
- 5) педагогическая деятельность в учреждениях для детей;
- 6) лечебная и иная деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения;
- 7) творческая деятельность на сцене в театрах или театрально-зрелищных организациях и многие другие.

Таким образом, в ст. 30 ФЗ «О страховых пенсиях» приводится общий перечень видов профессиональной деятельности, занятость в которых является основанием для досрочного назначения страховой пенсии по старости. Кроме того, для каждого вида профессиональной деятельности указывается продолжительность стажа на соответствующей работе, который дает основание для досрочного назначения страховой пенсии по старости. Дополнительным критерием устанавливается возраст (соответственно для мужчин и женщин), регламентация которого и является правовой гарантией реализации права на досрочное пенсионное обеспечение по старости. При некоторых видах профессиональной деятельности достаточно иметь соответствующий стаж, досрочное назначение страховой пенсии не зависит от достижения какого-либо возраста.

Важным аспектом применения данных законодательных положений является использование Списков соответствующих работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых назначается страховая пенсия по старости, а также правил исчисления периодов работы (деятельности) для назначения указанной пенсии. Данные Списки утверждены для всех видов профессиональной деятельности, работа в которых дает право на

досрочное назначение страховой пенсии по старости. В случае, если наименование профессии, должности, специальности или другие параметры не соответствуют поименованным в соответствующем Списке, Пенсионный фонд РФ отказывает гражданину в досрочном назначении страховой пенсии по старости (т. к. соответствующие периоды не включаются в специальный (профессиональный) стаж гражданина). Данные споры также подлежат разрешению в судебном порядке.

Кроме перечисленных, ст. 31 ФЗ «О страховых пенсиях» предусмотрен дополнительный перечень оснований для досрочного назначения страховой пенсии по старости. В данной статье перечислены такие категории граждан, как многодетные матери, инвалиды вследствие военной травмы. Кроме того, право на досрочное назначение страховой пенсии по старости имеют граждане, проработавшие в течение определенного времени в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Исходя из комплексного анализа данной статьи, к специальному (профессиональному) стажу, помимо перечисленных ранее, следует отнести периоды работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Следовательно, специальный (профессиональный) стаж – это суммарная продолжительность трудовой деятельности, которая осуществлялась в особых условиях труда либо в определенной местности (районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности).

Практическое применение специального (профессионального) страхового стажа имеет ряд особенностей, обусловленных недостатками нормативно-правового регулирования. Основной комплекс проблем связан с доказыванием характера работы с целью включения тех или иных периодов работы в стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости. Отдельной категорией споров можно выделить споры, связанные с установлением продолжительности данных периодов в соответствии с особенностями отдельных видов профессиональной деятельности и подсчета данного вида стажа.

Следующим видом стажа является выслуга лет. По своей сути выслуга лет имеет большое сходство со специальным (профессиональным) стажем, поскольку пенсионное обеспечение за выслугу лет предоставляется гражданам, имеющим определенное количество лет службы (работы) в определенных органах и организациях до достижения общеустановленного пенсионного возраста (досрочно). Поэтому, рассматривая выслугу лет как самостоятельный вид стажа, следует выявить основные отличия выслуги лет от специального (профессионального) страхового стажа.

Прежде всего, вопросы формирования рассматриваемых видов стажа регламентируются различными нормативно-правовыми актами. О нормативно-правовой регламентации специального

(профессионального) страхового стажа говорилось выше. Выслуга лет регулируется достаточно обширным количеством нормативно-правовых актов, основным из которых является Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении» [7]. Специальными по отношению к данному федеральному закону являются Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» [9], Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5], а также некоторые другие федеральные законы, регламентирующие особенности службы в отдельных правоохранительных органах.

Исходя из анализа вышеприведенного перечня нормативных актов, можно сформулировать следующее отличие специального (профессионального) стажа и выслуги лет – субъектный состав граждан, у которых формируется тот или иной вид стажа. Помимо прямо перечисленных в названиях соответствующих федеральных законов, пенсию за выслугу лет получают также граждане из числа космонавтов, работников летно-испытательного состава, прокурорские работники и другие категории граждан.

Третье существенное отличие заключается в том, что специальный (профессиональный) стаж является основанием для досрочного назначения страховой пенсии по старости, т. е. страховой пенсии по старости, которую получают пенсионеры на общих основаниях, но до достижения общеустановленного пенсионного возраста. Финансирование выплаты данного вида пенсии осуществляется за счет страховых взносов, поступающих в бюджет Пенсионного фонда РФ. Выслуга лет предоставляет право на назначение специального вида пенсионного обеспечения – пенсии за выслугу лет, выплата которой финансируется за счет государственного бюджета.

Таким образом, проанализировав виды стажа в соответствии с действующим законодательством, следует отметить, что календарное разделение общего трудового стажа (до 2002 г.) и страхового стажа (после 2002 г.) вызывает серьезные затруднения при правоприменении. Получая выписку из индивидуального лицевого счета застрахованного лица, большинство граждан не понимают значения разделения временных периодов работы и иной деятельности. Кроме того, на практике встречаются затруднения при доказывании определенных периодов трудовой и (или) иной общественно полезной деятельности, которые осуществлялись до 2002 г., поскольку данная проблема, как

правило, возникает при оформлении документов для назначения пенсии и восстановить утраченные документы, получить недостающие сведения по прошествии значительного количества времени не всегда представляется возможным.

В заключение следует отметить, что отсутствие нормативно-правового закрепления специального (профессионального) страхового стажа как самостоятельной правовой категории также препятствует единообразному применению правовых норм, а отсутствие законодательно установленных видов стажа влечет неоднородность толкования соответствующей классификации. Полагаем, что для обеспечения единообразного правоприменения требуется внести соответствующие изменения в ФЗ «О страховых пенсиях», предусмотрев специальный (профессиональный) стаж как самостоятельный вид стажа.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

2. Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

4. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

6. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

7. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

8. Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

9. Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного

исполнения Российской Федерации, и их семей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021).

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

**INSTITUTE OF EXPERIENCE AS A BASIS FOR IMPLEMENTING
THE RIGHT FOR SOCIAL SECURITY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

A.V. Aftakhova

Tver State University

The article examines the types of seniority provided for by the current legislation of the Russian Federation, identifies the differences, as well as the legal meaning of each type of seniority. Analyzed some of the problems associated with the calculation and confirmation of certain types of seniority.

Keywords: *insurance experience, general work experience, special (professional) experience, length of service.*

About authors:

AFTAKHOVA Aleksandra – Docent, PhD, Assistant Professor of the Department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Афтахова А.В. Институт стажа как основа реализации права на социальное обеспечение в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 91 – 98.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Ю.В. Васильчук, Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется влияние экологического просвещения на формирование правовой, в том числе экологической, культуры молодежи. Для развития и повышения уровня экологической культуры детей и молодежи необходимо совершенствование правового регулирования осуществления данных видов деятельности, а также развитие новых форм экологического просвещения.

Ключевые слова: экологическое образование, экологическое воспитание, экологическое просвещение, правовая культура, экологическая культура, формирование новой системы обращения с отходами.

Правовое воспитание – это целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, отдельных лиц по передаче правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения другому; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определённых позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм.

Роль правового воспитания в формировании правовой культуры очень велика, оно является одним из способов борьбы с такими опасными явлениями, как правовой нигилизм и правовой идеализм. Как отмечает Я.В. Зубова, правовое просвещение – современная актуальнейшая проблема, поскольку без правовой культуры нельзя реализовать потенциал Конституции Российской Федерации, а без граждан не может возникнуть и само гражданское общество, и правовое государство [10, с. 28 – 32].

При наличии у граждан высокого уровня правовой культуры, социально-правовой активности и инициативы происходит повышение качества правотворчества и эффективности реализации норм права, ограничение произвола со стороны властных структур, установление надлежащей регламентации деятельности органов публичной власти при выполнении ими своих задач и функций [13, с. 33 – 51].

Соответствующий уровень правового сознания и правовой культуры предполагает наличие правовой подготовки и системы убеждений, характеризующихся признанием права, пониманием необходимости следовать его предписаниям, владение умениями и навыками реализации

права. Полученные в ходе правового просвещения знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем – во внутреннюю потребность и привычку соблюдать правовой закон, проявлять правовую и политическую активность.

На сегодняшний день понятие «правовое просвещение» законодательно на федеральном уровне не закреплено, что обуславливает существование самых разнообразных интерпретаций данного термина.

Модельный закон о просветительской деятельности (принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 г. Постановлением 20-15 на 20-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ) в ст. 18 определяет правовое просвещение как распространение знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека и о способах их реализации [7]. Вместе с тем в ряде субъектов РФ были разработаны и приняты законы, регулирующие отдельные вопросы, связанные с правовым просвещением на территории субъектов Российской Федерации. В качестве примера можно привести закон Тверской области от 5 июня 2020 г. № 42-ЗО «О правовом просвещении граждан на территории Тверской области». В соответствии со ст. 1 данного закона правовое просвещение граждан – целенаправленная и систематическая деятельность органов государственной власти Тверской области, государственных органов Тверской области, а также Уполномоченного по правам человека в Тверской области, Уполномоченного по правам ребенка в Тверской области и Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Тверской области, организаций (учреждений), подведомственных исполнительным органам государственной власти Тверской области, по формированию правовой культуры, повышению уровня правового сознания и правовой грамотности граждан [4].

В качестве субъектов, осуществляющих правовое просвещение, названы органы государственной власти Тверской области, государственные органы Тверской области, должностные лица, организации (учреждения), подведомственные исполнительным органам государственной власти Тверской области, осуществляющие правовое просвещение граждан. Следует также отметить ст. 9 данного закона, согласно которой профессиональные юридические сообщества и общественные объединения юристов, иные организации, волонтеры (добровольцы) вправе в соответствии с законодательством участвовать в правовом просвещении граждан. Представляется, что определение правового просвещения, сформулированное в законе Тверской области № 42-ЗО, нуждается в доработке. Правовое просвещение представляет собой направление государственной политики, реализуемое широким кругом уполномоченных субъектов с активным включением институтов

гражданского общества, в связи с чем перечень субъектов должен быть расширен и приведен в соответствие с положениями федерального законодательства. Кроме того, не указана содержательная часть такого вида деятельности, как просвещение, которое следует отграничивать от образования и воспитания и информирования населения по правовым вопросам. В отличие от вышеуказанных видов деятельности особенностью правового просвещения является распространение в обществе знаний о праве и разъяснение правовых норм. Так, в подтверждение сказанного М.В. Барыкина приводит следующее определение: «Правовое просвещение представляет собой распространение в обществе знаний о праве и разъяснение положений действующих нормативных правовых актов, а также практики их применения в целях формирования убежденности в необходимости соблюдения законов и предупреждения правонарушений» [8, с. 58]. И.А. Иванников понимает правовое просвещение как один из методов правового воспитания и определяет его следующим образом: «Правовое просвещение – это процесс распространения правовых знаний среди населения, что способствует росту их правовой культуры, уважительного отношения к праву, правосудию и законности» [11, с. 280].

В связи с вышеизложенным предлагается расширить перечень субъектов данного вида деятельности и изложить ст. 1 закона Тверской области в следующей редакции: «Правовое просвещение граждан – это целенаправленная и систематическая деятельность государства и общества, включая органы государственной власти Российской Федерации, Тверской области, органы местного самоуправления, их должностных лиц, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, включая распространение правовых знаний, разъяснение положений действующих нормативных правовых актов, а также практики их применения в целях правовой социализации личности, повышения уровня правового сознания, правовой культуры и правовой грамотности граждан».

Важную роль в процессе становления личности, помимо правовой культуры в целом, играет формирование экологической культуры, которая представляет собой часть общечеловеческой культуры, систему социальных отношений, общественных и индивидуальных морально-этических норм, взглядов, установок и ценностей, касающихся взаимоотношений человека и природы; гармоничность сосуществования человеческого общества и окружающей природной среды.

Формирование экологической культуры Федеральный закон «Об охране окружающей среды» связывает с такими видами деятельности, как экологическое образование, экологическое воспитание и экологическое просвещение [1]. Во-первых, следует отметить, что к числу основных принципов охраны окружающей среды, закрепленных в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды», относится

принцип организации и развития системы экологического образования, воспитания и формирования экологической культуры. Во-вторых, правовое регулирование деятельности, связанной с формированием экологической культуры, осуществляется на основе положений гл. 13 Федерального закона «Об охране окружающей среды», которая включает нормы, закрепляющие всеобщность и комплексность экологического образования, необходимость подготовки руководителей и специалистов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, а также осуществления экологического просвещения в целях формирования экологической культуры в обществе, воспитания бережного отношения к природе, рационального использования природных ресурсов.

В настоящее время вопросы, связанные с правовой регламентацией деятельности по экологическому образованию, воспитанию и просвещению, не разрешены в той мере, в которой это отвечало бы поставленным задачам формирования и повышения уровня экологической культуры российского общества. Так, Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года рассматривает экологическое воспитание и образование населения как основу экологического благополучия страны [5]. Следует отметить, что экологическая доктрина РФ к числу основных факторов деградации окружающей среды относит низкий уровень экологического сознания и экологической культуры населения страны [6].

Подобные выводы делаются и правоприменительными организациями. Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура неоднократно отмечала, что одной из причин распространенности экологических правонарушений, в том числе преступлений, является не только низкий уровень экологического образования, но и отсутствие должным образом организованного экологического воспитания всех членов общества без исключения, в частности должностных лиц органов государственной власти, органов местного самоуправления, на которых возложены функции по осуществлению экологического надзора, выдаче соответствующих разрешений и принятию других экологически значимых решений.

В определенной степени данный пробел правового регулирования восполняется законами субъектов РФ, регулирующих отдельные аспекты осуществления данной социально значимой деятельности. Так, в Тверской области был разработан и действует закон Тверской области от 29 декабря 2016 г. № 97-ЗО «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Тверской области» [3].

Следует особо отметить изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., в том числе закрепление среди полномочий Правительства РФ

осуществления мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным, создание условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

Представляется, что организация и развитие системы экологического образования, воспитания и просвещения представляют собой целенаправленную деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, образовательных и иных организаций, включая общественные организации, непосредственно граждан, иных субъектов, направленную на создание благоприятных условий для системного, комплексного и непрерывного экологического образования, воспитания и просвещения различных социальных групп с целью формирования в обществе определенного уровня экологической культуры и осуществление практически значимых задач по обеспечению соблюдения требований экологического законодательства, улучшению качества окружающей среды посредством социально значимой деятельности по ее охране и предотвращению негативного воздействия на нее.

Если экологическое образование представляет собой формирование прежде всего системы знаний, умений и навыков в сфере взаимодействия общества и природы, направлено на усвоение теории и прикладных аспектов взаимодействия общества с природой, то экологическое воспитание ориентировано на формирование ответственного отношения к вопросам охраны окружающей среды, соблюдение эколого-правовых норм, активизацию деятельности, связанной с организацией конкретных экологически значимых мероприятий и (или) непосредственным в них участием [9, с. 145 – 159].

Экологическое воспитание является неотъемлемым элементом формирования нормального правосознания современного человека. Невозможно представить себе человека с высоким уровнем правосознания и при этом с низким уровнем экологической культуры. Современное общество должно стремиться воспитать гражданина, заботящегося об охране окружающей природной среды, о сохранении природных богатств.

В соответствии со ст. 74 ФЗ «Об охране окружающей среды», в целях формирования экологической культуры в обществе, воспитания бережного отношения к природе, рационального использования природных ресурсов осуществляется экологическое просвещение посредством распространения экологических знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов. Экологическое просвещение, в том

числе информирование населения о законодательстве в области охраны окружающей среды и законодательстве в области экологической безопасности, осуществляется органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями, средствами массовой информации, а также организациями, осуществляющими образовательную деятельность, учреждениями культуры, музеями, библиотеками, природоохранными учреждениями, организациями спорта и туризма, иными юридическими лицами.

Такая деятельность складывается из распространения экологических знаний, а также воспитания бережного отношения к окружающей среде и рационального использования природных ресурсов.

Создание системы эффективного целенаправленного формирования экологической культуры всех категорий жителей с использованием для этого всех возможных инструментов и институтов требует решения прежде всего следующих задач:

1. Формирование у населения системы представлений о ценности природных ресурсов, об основных положениях стратегии устойчивого развития, о проблемах поддержания здоровья среды и т. д.

2. Формирование гуманного отношения к природе, обеспечивающего психологическое включение животных и растений в сферу действия этических норм.

3. Освоение населением экологически безопасных способов природопользования.

4. Обучение людей осознанно использовать уникальный потенциал, который заключен в духовном общении с миром природы, для собственного личностного развития.

5. Формирование у людей потребности в активной личной поддержке идей устойчивого развития и поддержания здоровья среды.

Формирование гуманного, партнерского отношения к природе предусматривает:

- воздействие на эстетическую и нравственную сферы человека, пробуждение и укрепление в людях желания беречь природу;
- психологическое включение людьми своих взаимоотношений с животными и растениями в сферу действия этических норм [14, с. 8].

Безусловно, в процесс экологического воспитания, как и в процесс охраны окружающей среды, должны быть вовлечены все субъекты. Но особую значимость приобретает формирование экологической культуры такой социальной группы, как дети и молодежь, которые в большей степени восприимчивы к экологическим проблемам, отличаются отсутствием сложившихся представлений и стереотипов поведения; они максимально восприимчивы к новой информации. Кроме того, молодежь как социальная группа отличается мобильностью, активной жизненной

позицией, желанием личного участия в различных видах деятельности, в том числе и деятельности, направленной на охрану окружающей среды.

В соответствии со ст. 4 закона Тверской области «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Тверской области» в качестве одной из задач экологического образования, просвещения и формирования экологической культуры указано вовлечение детей, молодежи и иных социальных групп в экологически направленную деятельность в области охраны окружающей среды, рационального природопользования в Тверской области, а одним из принципов экологического образования и просвещения указан принцип участия детей и молодежи в реализации экологической политики Тверской области. И включение данных норм представляется оправданным и необходимым.

Особое значение имеет экологическое просвещение, образование, воспитание применительно к такому виду деятельности, как обращение с отходами производства и потребления. Внедрение новой системы обращения с отходами, основанной на раздельном сборе и переработке ТКО, предусмотренной Национальным проектом «Экология», затрудняет недостаточный уровень информированности населения, и прежде всего детей и молодежи, осознание важности такого перехода. В связи с чем особую значимость приобретает развитие системы комплексного экологического образования, просвещения и воспитания различных социальных групп, и прежде всего детей и молодежи, внедрение новых методов информационной работы с молодежью в целях формирования модели поведения, отвечающего требованиям мировых стандартов в сфере обращения с отходами потребления. Формирование экологического мировоззрения у детей и молодежи, повышение уровня их экологической культуры, распространение и внедрение в практику необходимых знаний и навыков, вытекающих из современных проблем охраны природы, будет способствовать соблюдению экологического законодательства и реализации Национального проекта «Экология» в части формирования комплексной системы обращения с ТКО. В связи с вышеизложенным представляется необходимым дополнить ст. 3 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [2] и закрепить, что в качестве одного из принципов государственной политики в области обращения с отходами выступает осуществление экологического образования, воспитания и просвещения по вопросу организации новой системы обращения с отходами, в том числе раздельного сбора отходов. Кроме того, содержание закона Тверской области № 97-ЗО «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Тверской области» следует дополнить статьей, в которой будет более детально регламентирован вопрос организации просвещения детей и

молодежи по вопросу обращения с отходами потребления, в том числе раздельного сбора отходов.

Более того, участие в реализации социального экологического проекта Тверского регионального отделения Ассоциации юристов России «Экологическое просвещение детей и молодежи в сфере обращения с отходами» позволяет сделать вывод о том, что именно данная социальная группа не только не отличается правовым нигилизмом по вопросу раздельного сбора отходов, но и демонстрирует желание приобретать новые знания, умения, а также активно участвовать в деятельности по формированию новой системы обращения с отходами. Действительно, необходимость формирования экологической культуры детей и молодежи в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений. Вопрос в поиске оптимальной системы активных и интерактивных методик обучения, новых современных способов информирования и просвещения, включая интернет-ресурсы, которые позволят реализовать подрастающему поколению не только потребности в получении новых знаний, но и продемонстрировать качественно новое отношение к окружающей среде, свидетельствующее о глубоком осознании важности участия каждого в охране окружающей среды и выполнения своей конституционной обязанности; каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. Следует согласиться с тем, что «правовое просвещение не достигнет своих целей, если будет сводиться исключительно к традиционным формам информирования в формате преимущественно одностороннего канала воздействия: лектор – слушатели. В этом смысле правовое информирование тождественно правовому просвещению, которое должно выстраиваться как интерактивное и целенаправленное взаимодействие равноправных субъектов на сознание человека с целью введения его в правовую культуру и формирования определенных правовых установок, понятий, принципов, ценностных ориентаций» [12, с. 55 – 61].

Целью формирования правосознания современной молодежи является воспитание человека – гражданина, любящего природу своего края, России, формирование экологической грамотности подрастающего поколения, бережного отношения к природе, как к среде обитания и выживания человека, умения сохранять и приумножать ее богатства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
2. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
3. Закон Тверской области от 29 декабря 2016 г. № 97-ЗО «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической

культуры в Тверской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 15.01.2021).

4. Закон Тверской области от 5 июня 2020 г. № 42-ЗО «О правовом просвещении граждан на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 2020. № 24. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2021).

5. Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2011 г. № 1540-р // СЗ РФ. 2011. № 39. Ст. 5489.

6. Экологическая доктрина РФ. Одобрена Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

7. Модельный закон от 7 декабря 2002 г. «О просветительской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901865093>

8. Барыкина М.В. Взаимодействие органов прокуратуры с Уполномоченным по правам человека в рамках правового просвещения и правовой пропаганды // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1. С. 57 – 60.

9. Васильчук Ю.В. Правовые основы экологического образования и воспитания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 1. С. 145 – 159.

10. Зубова Я.В. Правовое просвещение граждан как основа и условие формирования правового государства // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 28 – 32.

11. Иванников И.А. Теория государства и права: Учебник. М.: РИОР; Инфра-М: Академцентр, 2012. 352 с.

12. Костин С.А., Тыртышный А.А., Касс К.Г. Современные подходы к правовому просвещению молодежи в Российской Федерации: опыт реализации проектных технологий // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 55 – 61.

13. Филимонова И.В., Беденков В.В. Проблема повышения уровня правовой культуры молодежи в России // Современный юрист. 2016. № 2. С. 33 – 51.

14. Ясвин В.А. Формирование экологической культуры не сводится к экологическому образованию // Бюллетень Центра экологической политики России. 2006. № 34. С. 7 – 10

Об авторах:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2840-5509; e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», SPIN-код: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

ENVIRONMENTAL EDUCATION AS A FACTOR OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF YOUTH

Yu.V. Vasilchuk, N.G. Yakovleva

Tver State University

The article analyzes the influence of environmental education on the formation of legal, including environmental, culture of youth. To develop and improve the level of environmental culture of children and youth, it is necessary to improve the legal regulation of the implementation of these types of activities, as well as the development of new forms of environmental education.

Keywords: *environmental education, environmental education, environmental education, legal culture, environmental culture, the formation of a new waste management system.*

About authors:

VASILCHUK Yulia – PhD, assistant professor, head of chair of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 2840-5509; e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

YAKOVLEVA Natalia – PhD, associate professor of department of Criminal Law and Procedure Tver State University, (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Васильчук Ю.В., Яковлева Н.Г. Экологическое просвещение как фактор формирования правовой культуры молодежи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 99 – 108.

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ
С УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПРАВОНАРУШЕНИЯ)
КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

А.В. Гайдашов¹, И.А. Толстова²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

² ФГБОУ ВО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

В статье проанализированы проблемы уголовной ответственности представителей государства за преступления коррупционной направленности. Предложены меры по борьбе с коррупцией в УК РФ.

Ключевые слова: коррупция, уголовная ответственность, государство, должностное лицо.

Предназначение публично-правовой ответственности состоит в том, чтобы обеспечивать интересы, представленные общественными потребностями, удовлетворение которых составляет цель деятельности органов, осуществляющих публичную власть. Подобные интересы носят наименование публичных (общественных) [13, с. 14]. Субъекты указанной ответственности преимущественно представлены государством, государственными органами, должностными лицами.

В отношении представляющих государство лиц в основном применяются меры ответственности, регламентированные актами таких отраслей законодательства, как административное и уголовное.

В действующем уголовном законе предусмотрена ответственность за совершение посягательств для специальных субъектов – государственных служащих, должностных лиц государственных органов. Совершаемые лицами указанных категорий посягательства представляют собой преимущественно уголовно наказуемые коррупционные проявления [10, с. 32]. Подобные деяния являются деяниями, характеризующимися общественной опасностью, ответственность за совершение которых установлена уголовным законом, объект посягательства которых представлен в виде авторитета публичной службы. Выражением подобных посягательств является противозаконное получение лицом, обладающим статусом публичного служащего (служащего иной организации, в т. ч. организации, преследующей цель извлечения прибыли в качестве основной), преимуществ того или иного рода (в виде льгот, услуг, прав на имущество или непосредственно имущества) или предоставление подобным лицом указанных преимуществ [17, с. 43].

В российском обществе сформировалось устойчивое мнение о том, что, несмотря на проводимые реформы, деятельность государственного аппарата по-прежнему остается неэффективной, коррумпированной, отдаленной от нужд и запросов российских граждан. Функционирование властных структур не в полной мере устраивает и политическое руководство страны [4, с. 98].

Следует отметить, что коррупция в Российской Федерации сегодня представляет собой одну из наиболее значимых опасностей для общественного развития.

Проблема приобрела столь выраженную остроту в т. ч. в связи с тем, что в стране сформировались устойчивые и масштабные коррупционные сети, участники которых получают доходы от коррупционной активности и вкладывают данные средства в то, чтобы увеличивать масштаб данных сетей. По мнению ряда исследователей, если подобная система будет одномоментно ликвидирована, следствием может являться возникновение кризисных явлений в социально-экономической сфере страны [15, с. 11].

В уголовном законе в отдельных главах Особенной части предусмотрено ограниченное число составов посягательств коррупционного характера. Данные составы представлены:

- составами, предусмотренными главой, устанавливающей ответственность за посягательства на интересы госслужбы, службы в органах, осуществляющих местное самоуправление, на государственную власть, – служебным подлогом, взяточничеством, превышением должностных полномочий, злоупотреблением ими и др.;

- составами, содержащимися в главе, предусматривающей ответственность за посягательства на конституционные свободы, права, – политическими коррупционными проявлениями, фальсификацией избирательных документов, созданием препятствий для реализации избирательных прав;

- предусмотренными главой о посягательствах против службы в организациях, в т. ч. коммерческих, составами коммерческого подкупа, злоупотребления и др.;

- указанными в главе, устанавливающей ответственность за посягательства на собственность составами растраты, присвоения и др. [12, с. 22].

В условиях рыночной экономики, свободной торговли коррупция не сводится к примитивным видам взяточничества (пакета с деньгами) и элементарных злоупотреблений. Поэтому Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), подготовленный без какого-либо анализа реалий и их прогноза на ближайшее будущее, не охватывает многих форм и видов социально опасной и реальной коррупции. Так, не установлена ответственность за деяния в виде коррупционных проявлений при установлении договорных отношений, опосредующих

внешнеэкономические операции; коррупционного протекционизма, фаворитизма, лоббизма; перехода после отставки лиц, которые занимали государственные должности, в руководство коммерческих организаций, в т. ч. кредитных; противоправного покровительства родным; сговора при осуществлении процедур, связанных с разгосударствлением; противоправного предоставления льгот по таможенным и фискальным выплатам; представления средств для достижения электоральных целей с дальнейшим получением государственных должностей в качестве возмещения; совершаемого тайно финансирования для достижения политических целей [6, с. 98 – 100].

Указанные коррупционные проявления в Российской Федерации характеризуются значительным распространением, в т. ч. на уровне высших органов федеральной и региональной власти. Распространенность подобных деяний в государствах, относящихся к категории развитых, также является значительной. В то же время, в отличие от Российской Федерации, подобные деяния являются в данных странах уголовными преступлениями, и применительно к ним осуществляется активное противодействие посредством уголовно-правовых средств [12, с. 25 – 26].

История нормативной регламентации противодействия коррупции в суверенной России насчитывает уже практически тридцать лет.

С 1991 г. принят ряд подзаконных нормативных правовых актов (прежде всего указов Президента России).

В 1997 г. Президент РФ в третий раз отклонил принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации проект Федерального закона «О борьбе с коррупцией».

В 2001, 2002 гг. были приняты в первом чтении в ГД РФ законопроекты, регулирующие борьбу с коррупцией и противодействие коррупции. Однако последующие стадии законодательного процесса указанные акты не прошли. Для содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий и определения направлений государственной политики в сфере борьбы с коррупцией в 2003 г. был образован Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией и утверждено Положение об этом органе. В 2006 г. состоялась ратификация Россией Конвенции ООН против коррупции. В том же году была ратифицирована Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

Началом следующего этапа противодействия коррупции является 2008 г. В мае вышел Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции». Далее в июле 2008 г. подготовлен Национальный план противодействия коррупции (утв. Президентом РФ от 31.07.2008 г. № Пр-1568). И в конце года, впервые в России, принят Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Принятие данного нормативно-правового акта привело к внесению изменений в законы, регулирующие деятельность государственных, муниципальных органов, деятельность служащих судебных органов, ФСБ, органов прокуратуры, ОВД, ФТС РФ и др. [8].

В рамках указанного этапа произошла активизация мероприятий, ориентированных на профилактику коррупционных проявлений. Были предусмотрены запреты, ограничения для лиц, которые замещают должности в государственных органах, органах, осуществляющих местное самоуправление. Впоследствии подобные ограничения и запреты были предусмотрены и для лиц, возглавляющих организации с государственным участием (некоммерческие и коммерческие).

В принятом в 2016 г. Национальном плане противодействия коррупции на двухлетний период были предусмотрены мероприятия по созданию в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям [8].

В Национальном плане, принятом в 2018 г. на трехлетний период, была предусмотрена последующая реализация указанного подхода [1].

В соответствии с указанным Национальным планом ведущие направления осуществляемой государством деятельности по противодействию коррупции были определены в виде:

- обеспечения роста эффективности взаимодействия на международном уровне в области борьбы с коррупцией;
- оптимизации предусмотренных для борьбы с коррупцией требований, запретов, ограничений;
- устранения недочетов, пробелов, имеющих в нормативной регламентации деятельности по борьбе с коррупцией;
- выработки единых подходов к исключению возникновения конфликта интересов, урегулирования подобного конфликта при его возникновении;
- оптимизации борьбы с коррупцией в сфере бизнеса, в сфере госзакупок;
- реализации ориентированных на профилактику коррупции мероприятий образовательного, информационного характера;
- обращения в доход государства имущества, приобретенного на доходы, которые не были подтверждены, оптимизации механизмов контроля в отношении расходов.

Разрабатываемый и принимаемый в Российской Федерации Национальный план противодействия коррупции представляет собой стратегический документ, являющийся среднесрочным, в котором предусматриваются ключевые мероприятия, которые должны быть осуществлены на протяжении предусматриваемого данным планом периода [4].

Противодействие коррупции осуществляется не только уголовно-правовыми средствами. Проблема борьбы с коррупцией является политической, социальной, общеюридической [5, 9, 11, 14].

Правовые средства профилактики коррупции, ее выявления, устранения следует рассматривать лишь в качестве элемента системы мер, ориентированных на решение подобных задач.

Применительно к уголовному праву следует отметить потребность в реализации ряда мер по противодействию коррупции.

В первую очередь следует отметить необходимость криминализации всех форм коррупционных посягательств, характеризующихся наибольшей общественной опасностью [2]. Существует потребность в точном определении деяний, являющихся коррупционными. Подобный подход будет способствовать возможности осуществлять систематический мониторинг коррупционных посягательств для того, чтобы определять меры противодействия данным посягательствам, характеризующиеся наибольшей эффективностью.

Видится необходимым предусмотреть в системе уголовных наказаний за совершение любых коррупционных деяний конфискацию в качестве вида наказания, являющегося дополнительным.

Данное наказание обоснованно охарактеризовано профессором В.В. Луневым в качестве вида уголовного наказания, являющегося эффективным, прибыльным и гуманным [12, с. 24].

Представляется необходимым осуществить интеграцию в рамках одной главы Особенной части уголовного закона статей, устанавливающих ответственность за совершение должностных посягательств и посягательств на интересы коммерческих организаций. Основной объект указанных деяний представлен общественными интересами в сфере службы. Отношения, связанные с имеющимися у частных лиц интересами, выступают в качестве дополнительного объекта. Содержание объективной стороны представлено получением (дачей) противозаконного вознаграждения (взятки), злоупотреблением полномочиями и др. Многие составы по конструкции объективной стороны являются материальными. Субъект преступления фактически одинаковый, разница лишь заключается местом осуществления служебной деятельности и тем, что только должностные лица могут быть представителями государственной власти. Субъективная сторона преступлений указанных глав в основном характеризуется прямым умыслом вместе с корыстной целью.

Кроме того, Конституция РФ закрепляет, что все формы собственности охраняются одинаково. В подп. «з» п. 2 гл. 1 Национального плана противодействия коррупции вносится предложение о приведении санкций за коррупционные преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 23 УК РФ, в соответствие с санкциями за коррупционные преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 30 Кодекса. Анализ санкций преступлений,

предусмотренных гл. 23 и 30 УК РФ, позволяет сделать интересный вывод. Так, санкции ч. 1 ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» и ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» совпадают (содержит наказание в виде лишения свободы до 4 лет), а за совершение данного деяния, повлекшего тяжкие последствия – до 10 лет лишения свободы. Разница в санкциях преступлений указанных глав проявляется лишь в наказании за коммерческий подкуп ст. 204 УК (в части получения незаконно денег, ценных бумаг и т.п.) и за получение взятки – ст. 290 УК. Должностное лицо за получение взятки в соответствии с ч. 1 ст. 290 УК РФ может быть лишено свободы на срок до 5 лет, а лицо, исполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации, за совершение аналогичных действий по приговору суда может отбывать лишение свободы уже сроком до 7 лет.

В решении проблемы борьбы с коррупцией наличие специального законодательства создает благоприятные предпосылки для ее успешного осуществления. Ощутимого результата можно будет достигнуть, если активизировать правоприменительную практику, что, безусловно, позволит существенно повысить эффективность борьбы с коррупцией.

Организационные аспекты борьбы с коррупцией имеют исключительное значение в деле практической реализации антикоррупционной деятельности. В России пока не сложилось относительно надежной организации для борьбы с коррупцией, особенно в высших эшелонах власти, организации эффективной, реальной, не зависимой от исполнительной власти и подчиненной только закону. Реальная организация антикоррупционной деятельности, по нашему мнению, должна включать в себя следующее:

а) твердая государственная политическая воля у высшего руководства страны, реализуемая через комплекс взаимосогласованных мер, криминологических, правовых, организационных и экономических мер;

б) создание действенной системы независимого контроля и надзора в области борьбы с коррупцией;

в) антикоррупционная экспертиза российского законодательства;

г) антикоррупционный контроль в сферах выработки и принятия управленческих решений в органах государственной власти и местного самоуправления;

д) жесткий антикоррупционный контроль за выдачей всех видов квот, лицензий, разрешений;

е) введение кодексов поведения для государственных служащих;

ж) идеологическое обоснование борьбы с коррупцией;

з) принятие Закона о лоббировании;

и) реально независимые и дееспособные правоохранительные структуры;

к) реально независимые и ответственные суды;

л) жесткий контроль над расходами чиновников и членов их семей, запрет чиновникам принимать подарки [16, с. 32 – 41]. По мере необходимости борьбы с коррупцией этот перечень может корректироваться.

В указанный комплекс составляющих системы противодействия коррупции целесообразно своевременно вносить необходимые коррективы.

Построение правового государства и развитие институтов гражданского общества - лучшее средство профилактики коррупции и других злоупотреблений. Но это длительный путь, который предстоит пройти нашей стране, прежде чем верховенство закона станет естественным правилом жизни, а права и свободы человека и гражданина будут определять смысл и содержание деятельности всех ветвей власти и обеспечиваться правосудием.

Для того чтобы решить проблемы, связанные с обеспечением успешности борьбы с коррупцией, требуется оптимизировать юридическую ответственность государства, мобилизовывать все силы общества и реализовывать подход, соответствующий критериям системности и комплексности.

Для противодействия коррупции представляется необходимым:

- предусмотреть конфискацию в качестве дополнительного вида уголовного наказания во всех статьях уголовного закона, устанавливающих ответственность за посягательства коррупционного характера.

- интегрировать в рамках единой главы уголовного закона посягательства в отношении интересов коммерческих организаций и посягательства, являющиеся должностными, с учетом общности подобных деяний.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 июля 2018 г. № 27. Ст. 4038.

2. Богуш Г.И. Конвенция ООН против коррупции 2003 г.: Общая характеристика и проблемы имплементации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sartracc.sgar.ru.ndex.htm>.) (дата обращения: 15.02.21).

3. Буравлев Ю.М. Коррупция в госаппарате. Правовые и организационные проблемы системного противодействия этому злу // Государство и право. 2008. № 11. С. 98 – 103.

4. В России принят Национальный план противодействия коррупции [Электронный ресурс]. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_rossii_prinyat_natsionalnyy_plan_protivodeystviya_korruptsii (дата обращения: 15.02.21).

5. Дядькин О. Н. Проблемы административной ответственности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. № 2 (4). С. 56 – 60.

6. Дядькин О.Н. Отдельные аспекты административной ответственности // Современные подходы к трансформации концепций государственного

регулирования и управления в социально-экономических системах: материалы междунар. науч.–практ. конф. Курск, 22 февр. 2012 г., Т. 1. в 2-х т.; отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Юго-Западный гос. ун., 2012. Т. 1. С. 98 – 100.

7. Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации // РГ. 2008. 6 нояб.

8. Комментарий Председателя Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Василия Пискарева в связи с утверждением Национального плана противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet2-16.km.duma.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.21).

9. Куксин И.Н., Азнагулова Г.М. Правовое государство, право и общечеловеческие ценности // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 88 – 92.

10. Куракин А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Государство и право. 2008. № 5. С. 32 – 37.

11. Лопатин В.Н. О системном подходе в антикоррупционной политике // Государство и право. 2001. № 7. С. 23 – 26.

12. Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 25 – 26.

13. Матейкович М.С. Конституционные основы взаимоотношений органов публичной власти // Государство и право. 2007. № 3. С. 13 – 19.

14. Многообразие аспектов социальной политики / Н.С. Акатова, А.А. Артемьев, В.Ю.Викторов и др.; под ред. Н.В. Филиновой. Клин: Филиал РГСУ в г. Клину; Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. 184 с.

15. Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М.: Фонд ИНДЕМ, 2002. 35 с.

16. Соколов А.Н. Коррупция, гражданское общество и правовое государство (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 32 – 41.

17. Тихомиров Ю.А., Трикоз Е.Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 39 – 52.

Об авторах:

ГАЙДАШОВ Александр Васильевич – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код автора: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

ТОЛСТОВА Ирина Александровна – доцент кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственной технический университет» (170024, г. Тверь, ул. Маршала Конева, 12), SPIN-код автора: 7456-2068, e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru

**ON SOME ISSUES RELATED TO THE CRIMINAL LIABILITY
OF THE LEGAL REPRESENTATIVES OF THE STATE FOR
CRIMES (OFFENCES) CORRUPTION-RELATED ACTIVITIES**

A.V. Gaidashov¹, I.A. Tolstova²

¹Tver State University

²Tver State Technical University

The article analyzes the problems of criminal liability of state representatives for corruption-related crimes. Measures to combat corruption in the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: *corruption, criminal responsibility, state, official.*

About authors:

GAIDASHOV Alexander – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-код автора: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

TOLSTOVA Irina – Associate Professor of the Department of Economics and Production Management, Tver State Technical University (Marshala Koneva st. 12, Tver, 170024, Russia), SPIN-код автора: 7456-2068, e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru

Гайдашов А.В., Толстова И.А. О некоторых вопросах, связанных с уголовно-правовой ответственностью представителей государства за преступления (правонарушения) коррупционной направленности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 109 – 117.

К ВОПРОСУ О КОНВЕРГЕНЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ПРАВА В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Т.В. Кувырченкова¹, В.В. Черевко²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

² Институт управления и комплексной безопасности (ИУиКБ)
академии ГПС МЧС России, г. Москва

Статья посвящена анализу проблем конвергенции естественных наук, гуманитарных наук и права. Актуальность темы подтверждается возникшими трудностями при правовом регулировании ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции (COVID-2019) и введением режимов повышенной готовности. Обосновывается необходимость правового сопровождения научных исследований и прорывных научных направлений.

Ключевые слова: конвергенция, естественные науки, гуманитарные науки, правовые нормы, административно-правовые режимы, режим повышенной готовности, прорывное творчество.

Установление административно-правовых режимов вызвано не только потребностью поддержания устойчивой системы государственного управления, обеспечения общественного порядка, но и необходимостью защиты прав и свобод личности.

Этот вопрос актуализировался в настоящее время в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-2019). 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила указанную ситуацию пандемией. После чего мировое сообщество вступило в новые реалии, требующие другого подхода к разрешению имеющихся проблем.

Пандемия поставила перед человечеством, в том числе и перед Российской Федерацией, ряд вопросов, требующих незамедлительного ответа. В каких условиях в дальнейшем будут развиваться государства в связи с тем, что в большинстве стран действуют строгие административно-правовые режимы, предполагающие определенное ограничение прав и свобод граждан? Как долго возможно действие указанных режимов? Как долго будет действовать принудительное ограничение прав и свобод граждан? После разработки и положительных результатов вакцинирования добровольцев возможна ли принудительная вакцинация всего населения? Последний из вопросов поднимался на XV Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов 27 мая – 5 июня 2020 г. «Конституция и модернизация законодательства», на одной из секций, организованной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [6].

Россия, как и большинство стран мира, оказалась не готова к новым вызовам времени. Это коснулось и законодательной базы, и правоприменительной практики, и системы государственного управления в целом.

В кратчайшие сроки был усовершенствован действующий Федеральный закон № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», действующий с 21 декабря 1994 г., внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающие ответственность за нарушения режима повышенной готовности. Принимается также в ускоренном порядке и ряд подзаконных актов, причем значение последних изменяется: Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации», Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 13 марта 2020 г. № 6 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-2019» и др. Активизируется правотворчество и на уровне субъектов Российской Федерации.

В своей статье Ю.Г. Федотова отмечает, что исторически такое стихийное принятие правовых и неправовых мер реагирования в ответ на распространение инфекционных заболеваний в России происходило лишь в 1771 г. в связи с борьбой с чумой [5, с. 6]. История повторилась, но уже спустя несколько веков, и для нормализации создавшейся ситуации вспомнили о режиме повышенной готовности, так как законодательство не предусматривало никакого иного регулирования и разрешения имеющихся проблем.

Таким образом, распространение ранее неизвестного заболевания - коронавирусной инфекции (COVID-2019) - еще раз подтвердило тот факт, что причины природного, техногенного, биологического характера могут создавать всевозможные опасности для граждан и требуют различного реагирования и разнообразных ответных мер для урегулирования возникших проблем. Они включают в себя не только ограничение прав и свобод населения, расширение полномочий государственных органов, но и усовершенствование законодательства, оптимизацию системы государственного управления, развитие новых технологий и их правовое регулирование.

Но развитие естественных наук даже на первоначальном этапе требует обязательного правового сопровождения. Ситуация с распространением коронавирусной инфекции (COVID-2019) подтверждает этот вывод. К сожалению, как указывают в своей статье В.М. Баранов и В.В. Трофимов, законодатель не обращает никакого внимания на изменения, происходящие в естественных науках, принимая

только «точечные» нормативные акты, недостаточно проработанные, без учета новых научных изобретений, прорывов [1, с. 89].

В литературе за последнее время появился ряд публикаций, доказывающих необходимость сближения (конвергенции) естественных и гуманитарных наук, в том числе права [4]. К сожалению, развивая правовую мысль, мы отрываемся от природных процессов, происходящих в мире, и не учитываем открытия естественных наук.

В 50-е гг. прошлого века в связи с научно-технической революцией возникла теория конвергенции. Представители теории конвергенции - Дж. Гелбрейт, У. Росту, Я. Тинберген и др. Во второй половине XX в. широкое распространение получило философское учение, согласно которому человек может и должен управлять своей эволюцией с помощью созданных им технологий. Такие технологии получили название конвергентных (информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии). Этот процесс предполагает обязательное правовое регулирование с целью обеспечения и защиты прав и свобод личности.

Еще в 2016 г., выступая в НИЦ «Курчатовский институт», М.В. Ковальчук, рассуждая о развитии атомного и космического проектов, подчеркнул, что при реализации таких проектов цивилизационного масштаба развивается множество прорывных научных направлений. Это не только энергетика, но и Интернет, ядерная медицина, лучевая терапия и т. д. Сегодня, как считает М.В. Ковальчук, требуется перестройка научных познаний и переход узкоспециализированной системы науки на междисциплинарную [2]. Именно науки в целом, а не только естественных наук. В XX в. появились такие области познания, как бионика, генетика, геновая инженерия и другие, которые позволили сблизиться учению о природе и учению об обществе. Поэтому законы природы и законы общества – это законы всей системы мироздания. Они очень близки друг другу, взаимосвязаны, как и науки о природе и науки об обществе. Таким образом, объективно назрела потребность их сближения, что позволило бы существенно улучшить их качественное развитие, взаимно обогатило бы области познания [3, с. 199].

При активном развитии прорывных направлений науки мы подчас «забываем» о правовом регулировании возможных научных результатов, а также методов, которые используются для достижения этих результатов. И как показала ситуация с пандемией, в кратчайшие сроки приходится принимать порой недостаточно разработанные правовые нормы для пресечения возможных серьезных последствий. Даже в такой ситуации законодатель пошел по традиционному пути – установлены ограничительные правила, расширены полномочия органов государственной власти, установлена административная ответственность за нарушения режима повышенной готовности. При этом все эти ограничительные меры и юрисдикционные правовые нормы

приняты без учета особенности самой инфекции, без учета имеющихся разработок естественных наук. Это касается, например, возрастных ограничений, ограничений на передвижение разных категорий граждан и др.

Теория конвергенции, возникшая в XX в., находит свое подтверждение и в новых реалиях, в условиях пандемии, когда необходимость сближения научной мысли отчетливо очевидна. Право не должно быть констатацией, завершением научных исследований, оно должно являться основой для научных разработок. Юриспруденция как наука наиболее чутко реагирует на все изменения в социуме, поэтому такая ее важная составная часть, как наука техники правотворчества и в целом правовой политики, все активнее должна искать новаторские пути развития. Иного, и это уже вполне очевидно, не дано [1, с. 93].

Таким образом, можно однозначно утверждать, что в процесс сближения (конвергенции) естественных и гуманитарных наук должно попадать и право, как мощный регулятор процессов, происходящих не только в самом социуме, но и при взаимодействии человека с природой. Более того, развитие естественных научных достижений даже на первоначальном этапе должно иметь правовое сопровождение. К сожалению, юриспруденция все-таки далека от естественных наук, но новые реалии еще раз доказали, что этот пробел знаний необходимо восполнять.

Список литературы

1. Баранов В.М., Трофимов В.В. Проблемы конвергенции естественных наук, гуманитарных наук и практик в технике правотворчества современной России (постановка проблем) // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 88 – 95 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43663884> (дата обращения: 08.02.2021).

2. Ковальчук М.В. Естественно-научные методы в гуманитарных науках // Сб. науч.-популяр. ст. «Курчатовский институт – Первый национальный исследовательский центр России» / под ред. М.В. Ковальчука. Г. Москва. Из-во «НП-Принт». 2016. С. 26 - 35.

3. Малыгин Г.С., Куценко Н.Ю. К вопросу о методологическом сближении общественности с науками о природе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человека. 2015. № 6. С. 192 – 207 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2015-6/12-malygin-kutsenko.pdf> (дата обращения: 08.02.2021).

4. Полянко Н.И., Галузо В.Н. Вирусология и право в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2020. № 1. С. 21 – 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44103617> (дата обращения: 08.02.2021).

5. Федотова Ю.Г. Реализация мер административно-публичного обеспечения социальной защиты граждан в условиях режима повышенной готовности // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 3 – 7 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2021).

6. XV Международная школа-практикум молодых ученых-юристов 27 мая – 5 июня 2020 г. «Конституция и модернизация законодательства», организованная Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://izak.ru/institute/announcements/xv-mezhdunarodnaya-shkola-praktikum-molodykh-uchenykh-yuristov-konstitutsiya-i-modernizatsiya-zakono/> (дата обращения: 08.02.2021).

Об авторах:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462; e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

ЧЕРЕВКО Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы Института управления и комплексной безопасности (ИУиКБ) академии ГПС МЧС России, SPIN-код: 1516-4488; e-mail: Cherevkovv@bk.ru

TO THE QUESTION OF THE CONVERSION OF NATURAL SCIENCES AND LAW IN NEW REALITIES

T.V. Kuvyrchenkova¹, V.V. Cherevko²

¹ Tver State University

² Institute of Management and Integrated Security (I&CS) of the State Fire Service Academy of the Ministry of Emergencies of Russia, Moscow

The article is devoted to the analysis of the problems of convergence of natural sciences, humanities and law. The relevance of the topic is confirmed by the difficulties encountered in the legal settlement of the situation related to the spread of coronavirus infection (COVID-2019) and the introduction of high alert regimes. The necessity of legal support of scientific research and breakthrough scientific directions is substantiated.

Keywords: *convergence, natural sciences, humanities, legal norms, administrative and legal regimes, high alert, law-making.*

About authors:

KUVYRCHENKOVA Tatyana – PhD, associate professor, associate professor of the department of constitutional, administrative and customs law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 6900-5462; e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

CHEREVKO Vladimir – PhD, associate professor, head of the department of forensic science of the Institute of Management and Integrated Security (I&CS) of the Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, SPIN-code: 1516-4488; e-mail: Cherevkovv@bk.ru

Кувырченкова Т.В., Черевко В.В. К вопросу о конвергенции естественных наук и права в новых реалиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 118 – 122.

«ЭЛЕКТРОННЫЙ» НАДЗОР ПРОКУРАТУРЫ

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается деятельность прокуроров в рамках надзора в сфере правовой статистики, в том числе за достоверностью отражения в документах первичного учета сведений о характеристике преступлений, данных о лицах, совершивших преступления, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование. Раскрываются проблемы достоверного отражения субъектами учета преступлений, сведений о характеристиках преступлений и о лицах, привлеченных к уголовной ответственности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, правовая статистика, субъекты учета, «электронный» надзор, документы первичного учета, преступления экономической направленности, дополнительные характеристики экономического преступления, связанные с топливно-энергетическим комплексом, жилищно-коммунальным хозяйством, освоением бюджетных средств, нормативные акты, приказы.

Вся деятельность системы прокуратуры Российской Федерации имеет целью обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации, законов, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В соответствии с законом прокуратура Российской Федерации ведет государственный, единый статистический учет заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состоянии и результатах следственной работы и прокурорского надзора, а также устанавливает единый порядок формирования и представления отчетности в органах прокуратуры. При этом приказы Генерального прокурора Российской Федерации по вопросам статистического учета обязательны для всех органов государственной власти [1].

Для целенаправленного осуществления этой деятельности в постоянном режиме анализируется состояние законности в стране, а также необходимая статистическая информация, свидетельствующая о результативности или не результативности прокурорского надзора на том или ином направлении деятельности.

В последние годы в органах прокуратуры проводится достаточно масштабная работа по созданию автоматизированных систем обработки информации, в первую очередь для повышения эффективности

управленческой деятельности. Исследуются и внедряются сложные информационные системы, позволяющие на основе введенных данных разрабатывать и реализовывать решения, направленные на укрепление правопорядка и законности.

Например, в рамках полномочий, предоставленных законом, Генеральной прокуратурой Российской Федерации разработано специальное программное обеспечение государственной автоматизированной системы правовой статистики (далее – ГАС ПС) [2], позволяющее обеспечить прозрачность, достоверность и полноту учетных сведений, в том числе сведений о работе прокуроров в органах прокуратуры Российской Федерации практически по всем направлениям прокурорского надзора, включая уголовно-правовой, гражданско-правовой и административно-правовой надзор [3].

Кроме того, данные системы позволяют проследить всю цепочку событий, в том числе от сообщения о совершенном преступлении до исполнения судебного решения (постановления), исполнения уголовного наказания, снятия судимости. Последнее, в свою очередь, позволяет увидеть реальную картину состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния следственной работы в стране*.

Во исполнение приказа [4] органами прокуратуры в постоянном режиме проводится мониторинг базы данных ГАС ПС в целях обеспечения контроля за достоверностью представляемый субъектами учета (сотрудниками органов внутренних дел, Следственного комитета России, ФСБ России, МЧС России, службы исполнения наказаний, судебными приставами) сведений, отраженных в статистических документах, заполняемых по итогам расследования уголовного дела, направления дела в суд, а также по итогам рассмотрения уголовного дела судом, в том числе для проверки правильности отражения данных о возмещении ущерба потерпевшим.

Именно на основе информации, за которой осуществляется прокурорский надзор в сфере правовой статистики, формируется основная статистическая база данных о состоянии преступности в стране, в том числе о количестве преступлений экономической и коррупционной направленности, совершенных в сфере топливно-энергетического комплекса, потребительского рынка, в общественном месте, в том числе на улице, в составе группы лиц, организованной преступной группой, несовершеннолетними, ранее судимыми (совершавшими) преступления, в состоянии алкогольного и (или) наркотического опьянения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о достаточном количестве нарушений, допускаемых субъектами учета при отражении в документах первичного учета (далее – ДПУ) сведений о лицах, привлеченных к уголовной ответственности, например в статусе

---

* Тверская область включена в опытную эксплуатацию ГАС ПС с 01.03.2020 г.

безработного, а также сведений о совершении преступления с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия; карманных кражах; кражах из автомашин; с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и повлекшего его смерть.

Не единичны искажения и сведений о добровольном возмещении материального ущерба по приостановленным производством (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого) уголовным делам.

В нарушение требований, предусмотренных Перечнем № 2 приложения к совместному указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.01.2020 г. № 35/11/1 [5], в ДПУ необоснованно в качестве экономических субъектами учета отражаются преступления, совершенные адвокатами, государственными регистраторами, физическими лицами, получившими потребительский кредит на покупку товаров без намерения погашения кредита в дальнейшем, при совершении последними мошеннических действий при продаже гражданам биологически активных добавок.

Значительное количество ошибок допускается субъектами учета и при отражении в формах федерального (государственного) статистического наблюдения дополнительных характеристик экономического преступления, связанных с топливно-энергетическим и жилищно-коммунальным комплексом, освоением и хищением бюджетных средств.

Например, в соответствии с Инструкцией о порядке заполнения и предоставления учетных документов, утвержденной совместным приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России от 15.10.2019 г. № 721/699/586/233/509/658 «О едином учете преступлений» [6] (далее – Инструкция), дополнительная характеристика преступления, связанного с топливно-энергетическим комплексом по преступлениям, предусмотренным гл. 21 УК РФ, отражается только в том случае, если объектами преступного посягательства служат нефть, нефтепродукты, горюче-смазочные материалы, бензин, природный газ, уголь, торф, электроэнергия, а также различного рода техническое оборудование, обеспечивающее функционирование объектов топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК).

С учетом изложенного не относятся к указанной категории преступления, совершенные в ходе мошеннических действий одной энергетической компанией в отношении другой по факту неуплаты денежных средств за поставленное топливо.

В соответствии с нормативными актами отнесение преступлений к связанным с жилищно-коммунальным комплексом (далее – ЖКХ) также возможно только при соблюдении определенного ряда условий.

Например, совершение преступления конкретным должностным лицом организаций, занимающейся систематическим обслуживанием и ремонтом жилищного фонда, либо управляющим товариществом собственников жилья, жилищным и жилищно-строительным кооперативом. При этом не подлежат учету как совершенные в указанной сфере преступления по уголовным делам, возбужденным только лишь по факту совершения преступления (при неустановлении лица).

Для отнесения преступлений к связанным с освоением бюджетных средств необходимо обязательное наличие специального субъекта (участника бюджетного процесса) и факта осуществления им деятельности по освоению бюджетных средств.

С учетом последнего обстоятельства преступления, совершенные должностными лицами, работниками коммерческих организаций, направленные на получение незаконных выплат по возмещению налога на добавленную стоимость при предоставлении налоговых деклараций, незаконных субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг, не относятся к преступлениям указанной направленности. Соответственно, не относятся к данной категории и преступления, совершенные исключительно физическими лицами.

В связи с изложенным возникает вопрос: А может ли рассматриваться деятельность прокуроров в сфере правовой статистики как производная от надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие или данное направление необходимо рассматривать как самостоятельную отрасль прокурорского надзора?

Формулируя ответ на данный вопрос, необходимо, в первую очередь отметить, что правовая статистика в классическом ее понимании – это статистика о преступности, о результатах расследования уголовных дел, о судимости, об административных правонарушениях, о работе судов общей юрисдикции, арбитражных судов и о работе органов прокуратуры.

К правовой статистике также относится статистика органов нотариата, адвокатуры, Росреестра и загсов. Правовую статистику ведут правоохранительные судебные органы, органы административной юрисдикции, каждое из ведомств – в своей части.

При этом содержание правовой статистики в органах прокуратуры значительно шире, поскольку включает в себя не только ведомственную (как в других правоохранительных органах), но и государственную статистическую отчетность, формируемую на основе предварительно проверенных органами прокуратуры данных, представленных теми же субъектами учета – органами исполнительной власти.

Таким образом, надзор за законностью процессуальных действий органов предварительного расследования, включающий в том числе и надзор за полнотой и достоверностью формирования ими ДПУ,

необходимо рассматривать как одну из составляющих общего, «электронного» надзора прокуратуры.

С учетом изложенного представляется более правильным рассматривать деятельность прокуроров в сфере правовой статистики не как производную от надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, или как только осуществляемую на данном направлении, а как самостоятельное направление надзорной деятельности прокуратуры в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 22-02-1 (ред. от 06.02.2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/9612db5d2407ba1a131cc074e3c50f01fb2ddf97 (дата обращения: 15.02.2021).

2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 18 января 2016 г. № 18 «О проведении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики» [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/456047579 (дата обращения: 15.02.2021).

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 18 июня 2013 г. № 295 «Об утверждении и введении в действие Временной инструкции по учету работы прокуроров в органах прокуратуры Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70359754> (дата обращения: 15.02.2021).

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27 декабря 2019 № 913 «О вводе в опытную эксплуатацию модернизированного специального программного обеспечения государственной автоматизированной системы правовой статистики» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553941989> (дата обращения: 15.02.2021).

5. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 января 2020 г. № 35/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420247642> (дата обращения: 15.02.2021).

6. Инструкция о порядке заполнения и представления учетных документов. Приложение № 3 к приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России от 15 октября 2019 г. № 721/699/586/233/509/658 [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru, 08.11.2019, № 0001201911080057 (дата обращения: 15.02.2021).

Об авторе:

САПРОНОВА Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»; SPIN-код: 8184-3045; e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

"ELECTRONIC" SUPERVISION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

T.P. Sapronova

Tver State University

The article examines the activities of prosecutors in the framework of supervision in the field of legal statistics, including the reliability of the reflection in the documents of primary accounting of information about the characteristics of crimes, data on the persons who committed crimes, by the bodies carrying out operational-search activities and preliminary investigation. The article reveals the problems of accurate reflection by the subjects of registration of crimes, information about the characteristics of crimes and the persons brought to criminal responsibility.

Keywords: *prosecutorial supervision, legal statistics, accounting subjects, "electronic supervision," documents of primary accounting, economic crimes, additional characteristics of an economic crime related to the fuel and energy complex, housing and communal services, development of budget funds, regulations, orders.*

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD, assistant professor of the department of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 8184-3045; e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. «Электронный» надзор прокуратуры // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 123 – 128.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ ТОВАРОВ В ТАМОЖЕННЫХ ЦЕЛЯХ

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе классификации товаров в таможенных целях. Целью научной работы является рассмотрение некоторых практических аспектов выбора классификационного кода для различных категорий товаров. На основе общелогических методов исследования были выявлены особенности классификации наборов и комплектов, частей общего назначения и компонентов, используемых исключительно как составляющие определенного оборудования или механизма.

Ключевые слова: классификация товаров, товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, основные правила интерпретации.

Вопросы классификации в таможенных целях, несмотря на принимаемые меры по их разрешению, всегда будут актуальными. Отчасти это связано с тем, что именно от классификационного кода товара зависит ставка таможенной пошлины, льгота по уплате ввозного налога на добавленную стоимость, а также применение ряда запретов и ограничений. При этом сам процесс классификации является трудоемким и неоднозначным, так как структура товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, в которой и необходимо найти код товара, представляет собой сложный систематизированный перечень кодов и описание различных товаров.

В условиях активного и успешного применения информационных технологий поиск классификационного кода также выходит на новый уровень посредством использования программных средств, в первую очередь тех, которые уже непосредственно встроены в программу по заполнению электронной таможенной декларации – Альта-ГТД от компании «Альта Софт», например: Пояснения к Единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) [1], Сборник классификационных решений. Дополнительным вспомогательным средством выступают программы «Такса» и «Товары и коды» также от компании «Альта Софт».

Несомненно, поиск классификационного кода в определенной степени с помощью современных программных средств упрощается и ускоряется, но в то же время это не является полной гарантией правильного и однозначного выбора кода. Поэтому количество споров,

связанных с классификацией товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, не уменьшается.

Необходимо обратить внимание, что в настоящее время активное участие в разрешении вопросов классификации принимает бизнес-сообщество. Например, правовой комитет Гильдии профессиональных участников ВЭД «Гермес» предлагает «проработать вопрос совместного обжалования Решения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) о классификации бытовых отпаривателей в суд ЕАЭС, а также вопрос о принятии решения ЕЭК о классификации клетчатки. Принято решение о направлении в ЕЭК информации об имеющейся положительной судебной практике с описанием ее значимости для принятия обоснованного решения. Кроме того, решено инициировать через Министерство сельского хозяйства РФ совместное мероприятие с федеральными органами исполнительной власти, ЕЭК и бизнесом по вопросу классификации данного товара и подготовить соответствующие обращения (запросы)» [4].

Практические аспекты классификации товаров в некоторых случаях состоят исключительно в правильном и последовательном применении основных правил интерпретации (далее – ОПИ) и внимательном прочтении примечаний и пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС.

Например, товар – декоративный подсвечник из металла на первый взгляд можно отнести и к позиции 8306 29 000 9 «прочие неэлектрические изделия из недрагоценных металлов», и к позиции 9405 50 000 0 «неэлектрические лампы и осветительное оборудование» ТН ВЭД ЕАЭС. Нам необходимо для разрешения однозначного отнесения товара к одной товарной подсубпозиции обратиться к Пояснениям к ТН ВЭД ЕАЭС. Так, в Пояснениях к товарной позиции ТН ВЭД 9405 указано, что «в данную товарную позицию, в частности, включаются: (6) Канделябры, подсвечники, бра для свечей, например, для фортепиано» [3]. Соответственно, в данном случае стоит внимательно изучить Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС и выбрать код для декоративного подсвечника – 9405 50 000 0.

Следующий пример связан с правильным применением ОПИ. Товар – пряжа с составом 50% акрил и 50% хлопок необходимо классифицировать по ОПИ 3в, которое «позволяет классифицировать в позиции последней в порядке возрастания кодов среди тех товарных позиций, которые в равной степени приемлемы для рассмотрения при классификации данных товаров» [5]. Акрил – это синтетические волокна, значит, подходит код 55 11 20 000 0, а пряжа из хлопковых волокон – 5207 90 000 0. В соответствии с условиями ОПИ 3в для данного товара выбираем код 5511 20 000 0.

Также возникают вопросы по классификации товаров, которые представлены в виде набора или комплекта. Например, товар – кайты (воздушные змеи) для катания на водных лыжах в комплекте с водной

доской, подушками противоскольжения, рукояткой, фиксирующими тросиками, транспортировочной сумкой подлежит классификации под кодом 8801009001 ТН ВЭД ЕАЭС как планеры, дельтапланы и другие гражданские безмоторные летательные аппараты.

При этом необходимо знать, что если данные компоненты перемещаются через таможенную границу ЕАЭС не в комплекте, то они уже декларируются как самостоятельные товары и каждый под своим кодом:

- 1) водная доска для кайта (карбон) – 9506290000 код ТН ВЭД;
- 2) подушки противоскольжения (пластмасса), рукоятка (пластмасса) и фиксирующие тросики (пластмасса) – 3926909709 код ТН ВЭД;
- 3) транспортировочная сумка (полиэстер) – 4202929800 код ТН ВЭД.

Таким образом, данные товары подлежат классификации:

—исходя из выполняемой функции – инвентарь, оборудование для занятий спортом, это товарная позиция 9506 ТН ВЭД ЕАЭС;

—на основе материала, из которого они выполнены – пластмассы, это группа 39 ТН ВЭД ЕАЭС;

—исходя из назначения – транспортировочная сумка, это товарная позиция 4202 ТН ВЭД ЕАЭС.

Отдельным направлением в классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС является классификация частей и принадлежностей, которые могут быть частями общего назначения, что означает универсальность их использования в составе различных механизмов. Также части и принадлежности могут быть в неразрывной связи с конкретным оборудованием и использоваться исключительно с ним.

Например, для такого товара, как секция башен ветроэнергетической установки (далее – секция башен ВЭУ), декларант определил код ТН ВЭД – 8503 00 990 0, посчитав их частями, предназначенными исключительно или в основном для машин товарной позиции 8501 или 8502. Таможенный орган же принял предварительное решение о классификации товара в товарной подсубпозиции 7308 20 000 0 ТН ВЭД, исходя из того, что башни являются отдельной металлоконструкцией из черных металлов.

При разрешении спора по классификации секций башен ВЭУ «суды исходили из того, что изготовитель – компания VESTAS производит исключительно ветроэнергетические установки (ВЭУ), и спорный товар (башня) разработан как составляющая ВЭУ, не является самостоятельным товаром, представляет собой неотъемлемую часть ВЭУ, и в соответствии с примечанием 2 к разделу XVI ТН ВЭД не может классифицироваться в товарной подсубпозиции 7308 20 000 0 ТН ВЭД» [6]. Соответственно, необходимо было изучать техническую документацию на товар и установить взаимосвязь между устройством и

той частью (секцией), которая, как оказалось, используется исключительно с этим оборудованием.

Примером классификации товара как части общего назначения может служить следующая ситуация из судебной практики. «Компания "USCO SpA" осуществила поставку запасных частей, комплектующих и расходных материалов к специальной тракторной и автомобильной технике – "цепи гусеничные". В графе 33 таможенной декларации заявлен классификационный код товара 8431 49 800 9 ТН ВЭД ЕАЭС "Части, предназначенные исключительно или в основном для оборудования товарных позиций 8425 – 8430: - прочие". Таможенный орган определил подсубпозицию 7315 12 000 0 "Цепи и их части, из черных металлов: - цепи шарнирные и их части: -- цепи прочие". Суды исходили из того, что указанный товар, ввозимый отдельно от машин, не обладает признаками исключительности, и при этом является "частями общего назначения" в значении, придаваемом им в ТН ВЭД ЕАЭС, в связи с чем классифицируется в подсубпозиции 7315 12 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС как "цепи прочие из черных металлов"» [7].

Вопросы классификации на практике иногда порождают сложные ситуации для экспорта товаров из РФ. Например, ООО «АТОМИС» Тверской области изготавливает сигнально-пусковые устройства, используемые в зданиях как противопожарные датчики. Данный товар в таможенных целях декларируется под кодом 8531 10 300 0 ТН ВЭД ЕАЭС как «устройства сигнализационные охранные или устройства для подачи пожарного сигнала и аналогичные устройства, используемые в зданиях».

Одним из компонентов данного изделия является термокольцо, которое при нагревании расширяется и может в ходе экспериментов (учений) по пожаротушению выйти из строя, тогда потребуется запасное термокольцо, чтобы установить датчик и обеспечить его работоспособность. Но отдельной партией только термокольца иностранному контрагенту поставить не удалось, так как данные термокольца представляют собой сплав – никилид титана, которому соответствует код 8108 20 000 1 ТН ВЭД ЕАЭС. По данному коду товар проходит как изделие из титана, и необходима лицензия на вывоз из РФ данной продукции как продукции военного назначения в соответствии с Указом Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661 «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» [2].

Получается, что отдельно термокольца поставить проблематично, и один из вариантов поставки может быть следующий: к каждому датчику в партии положить по одному термокольцу, указав его как запасную часть. Поэтому участники ВЭД отмечают необходимость внесения изменений в таможенное законодательство, а именно в ТН ВЭД ЕАЭС

выделить отдельную товарную позицию, которая будет отражать именно промышленное назначение использования никелида титана.

Список литературы

1. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 (ред. от 23.12.2020 г.) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2020).

2. Указ Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661 (ред. от 13.12.2018 г.) «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» // СЗ РФ. 2011. № 52. Ст. 7563.

3. Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) (ред. от 17.03.2020 г.) (Том V. Разделы XVI – XXI. Группы 85 – 97) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/psn/Pages/default.aspx> (дата обращения: 26.01.2020).

4. Правовой комитет НП «ГПУ ВЭД «ГЕРМЕС» подвел итоги работы в 2018 году // URL: https://magistral-spb.net/company/company_news/pravovoy-komitet-np-gpu-ved-germes-podvel-itogi-raboty-v-2018-godu.html (дата обращения: 25.01.2019).

5. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 182 с.

6. Определение Верховного Суда РФ от 26 июня 2020 г. № 301-ЭС20-8715 по делу № А40-3093/19-92-21 // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.02.2020).

7. Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 302-ЭС19-24749 по делу № А33-30847/2018 // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.02.2020).

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: sladkova.alen@yandex.ru

PRACTICAL ASPECTS OF THE CLASSIFICATION OF GOODS FOR CUSTOMS PURPOSES

A.A. Sladkova

Tver State University

The object of the study is the social relations that develop in the process of classification of goods for customs purposes. The purpose of the scientific work is to consider some practical aspects of the choice of the classification code for various categories of goods. On the basis of general logical research methods, the features of classification of sets, general-purpose parts and components used exclusively as components of a certain equipment or mechanism were identified.

Keywords: *classification of goods, commodity nomenclature of foreign economic activity, basic rules of interpretation.*

About author:

SLADKOVA Alena – associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department, Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 4410-8106, e-mail: sladkova.alen@yandex.ru

Сладкова А.А. Практические аспекты классификации товаров в таможенных целях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 129 – 134.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

С.С. Чекулаев

ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»,
г. Владивосток

Для организационного устройства и взаимодействия интересов участников корпоративных отношений необходимо их качественное регулирование, направленное на достижение консенсуса по всем спорным вопросам, и установление взаимовыгодного сотрудничества, осуществляемого путем нивелирования проблемных ситуаций, которые могут в большей степени усложнить исход дела. Эффективным способом урегулирования спора может быть применение состязательных процедур, среди которых важнейшей альтернативой судебному разбирательству является арбитраж (третейское разбирательство). В статье автором затрагиваются проблемные вопросы применения арбитража, определения преимуществ и недостатков; на основе действующего и зарубежного законодательства проводится анализ процедурных моментов третейского разбирательства, выделение общих характерных субъективных и объективных критериев арбитрабельности корпоративных споров.

Ключевые слова: корпоративные отношения, третейское разбирательство, арбитражное соглашение, иностранный элемент, арбитрабельность спора, внешнеэкономические отношения, применимое право.

С точки зрения правового регулирования корпоративные отношения состоят в большей степени из диспозитивных норм. Возможность выбора предопределяет специфику данного вида отношений. В рамках диспозитивного типа правового регулирования можно обнаружить солидарный тип коммуникаций, предполагающий взаимодействие субъектов в форме сотрудничества в достижении общих целей [7, с. 63]. Форма взаимодействия между участниками не строится на жестко иерархичном властном предписании, поэтому при возникновении спорных ситуаций допускается достижение мирного урегулирования конфликта. Также существуют и действующие неопределенности в вопросе конкретного применения права, такие, как неоднозначность законодательных подходов к различным правовым категориям, риск существования конкуренции в отдельных аспектах корпоративных отношений, отдельные положения законодательства, входящие в правовую систему различных государств. Несомненно, принцип диспозитивности проявляется в том, что правовая норма не

конструируется в одностороннем порядке, а создается путем столкновения и согласования интересов [10, с. 129]. Проблемным вопросом в данной сфере является наличие несовместимых интересов: с одной стороны, следует принимать во внимание мнение самого участника конфликта, с другой – толкование проблемной ситуации с позиции своего конкурента. В этой ситуации примирение может являться выходом из столь затруднительного положения, но в случаях, когда стороны не могут его достичь, применяются состязательные процедуры, из которых можно выделить арбитраж (третейское разбирательство). Необходимо отметить, что вопрос о принципиальной возможности использования арбитража для разрешения корпоративных споров достаточно давно дискутируется как в российской, так и зарубежной доктрине. Между тем сформированная на этой основе позиция законодателя определяет возможность возбуждения дела в государственном суде и дальнейшего отказа исполнить арбитражное решение. Такое право является прямым следствием Нью-Йоркской конвенции 1958 г. [1], где говорится, что в случае, если объект спора не является предметом этого арбитражного разбирательства в соответствии с законами страны, его неисполнение не приводит к дополнительным обременениям и не влечет каких-либо санкций.

Подобная оговорка не случайна, учитывая, что в национальных правопорядках эти вопросы могут решаться по-разному, возникая на стадии передачи спора в арбитраж, при оценке оснований для аннулирования (отмены) арбитражного решения, на стадии признания и приведения его в исполнение ввиду потенциальной конкуренции с компетенцией национальных судов. При этом принято говорить о субъективных и объективных критериях арбитрабельности.

Субъективная арбитрабельность связывается с возможностью заключения арбитражного соглашения конкретными субъектами, которая вытекает из общей правосубъектности, определяемой по личному закону юридического или физического лица. По крайней мере, подобный подход прослеживается в Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 г. [2].

Субъективная арбитрабельность также связывается с определением возможности участия в международном коммерческом арбитраже государств, государственных органов и юридических лиц публичного права, которая оценивается по-разному. Так, в США и Иране фактически запрещено заключение арбитражного соглашения между сторонами, государством и частными лицами. В этих странах установлен прямой запрет на заключение подобного рода арбитражных соглашений. В Бельгии же при аналогичной ситуации заключение такого соглашения лицами публичного права возможно только в случае, если его предметом является разрешение споров, которые вытекали бы из заключения или исполнения договора [9, с. 71]. Существует позиция, согласно которой

такая практика будет распространена на все страны. Ведь технологические и информационные составляющие современной человеческой цивилизации объективно приводят к глобализации и утверждению надгосударственных форм информационного, экономического контроля [6, с. 12]. Тем не менее остаются страны, которые придерживаются своей законодательной линии и каких-либо ограничений в этой сфере не устанавливают. Так, согласно ст. 721-3 Коммерческого кодекса Франции 2000 г. возможность передачи в арбитраж споров, связанных с функционированием коммерческих компаний, включая их роспуск и ликвидацию, распространяется и на государство, действующее в качестве акционера такой корпорации.

Все это указывает на необходимость анализа объективных критериев арбитрабельности (*ratione materiae*), вытекающих из существа рассматриваемого спора. С этой точки зрения все государства можно подразделить на придерживающиеся презумпции арбитрабельности корпоративных споров, устанавливающие отдельные ограничения в качестве предварительных условий для реализации такого права, с одной стороны, и относящие корпоративные споры к исключительной компетенции государственного суда – с другой. Так, § 3 ст. 109 Закона Бразилии «Об акционерных обществах» 1976 г. предусматривает, что споры между акционерами и компанией или между мажоритарными и миноритарными акционерами должны разрешаться арбитражем в соответствии с уставом компании, что позволяет сделать вывод о максимально широком применении этой альтернативной процедуры урегулирования споров.

Следует отметить, что позиция законодателя и высших судебных инстанций, представляющих толкование соответствующих нормативных предписаний в этом вопросе, имеет тенденцию к некоторому смягчению, что отчетливо демонстрирует эволюция практики разрешения корпоративных споров в ФРГ. Так, если в 1996 г. Федеральный Верховный суд утверждал, что требования акционеров к акционерной корпорации (*Aktiengesellschaft, AG*) или обществу с ограниченной ответственностью (*Gesellschaft mit beschränkter Haftung, GmbH*) могут рассматриваться только в государственных судах, то согласно постановлению, принятому в 2004 г., при прошлых условиях невозможность передачи дела на рассмотрение арбитража признавалась тогда, когда государство закрепило за собой исключительное право на вынесение решений государственными судами. Такое право возникает в случае, если речь идет о законных интересах, которые заслуживают особой защиты независимо от каких-либо частных интересов [12, р. 151 – 153].

Специфика корпоративных споров накладывает отпечаток и на некоторые аспекты арбитражного разбирательства, включая выбор вида арбитража, арбитров, места разбирательства, языка разбирательства,

выбора права, подлежащего применению, и т.п. Что касается выбора вида арбитража, то права участников корпоративных споров здесь существенно ограничены. В частности, во избежание злоупотреблений с использованием арбитража *ad hoc* российским законодательством было установлено, что они могут рассматриваться только в рамках арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, создаваемым при некоммерческих организациях, при условии получения последней права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, предоставляемого актом Минюста России [3].

Итак, реализация права на выбор вида арбитража в отношении корпоративных споров будет сводиться к определению компетентного постоянно действующего арбитража, что фактически снимает вопрос о месте разбирательства. В этом смысле неоднозначно выглядит положение п. 7 ст. 7 ФЗ № 382, согласно которому местом арбитража при рассмотрении указанных в ней споров должна являться Россия. Учитывая, что ограничение устанавливается только в отношении споров, упомянутых в данной части, посвященной вопросам включения арбитражного соглашения в устав корпорации, можно сделать вывод, что обращение в российский арбитраж является обязательным при наличии совокупности следующих условий: 1) юридическое лицо создано в Российской Федерации и не является публичным; 2) количество акционеров, которые обладают голосующими акциями, не должно быть более одной тысячи; 3) арбитражное соглашение включено в его устав. Вместе с тем в литературе нередко делается вывод об однозначной привязке всех корпоративных споров с участием российских юридических лиц к территории Российской Федерации [5, с. 23 – 27], что плохо согласуется с идеей повышения привлекательности российской арбитражной системы, особенно в сочетании с требованием к образованию и деятельности арбитража.

Большое значение для оценки арбитрабельности корпоративного спора имеет выбор права, подлежащего применению не только к существу спора, но и арбитражному соглашению, который определяет не только судьбу самого соглашения, в вопросах его действительности, но и последующее признание и исполнение арбитражного решения. Теоретически для этого могут быть использованы *lex fori*, *lex contractus*, *lex arbitri* и автономия сторон, но выбор между ними не столь однозначен, поскольку вопрос о применимом праве выводится из толкования международных конвенций.

Пленум Верховного Суда РФ пришел к выводу, что по смыслу подп. «а» п. 1 ст. V Конвенции ООН 1958 г. следует принимать во внимание автономию воли сторон, при этом Верховный Суд РФ отмечает, что применимое к арбитражному соглашению право может отличаться от

права, применимого к спорному правоотношению, а также от всей процедуры арбитража [4].

В странах континентальной системы права на основе доктрины сепарабельности арбитражной оговорки суды руководствуются тем, что условие действительности арбитражного соглашения определяется согласно праву страны, в которой проводится арбитраж, если, непосредственно, отсутствует соглашение о применимом праве. Более гибкой в этом отношении является система общего права, в которой рассматривается в качестве обычного условия договора, подлинное волеизъявление сторон [8, с. 140 – 148]. Апелляционный суд Англии, опираясь на доктринальные подходы, обозначенные лордом М.Дж. Мاستиллом и С.К. Бойдом [11, р. 63], сформировал свой стандарт, по которому можно определить право, которое будет применимо к арбитражному соглашению. Так, необходимо последовательное установление: 1) надлежащего права договора, в который включена арбитражная оговорка; 2) наличия намерений сторон установить по отношению к ней иной правопорядок; 3) наличия наиболее тесной и реальной связи с конкретной правовой системой (п. 17, 30, 32) [13].

Все вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам:

1. Субъективная арбитрабельность (*ratione personae*) корпоративных споров связывается: 1) с правосубъектностью физических и юридических лиц, определяемой по их личному закону; 2) допустимостью участия в международном коммерческом арбитраже государств, государственных органов и юридических лиц публичного права, которая оценивается по-разному: от фактического запрета (США, Иран) и установления некоторых ограничений (Бельгия) до свободного участия (большинство государств).

2. Объективные критерии арбитрабельности (*ratione materiae*), вытекающие из существа корпоративного спора, позволяют подразделить все государства на придерживающиеся презумпции арбитрабельности корпоративных споров (Бразилия, Франция), устанавливающие отдельные ограничения в качестве предварительных условий для реализации такого права (Италия, Россия, ФРГ) и относящие корпоративные споры к исключительной компетенции государственного суда (Украина).

3. Специфика корпоративных споров накладывает отпечаток и на другие аспекты арбитражного разбирательства, включая: 1) выбор вида арбитража, возможность которого существенно ограничена в пользу институционального арбитража; 2) место арбитража, которое в российском законодательстве используется в узком, как место проведения заседаний, и широком смысле, как территория государства; 3) выбор права, подлежащего применению, который при отсутствии явно выраженной воли сторон в странах континентальной системы права, как правило, определяется по *lex arbitri*, а в странах общего права подчиняется

стандарту, выработанному прецедентной практикой для установления истинного намерения сторон.

Список литературы

1. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. URL: <http://base.garant.ru/10164637/> (дата обращения: 12.01.2021).
2. Европейская конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2717/ (дата обращения: 12.01.2021).
3. Положение о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства: утв. Приказом Минюста России от 20.03.2019 г. № 45. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2019).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // РГ. 2019. № 291.
5. Алиев Т.Т., Соловых С.Ж. Некоторые вопросы арбитрабельности корпоративных споров по новому Закону об арбитраже (третейском разбирательстве) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 23 – 27.
6. Барциц И.Н. Критерии эффективности государственного управления и глобальное управленческое пространство // Государство и право. 2009. № 3 С. 12 – 20.
7. Зайцев В.В., Рыбаков В.А. О науке гражданского права: методологические и доктринальные аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4. С. 58 – 65.
8. Костин А.А. Вопросы определения права, применимого к арбитражному соглашению, в практике стран континентальной Европы и английских судов // Закон. 2014. № 1. С. 140 – 148.
9. Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 227 с.
10. Примак Т.А., Зайцев, О.В. Принцип диспозитивности как основа развития экономических отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 3. С. 126 – 130.
11. Lord Mustill M.J., Boyd S. C. Commercial Arbitration. L.: Butterworths, 2001. 1435 p.
12. Roth F. ‘Arbitration and Company Law in Germany // European Company Law. 2015. № 3. P. 151 – 153.
13. Sulamerica Cia Nacional De Seguros SA & Ors v. Enesa Engenharia SA & Ors [2012] EWCA Civ 638. URL: <https://www.trans-lex.org/311350> (дата обращения: 12.01.2021).

Об авторе:

ЧЕКУЛАЕВ Сергей Сергеевич – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток, Россия; Депутат Думы Пограничного муниципального округа Приморского края; e-mail: chekylaev@mail.ru

**SPECIFICS OF THE USE OF ARBITRATION
IN THE SETTLEMENT OF CORPORATE DISPUTES,
COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT**

S.S. Chekulaev

Far Eastern Federal University

High-quality regulation aimed at the organizational structure and interaction of interests of participants in corporate relations is achieved by consensus on all controversial issues, and the establishment of mutually beneficial cooperation, carried out by leveling problem situations that can complicate the outcome of the case to a greater extent. One of the most effective ways to resolve a dispute in this situation may be the use of adversarial procedures, among which the most important alternative to court proceedings is arbitration. The author examines the problematic questions of the application of arbitration, determining the advantages and disadvantages, on the basis of the current and foreign legislation, an analysis of the procedural side of the arbitration proceedings is carried out, the identification of general characteristic subjective and objective criteria for the arbitrability of corporate disputes.

Keywords: *corporate relations, arbitration, arbitration agreement, foreign element, arbitrability of the dispute, foreign economic relations, applicable law.*

About author:

CHEKULAEV Sergey – senior lecturer to the department of civil law and process law at FGBOU VO "Far Eastern Federal University" Law School, Vladivostok, Russia; Deputy of the Duma of Primorsky Krai, e-mail: chekylaev@mail.ru

Чекулаев С.С. Особенности применения третейского разбирательства при разрешении корпоративных споров, осложненных иностранным элементом // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 135 – 141.

Вопросы истории государства и права

УДК 34.09

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.142

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЁМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XII–XVII ВЕКАХ: ОПЫТ ДИАХРОННОГО АНАЛИЗА

Е.С. Любобенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

О степени развития тех или иных видов хозяйственной деятельности людей, проживающих на определённой территории, в конкретный исторический период можно судить по уровню регламентации её правовых оснований. Источниками таких знаний безусловно служат найденные письменные правовые акты, хронологически относящиеся к исследуемому периоду. Наибольшее внимание исследователей всегда привлекали источники права общегосударственного значения. В работе предлагается проследить некоторые изменения в отношении к обязательствам, вытекающим из договоров займа (ссуды, торговой ссуды) в исторический период, ограниченный хронологическими рамками XII в. и середины XVII в.

Ключевые слова: *судебник, ссуда, должник, Соборное уложение, Псковская судная грамота.*

В связи с тем, что настоящее исследование приурочено к 470-летию со дня принятия Судебника 1550 г., он и станет отправной точкой краткого обзора заявленного гражданско-правового института.

Именно диахронный анализ поможет нам ответить на ряд вопросов, связанных с правовой природой заёмных отношений, их субъектным составом, их формальной регламентацией во взаимосвязи с механизмом судебной защиты прав кредитора/ должника; вопросов, касающихся порядка исполнения обязательств из договоров займа и степени участия государства в этом правовом процессе.

Заявленная проблематика в той или иной степени ранее уже рассматривалась в трудах учёных. В этой связи можно упомянуть О.И. Чистякова, Л.В. Черепнина, И.А. Исаева, М.Ф. Владимирского-Буданова и др.

Порядку исполнения обязательств, вытекающих из договора займа, посвящена ст. 36 Судебника Ивана IV 1550 г.: «А кто займет денги в рост в кабалу, и на те кабалы отписи без боярского доклада и без дьячей подписи не быти. А боярину от всякиа отписи, в колке отпись ни буди, имати от печати по три денги, а дьяку имати от подписи по две денги, а

подьячему, которой отпись напишет, имати по денги» [4, с. 103]. Сразу обращает на себя внимание отсутствие какой-либо регламентации в отношении формы этого соглашения.

Такой же подход мы можем наблюдать и в тексте предшествующего Судебника Ивана III (1497 г.). Статья 55 «О ЗАЙМЕХ» гласит: «А которой купец, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным каким безумием погубит товар свой без напразднства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу» [5, с. 51].

Вместе с тем в Псковской судной грамоте 1397 г., ставшей наравне с Новгородской грамотой источником общерусских судебныхников, вопрос формы договора займа и юридических последствий её несоблюдения бы детально проработан законодателем. В противовес судебникам, в Псковской судной грамоте (далее – грамота) вопросам заёмных отношений посвящены ст. 26 – 31, 38, 60 – 62. Причём именно от формы соглашения сторон о займе напрямую зависела его юридическая сила и способы доказывания в судебном процессе. Наибольшей юридической силой обладало соглашение, составленное в виде записи, один экземпляр документа (копия) хранился в архиве Троицкого собора, что минимизировало вероятность какой-либо фальсификации. Возможности взыскать долг существенно повышались при наличии залога (заклада). Кроме того, кредитор мог оставить себе залог в случае невозможности взыскания (ст. 29). Как верно отметил историк Ю.Г. Алексеев, при наличии залога у кредитора появлялась возможность выбора способа доказательства своей правды [2, с. 65]. Но вместе с тем в ст. 26 грамоты речь идёт не только о доказательствах (выбор присяги), но и о возможности принятия кредитором процессуальных решений (возврат залога в суде).

Несоблюдение формы займа могло и вовсе привести к отказу в иске (ст. 28).

В современном отечественном законодательстве форме соглашения о займе также уделяется достаточное внимание. Несоблюдение простой письменной формы договора займа по общему правилу влечёт невозможность ссылаться в подтверждение своих требований на свидетельские показания (ст. 162 и 808 Гражданского кодекса Российской Федерации) [1].

Отсутствие в судебныхниках норм, регламентирующих форму соглашения о займе, можно объяснить их фискальной направленностью. Так, ст. 36 Судебника 1550 г. посвящена порядку исполнения обязательств, вытекающих из договора займа, а точнее, стоимости государственных услуг по удостоверению актов, свидетельствующих об

исполнении обязательств заёмщиком. Вместе с тем однозначно понять, о каком порядке исполнения заёмных обязательств (добровольном или судебном) идёт речь, из текста вышеупомянутой статьи не представляется возможным. В пользу судебного порядка может говорить направленность правового акта на упорядочение судебного процесса, что нашло отражение в его наименовании «Судебник». Если мы обратимся к известным советским исследователям судебныхников О.И. Чистякову и Л.В. Черепнину, то по данному вопросу никакой конкретики в их рассуждениях мы не увидим. В своём комментарии к ст. 36 Судебника 1550 г. Л.В. Черепнин не делает акцент на принудительном характере исполнения обязательств по договору займа. Но вместе с тем для понимания значения исследуемой нормы предлагает обратиться к судной грамоте князя Старицкого, в тексте которой идёт речь о *принудительном* взыскании долга при содействии правоохранительной системы государства [3, с. 285 – 286]. Тот же самый подход со ссылкой на ранее упомянутую грамоту Владимира Старицкого демонстрирует и О.И. Чистяков [4, с. 141 – 142].

Исследователи по-разному переводят термин «отпись». Именно за удостоверение *отписи* чиновники (бояре, дьяки и подьячие) согласно ст. 36 Судебника 1550 г. брали плату. При займе под проценты описи не могло быть «в отсутствие боярского доклада и подписи дьяка». Л.В. Черепнин под *отписью* понимает расписку – документ, свидетельствующий об уплате долга или его части [3, с. 285]. Для О.И. Чистякова отписка – это отсрочка. «В колке отпись не буди» он переводит как «независимо от количества отсрочек» [4, с. 141].

Следует отдать предпочтение переводу Л.В. Черепнина. В пользу расписки нам позволяет склоняться анализ ст. 38 Псковской судной грамоты [5, с. 30]. Уже в это время юридическая сила документу, удостоверяющему возврат торговой ссуды, придавалась только при содействии государства, посредством хранения копии документа. Органами власти на Троицкий собор была возложена функция по осуществлению хранения юридически значимых документов (их копий). Законодательное упоминание отсрочки традиционно соотносится в отечественном законодательстве с судебной процедурой. Причём основания для предоставления такой отсрочки/рассрочки имеют существенное правовое значение. В древнейшем отечественном правовом памятнике – «Русской правде» в её пространной редакции в ст. 54 мы видим законодательную регламентацию процедуры банкротства купца [5, с.162]. На его судьбу влияли конкретные жизненные обстоятельства, приведшие к устойчивой неплатёжеспособности. Если они не были связаны с виной купца (пожар, кораблекрушение, ограбление), то ему могла предоставляться рассрочка в уплате долга на год.

В ст. 55 Судебника 1497 г. воспроизводятся положения ст. 54 Русской правды, при этом законодатель устанавливает дополнительную защитную меру в виде запрета начисления процентов в отношении долга добросовестного банкрота [5, с. 51].

Традиция защиты добросовестного заёмщика продолжилась и в следующем после Судебника 1550 г. общерусском сборнике права – Соборном Уложении 1649 г. (далее – Соборное Уложение). Согласно положениям ст. 203 этого документа судом могла быть предоставлена отсрочка от уплаты долга до трёх лет. В Соборном уложении содержится исчерпывающий перечень причин гибели имущества, приведших к устойчивой неплатёжеспособности. К ним относились: стихийные бедствия («потонуло оно»), разорения разбойниками, ворами или лихими людьми, воинскими людьми, впадение в безумие [5, с. 162]. Такое банкротство «без вины» служило основанием для предоставления отсрочки должнику. Следует отметить, что Соборное Уложение, как документ более прогрессивный, расширил сферу применения этого механизма защиты, распространив его, помимо торговых людей, на всех заёмщиков.

Гражданско-правовой институт займа продолжил своё развитие в последующих правовых актах и до сих пор продолжает видоизменяться, подстраиваясь под современные проблемы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2020).
2. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков: издательство Центра «Возрождение», 1997. 148 с.
3. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV — XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. 632 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. 519 с.
5. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит. 1990. 480 с.

Об авторе:

ЛЮБОВЕНКО Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447; SPIN-код: 1744-9642; e-mail: ponochka0606@gmail.com

**SOME ASPECTS OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF LOAN
RELATIONS IN THE RUSSIAN STATE IN THE XII - XVII
CENTURIES: THE EXPERIENCE OF DIACHRONOUS ANALYSIS**

E.S. Lyubovenko

Tver State University

The degree of development of certain types of economic activity of people living in a certain territory in a particular historical period can be judged by the level of regulation of its legal basis. The sources of such knowledge are undoubtedly found written legal acts chronologically related to the period under study. Sources of law of national importance have always attracted the greatest attention of researchers. The article proposes to trace some changes in the attitude to the obligations arising from loan agreements (loans, trade loans) in the historical period, limited by the chronological framework of the 12th century and the middle of the 17th century.

Keywords: *legal code, loan, debtor, Cathedral Code, Pskov letter of judgment.*

About author:

LYUBOVENKO Elena - PhD, assistant professor of the department of theory of law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447; SPIN-код: 1744-9642; e-mail: ponochka0606@gmail.com

Любовенко Е.С. Некоторые аспекты законодательного регулирования заёмных отношений в русском государстве в XII – XVII веках: опыт диахронного анализа // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 142 – 146.

ДВУХУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА СОСЛОВИЙ КАК ОСНОВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ СОСЛОВНОЙ МОДЕЛИ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются некоторые характеристики сословной модели России в XVII – начале XX в. Основной особенностью социальной структуры России автор полагает наличие внутри каждого из сословий двух и более субсословий. Автор затрагивает также влияние этой характеристики на функционирование организационно-правового механизма вертикальной социальной мобильности.

Ключевые слова: *сословие, субсословие, сословный статус, российская сословная модель, социальная мобильность.*

Актуальность заявленной темы объясняется необходимостью уточнения некоторых характеристик сословной системы России. Хронологическими рамками работы является трехсотлетний исторический период с начала XVII в. по начало XX в.

Настоящее исследование выполнено в рамках историко-правовой науки на основе цивилизационного подхода.

Целью настоящей работы является обоснование нового подхода к рассмотрению и оценке правового оформления социальной системы России. В рамках этого подхода автор предлагает не просто иное объяснение целей и методов действий государственной политики по закреплению социальной иерархии, но и иную трактовку сущности российской сословной модели.

Основные дискуссионные вопросы в рамках рассматриваемой темы можно сформулировать следующим образом: когда появились в России сословия как социально-правовой феномен? Носила ли социальная структура России в XVII в. сословный характер или сословия появились лишь в XVIII в.? Являлась ли российская сословная модель самобытной по своей структуре или была заимствована российским законодателем из зарубежных образцов? Чем объясняется наличие в семнадцатом столетии (в особенности), а также в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях большого количества социальных групп на всех этажах социальной лестницы?

Пожалуй, именно наличие большого количества разных по правовому статусу и численности социальных групп, располагающих к тому же организационно-правовыми различными механизмами доступа в свой состав, является наиболее проблемным моментом для оценки

социальной структуры России XVII в. как сословной. Наоборот, появление более или менее «упорядоченной» сословной иерархии, сформированной на базе четырех крупных страт, да еще с использованием законодателем «сословной» терминологии, подталкивает к, казалось бы, вполне логичному и обоснованному выводу о конституировании сословной системы в России в восемнадцатом столетии, причем с широким (и даже чрезмерным) заимствованием зарубежного правового опыта.

Не случайно, большинство исследователей XIX – XX вв. и многие исследователи позднейшего времени отрицали сословный характер социальной структуры России XVII в. [1, с. 142-144; 3, с. 277]. Появление сословий нередко объяснялось заимствованием зарубежного правового опыта [1, с. 241].

Вместе с тем сословия как социально-правовой феномен являлись в России фактом действительности на протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе исторического периода. Однако в первой половине семнадцатого столетия нормативной базой сословной системы являлись преимущественно правовые обычаи. Кроме того, сословная структура носила отпечаток партикуляризма и не была упорядочена применительно ко всей территории страны. Законодательное оформление сословной системы в общегосударственном масштабе произошло в середине XVII в. Речь идет о Соборном уложении [5].

Полагаем, что все страты XVII в. имели либо сословную, либо «ранговую» природу. В частности, бояре, дворяне, посадские люди и другие страты являлись сословными по своей природе. Некоторые другие социальные группы представляли собой формирующиеся должностные ранги, близкие по своей сущности к рангам, введенным Табелью 1722 г. [4]. Наиболее наглядным является пример с такой социальной группой, как жильцы. Полагаем, что уже к середине XVII в. жильцы представляли собой практически полностью сформировавшийся должностной ранг. При этом на протяжении первой половины этого столетия численность данной категории медленно, но неуклонно возрастала: 1618 г. – 548 чел., 1626–1627 гг. – 1090 чел., 1632–1633 гг. – 750 чел.; 1645–1646 гг. – 1030 чел.; 1648–1649 гг. – 1600 чел. [2, с. 339].

Таким образом, наличие таких «переходных» чинов, как жильцы, не должно мешать видеть сословную природу правового статуса представителей других групп. Правда, при этом остается вопрос о правовом положении таких категорий, как думные дворяне, московские дворяне, городовые дворяне, старинные холопы и др. С одной стороны, их правовой статус не может быть по аналогии с жильцами определен как должностной, а с другой стороны, не представляется корректным признать указанные категории в качестве самостоятельных сословий.

Относительно социальной структуры России XVIII – XIX вв., имевшей согласно практически единодушному мнению исследователей

сословный характер, необходимо объяснить наличие в составе каждого из четырех сословий нескольких социальных групп, а также позицию законодателя, неоднократно именовавшего сословиями эти «внутрисословные» группы.

Наиболее оптимальное объяснение может быть предложено в рамках концепции о двухуровневой структуре российских сословий. Данная концепция предполагает характеристику боярства, дворянства, духовенства, служилых людей по прибору, посадских людей, крестьян, холопов (применительно к XVII в.) и дворянства, духовенства, городских обывателей, сельских обывателей (применительно к XVIII – началу XX вв.) в качестве сословий «верхнего уровня». При этом каждое из таких сословий включает в себя несколько страт, также обладающих некоторыми характеристиками самостоятельных сословий. Правовой статус члена такой страты обладает определенными, причем достаточно существенными отличиями от правового статуса представителей других страт в рамках одного и того же сословия «верхнего уровня». Например, сословие городских обывателей первой половины XIX в. включает в себя три субсословия: почетные граждане; купцы гильдий; мещане и вечные цеховые.

Субсословия в структуре одного сословия «верхнего уровня» (за исключением сословия духовенства) выстроены, как правило, в определенную иерархию с точки зрения объема правовых возможностей своих членов.

Для того чтобы избежать использования таких терминологических конструкций, как «сословие верхнего уровня» и «сословие нижнего уровня», целесообразно оставить термин «сословие» за наиболее крупными стратами. Страты внутри сословий можно обозначить термином «субсословие». Таким образом, «субсословие» при характеристике социальной структуры России превращается из термина «технического порядка» в одно из ключевых понятий с вполне определенным содержанием.

Полагаем, что указанная выше сословная структура появилась не из-за хаотичности действий законодателя, а в результате вполне осознанной и целесообразной законодательной политики. Обратим внимание на то обстоятельство, что данная конструкция социальной иерархии была свойственна России как в семнадцатом столетии, так и позднее. Другими словами, император Петр I и императрица Екатерина II при всем активном использовании зарубежного правового опыта и зарубежной правовой терминологии тем не менее не изменили ключевые сущностные характеристики российской сословной модели.

Такой способ оформления социальной иерархии определил и основные характеристики организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса человека, или, говоря языком социологической науки, механизма вертикальной социальной

мобильности. Суть этого механизма заключается в последовательном переходе человека из одного сословия в другое. Наличие в каждом сословии субсословия с менее высоким правовым статусом облегчало попадание в его состав представителей других сословий.

Общий вывод мы делаем следующий: сословность как ключевая характеристика социальной структуры России имела место на протяжении всего рассматриваемого периода – с середины XVII в. по начало XX в. Двухуровневая структура сословий и соответствующая ей двухуровневая структура сословного правового статуса являются основными характеристиками российской сословной модели. Полагаем целесообразным введение нового термина для характеристики отечественной сословной модели в рассматриваемый период – «субсословие». Именно с помощью этого термина можно точнее определить ключевые особенности правового оформления социальной структуры России.

Наличие сословий и субсословий определило и особенности организационно-правового механизма вертикальной социальной мобильности.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1995. 640 с.
2. Правящая элита Русского государства IX - начала XVIII вв.: очерки истории. Монография / Е.В. Анисимов и др.; отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
3. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. Т. 9 – 10: История России с древнейших времен / отв. ред. Н.А. Иванов. М.: Голос, 1995. 725 с.
4. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако же воинские выше прочих, хотя бы и старее кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VI. № 3 890.
5. Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. I. № 1.

**THE TWO-LEVEL STRUCTURE OF SOCIAL CLASSES
AS THE MAIN FEATURE OF THE RUSSIAN SOCIAL
CLASS MODEL**

S.N. Smirnov

Tver State University

Some characteristics of the social class model of Russia in the 17th - early 20th centuries are considered. The author considers the presence of two or more sub-classes within each of the social class to be the main feature of Russian social structure. The author also touches upon the influence of this characteristic on the functioning of the organizational and legal mechanism of vertical social mobility.

Keywords: *social class, subclass, social class status, Russian social class model, social mobility.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, email: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Двухуровневая структура сословий как основная особенность российской сословной модели // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2021. № 1 (65). С. 147 – 151.

Обзор и анонсы научных мероприятий

УДК 378.14 : 004

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.152

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ

Ю.А. Дронова, Н.О. Огаркова, Т.Б. Станиславская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье дается обзор состоявшегося на юридическом факультете Тверского государственного университета семинара для обучающихся выпускных курсов направления подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат) и специальности «Таможенное дело» по вопросам, связанным с использованием современных информационных ресурсов при подготовке выпускных квалификационных работ.

***Ключевые слова:** федеральный государственный образовательный стандарт, подготовка к защите и защита выпускной квалификационной работы, электронно-библиотечные системы, система «Антиплагиат».*

В соответствии с п. 6.8 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) в Блок 3 программы бакалавриата «Государственная итоговая аттестация» входит подготовка к сдаче и сдача государственного экзамена, а также защита выпускной квалификационной работы, включая подготовку к процедуре защиты и процедуру защиты (если организация включила защиту выпускной квалификационной работы в состав государственной итоговой аттестации) [1].

С учетом такой формулировки стандарта подготовка и защита выпускной квалификационной работы в предшествующие годы не включалась в состав Государственной итоговой аттестации (далее – ГИА) по основной образовательной программе бакалавриата «Юриспруденция», реализуемой на юридическом факультете ТвГУ. Однако, по ряду причин в 2020 г. Ученым советом юридического факультета было принято решение включить данную составляющую в процедуру ГИА для выпускников бакалавриата, на основании чего Ученым советом университета были утверждены соответствующие изменения в учебный план по направлению подготовки 40.03.01.

Основными причинами, которые обусловили принятие данного решения, были необходимость развития у обучающихся навыков

подготовки научных исследований по актуальной проблематике в области юриспруденции, а также повышения уровня сформированности общекультурных компетенций, связанных с владением основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией, способностью работать с информацией в глобальных компьютерных сетях. В достаточно серьезной степени эта необходимость актуализировалась тем обстоятельством, что многие выпускники бакалавриата продолжают обучение по магистерским программам направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция. В соответствии с п. 8.6 Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900.68 Юриспруденция (квалификация (степень) «Магистр») итоговая государственная аттестация включает защиту выпускной квалификационной работы (далее – ВКР), а также государственный экзамен, устанавливаемый по решению ученого совета вуза [3].

Таким образом, обучение по магистерским программам в обязательном порядке предполагает подготовку к процедуре защиты и процедуру защиты выпускной квалификационной работы (магистерской диссертации). При этом выбор тематики исследования для ВКР и начало научного исследования по избранной теме начинаются с первого года обучения в магистратуре. В связи с этим в начале обучения по магистерским программам выявлялся определенный дефицит у обучающихся соответствующих развитых навыков научно-исследовательской деятельности и корректного использования современных информационных источников. Очевидно, что выполнение ВКР при обучении на бакалавриате в определенной степени способствует решению обозначенной проблемы.

В соответствии с п. 6.8 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 38.05.02 Таможенное дело (уровень специалитета) в Блок 3 программы специалитета «Государственная итоговая аттестация» входит защита выпускной квалификационной работы, включая подготовку к процедуре защиты и процедуру защиты, а также подготовка к сдаче и сдача государственного экзамена (если организация включила государственный экзамен в состав государственной итоговой аттестации) [2].

Относительно состава ГИА этот стандарт (как и подавляющее большинство ФГОС ФО 3+) использует принципиально иной подход по сравнению с ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата). Обязательной составляющей является как раз защита выпускной квалификационной работы, а не государственный экзамен. Таким образом, выпускники юридического

факультета по специальности «Таможенное дело» традиционно выполняют ВКР. Однако, повышение уровня сформированности компетенций, связанных с использованием различных информационных ресурсов, является актуальной задачей и для выпускников данной специальности.

Особое значение при работе с источниками в процессе подготовки ВКР имеет соблюдение правил цитирования и оформления ссылок на специальную литературу и тексты нормативных правовых актов. В соответствии с п. 4.3.1 Положения о проведении государственной итоговой аттестации обучающихся по основным образовательным программам бакалавриата, магистратуры в ТвГУ тексты ВКР проверяются на объем заимствования и размещаются в электронно-библиотечной системе университета [4].

В связи с обозначенными обстоятельствами был запланирован и проведен семинар «Работа с источниками при подготовке выпускных квалификационных работ» для обучающихся выпускных курсов направления подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат) и специальности «Таможенное дело». В ходе семинара сотрудник отдела юридической и экономической литературы научной библиотеки ТвГУ на примере конкретной темы ВКР продемонстрировал возможности, которые предоставляют для поиска специальной литературы электронно-библиотечные и справочно-правовые системы. Подробно были освещены способы и принципы формулирования поисковых запросов и другие нюансы подбора источников специальной литературы.

Заведующей сектором отдела юридической и экономической литературы научной библиотеки ТвГУ Т.Б. Станиславской для выпускников юридического факультета, пишущих выпускную квалификационную работу, были приведены базовые сведения:

- об электронных ресурсах научной библиотеки ТвГУ;
- об использовании электронных сервисов;
- о методах поиска;
- об обработке информации (составлении списка литературы к научной работе).

Все доступные для студентов университета электронные ресурсы собраны в одном разделе на сайте Научной библиотеки ТвГУ «Отечественные и зарубежные ресурсы».

В разделе Электронно-библиотечные системы (далее – ЭБС) представлены подписные системы, оплаченные Тверским государственным университетом для своих студентов. Чтобы ЭБС «опознала» студентов ТвГУ, необходима регистрация в сети университета – на компьютерах библиотеки или в компьютерных классах. Регистрация необходима на каждом ресурсе отдельно. В таком случае возможно наличие нескольких библиотек у себя дома. Сервисные

и технические характеристики ЭБС позволяют пользователю работать с ресурсом из любого места, при наличии доступа в Интернет.

Наибольший интерес для студентов-юристов представляют ЭБС ZNANIUM.COM, «Университетская Библиотека Онлайн», IPR BOOKS. В ЭБС Юрайт ТвГУ доступны лишь новые учебники по некоторым дисциплинам.

Данные подписные системы позволяют осуществлять адресный, тематический и контекстный поиск, содержат значительный массив юридической литературы. Варьируя поисковые запросы, отбираем необходимую литературу, добавляйте ее в избранное или на личную книжную полку, чтобы использовать в дальнейшем.

Статьи из ведущих научных журналов и сборников представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Здесь содержится актуальная информация, например последние выпуски журналов за 2020 – 2021 гг. При отборе материала к работе необходимо учитывать и статус источника опубликования. Предпочтительнее журналы рецензируемые, издаваемые известными научными учреждениями, а не те, где может опубликовать свойopus каждый желающий. Статус журнала тоже можно проверить в НЭБ eLIBRARY.RU.

В университетской сети на компьютерах установлены стационарные версии справочно-правовых систем КонсультантПлюс и Гарант. Системы не требуют регистрации и бесплатны для пользователей. Эти системы ориентируют в современном законодательстве, судебной практике, комментируют изменения в каждой «букве закона», предоставляют актуальную научную информацию – монографии, учебники, сборники трудов, журналы.

Руководства пользователя Электронно-библиотечными ресурсами и Справочно-правовыми системами представлены на сайте юридического факультета ТвГУ [5], где можно найти правила регистрации и пользования электронными ресурсами.

В современных условиях при наличии сети Интернет и доступа к всевозможным библиотечным ресурсам написание выпускной квалификационной работы упрощается. В тоже время необходимо помнить о том, что чужие тексты необходимо правильно использовать, чтобы не быть замеченным в плагиате.

Ещё один вопрос, рассмотренный в ходе семинара – проверка оригинальности текста ВКР в системе «Антиплагиат. ВУЗ». Квалифицированно и доступно об этом рассказала участникам семинара Н.О. Огаркова, технический редактор издания «Вестник ТвГУ. Серия: Право». В своём выступлении она остановилась на правилах цитирования используемых источников, оформлении ссылок на них, ну и, собственно, на недопустимости заимствований без ссылок, как объекте проверки в системе «Антиплагиат».

Система «Антиплагиат» призвана проверить текст документа на наличие заимствований из открытых источников в сети Интернет. Существуют различные модули поиска, в которых система ищет текст, схожий с вашим: открытые сайты сети Интернет; научные статьи eLibrary.ru; диссертации и авторефераты РГБ; нормативно-правовые документы СПС «Гарант» и ряд других.

Выпускная квалификационная работа подлежит обязательной проверке в системе «Антиплагиат.Вуз» перед допуском к защите. После проверки текста в личном кабинете отображается отчет, в котором выделяются четыре блока: оригинальность, заимствования, цитирования и самоцитирование. Полный отчет дает возможность проверяющему посмотреть весь текст на предмет заимствования, а также посмотреть источники, из которых взяты те или иные слова или абзацы в работе выпускника. По гиперссылкам можно даже перейти к тексту этих источников.

Правильное оформление ссылок повышает блок цитирования и тем самым оригинальность всего текста. Так что необходимо внимательно относиться к использованию текстов других авторов и стараться своими словами донести суть высказывания.

Что касается нормативно-правовых актов, то не надо полностью переписывать текст закона или статьи, т.к. это автоматически будет считаться заимствованием. В статье необходимо описывать случаи наступления той или иной ответственности, предусмотренной законом.

Также необходимо обратить внимание на оформление ссылок на судебную практику. Если в работе используются судебные решения, то не надо вставлять их полностью. Необходимо кратко изложить суть дела и конечно же оформить ссылку на источник, из которого было взято данное решение.

Если выпускник в своей работе собирается проводить анализ в табличном виде, то необходимо правильно оформлять таблицы. В тексте в скобках указывается на какую таблицу необходимо обратить внимание. Перед таблицей в правом верхнем углу пишется слово «Таблица» и номер, если она не одна. Далее обязательно указывается заголовок таблицы.

Необходимо также правильно оформлять графики и диаграммы. Диаграмма дополнит выпускную работу и возможно даже украсит, а также повысит оригинальность работы для системы «Антиплагиат». Диаграмма должна быть показательной: с подписями данных, заголовком и понятной легендой. В тексте работы указывается ссылка на рисунок, а под диаграммой указывается номер рисунка и название.

К семинару подключились и преподаватели юридического факультета, которые также проявили интерес к обсуждаемым вопросам и высказали свои пожелания студентам относительно работы с источниками при подготовке ВКР.

Безусловно информация, полученная на семинаре, окажется полезна нашим выпускникам и качество подготовленных ими ВКР обеспечит достойный результат их защиты.

Список литературы

1. Приказ Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 (ред. от 11.01.2018 г.) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» (зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2016 г. № 45038) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Приказ Минобрнауки России от 17 августа 2015 г. № 850 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 38.05.02 Таможенное дело (уровень специалитета)» (зарегистрировано в Минюсте России 09.09.2015 г. № 38864) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Минобрнауки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763 (ред. от 31.05.2011 г.) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) "магистр")» (зарегистрировано в Минюсте РФ 01.02.2011 г. № 19648) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Положение о проведении государственной итоговой аттестации обучающихся по основным образовательным программам бакалавриата, магистратуры в ТвГУ [Электронный ресурс]. URL: https://www.tversu.ru/sveden/files/Pologhenie_o_provedenii_GIA_obuchayuschixsy_a.pdf

5. Сайт юридического факультета ТвГУ. URL: <https://law.tversu.ru/pages/821>

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», технический редактор Вестника ТвГУ. Серия: Право (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 3865-1541; e-mail: ogarkova_n@mail.ru

СТАНИСЛАВСКАЯ Татьяна Борисовна – заведующая сектором отдела юридической и экономической литературы научной библиотеки ТвГУ, e-mail: Stanislavskaya.TB@tversu.ru

USE OF MODERN INFORMATION RESOURCES IN PREPARATION OF GRADUATE QUALIFICATION PAPERS

Yu.A. Dronova, N.O. Ogarkova, T.B. Stanislavskaya

Tver State University

The article provides an overview of the seminar held at the Faculty of Law of Tver State University for graduate students of the direction of training "Jurisprudence" (bachelor's degree) and the specialty "Customs" on issues related to the use of modern information resources in the preparation of graduation qualification works.

Keywords: *federal state educational standard, preparation for defense and defense of the final qualification work, electronic library systems, the Antiplagiat system.*

About authors:

DRONOVA Julia – PhD, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

OGARKOVA Natalia – senior lecturer in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University, *ekhnicheskiy redaktor Vestnika TvGU*. Seriya: Pravo (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33); SPIN-code: 3865-1541; e-mail: ogarkova_n@mail.ru

STANISLAVSKAYA Tatyana – sector manager of the department of legal and economic literature of the scientific library of Tver State University, e-mail: Stanislavskaya.TB@tversu.ru

Дронова Ю.А., Огаркова Н.О., Станиславская Т.Б. Использование современных информационных ресурсов при подготовке выпускных квалификационных работ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 152 – 158.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ЮРИСТА В XXI ВЕКЕ

О.Н. Замрий

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы, которые были предметом обсуждения на Зимней школе «Юрист в XXI веке: взгляд в будущее».

Ключевые слова: юридическое образование, профессиональная траектория, Зимняя школа – 2021.

С 26 по 28 января 2021 г. проходила Зимняя школа «Юрист в XXI веке: взгляд в будущее», организованная юридическим факультетом Тверского государственного университета и Тверским региональным отделением Ассоциации юристов России.

Цель реализации данного проекта – формирование траектории профориентационной работы, начиная с этапа выбора направления обучения и завершая формированием дополнительных умений и навыков уже в плоскости профессиональной деятельности.

В течение трех дней для абитуриентов и студентов юридического факультета ТвГУ проходили лекции, мастер-классы по soft skills и профориентационные тренинги. Участники обсудили с ведущими работодателями и федеральными экспертами актуальные тренды юридической профессии.

Сложности и плюсы онлайн-обучения, новый образовательный стандарт в соотношении с сохранением высокого уровня качества подготовки будущих юристов и актуальными запросами работодателей, а также другие аспекты отметила при открытии Школы декан юридического факультета ТвГУ О.Ю. Ильина.

Достаточно ярким и насыщенным было выступление руководителя направления «Карьера и профориентация» компании «SuperJob».

К.Е. Большакова особо отметила качества, необходимые для «идеального» юриста, — креативность, результативность, эмоциональный интеллект, ораторское мастерство, когнитивная гибкость. Практически каждый слайд презентации спикера содержал информацию, необходимую для формирования навыков составления резюме, собственного позиционирования во взаимодействии с работодателями. Вопросы слушателей были разнообразны и ожидаемо

предполагали продолжение дискуссии в предложенном формате Зимней школы.

Председатель Тверского областного суда А.Ю. Карташов в рамках лекции «Профессиональные навыки судьи: требования в современных условиях» отметил, что профессионализм представителей судебного корпуса является главным условием обеспечения качества и эффективности работы судебной системы. Процесс формирования профессиональных навыков судьи начинается на этапе принятия решения о поступлении на юридический факультет и продолжается в течение всего периода обучения.

Следует отметить, что именно А.Ю. Карташову участниками встречи было задано большое количество вопросов, в том числе и после окончания лекции. Также на мероприятии присутствовали выпускники, программы «Судебное администрирование», вопрос которых был связан с продолжением обучения в заочной форме и перспективой профессиональной деятельности судьи.

На лекции «Профессиональная компетентность в условиях цифровой трансформации органов прокуратуры» прокурор Тверской области С.Б. Лежников рассказал об основных направлениях деятельности в современный период, о требованиях к деловым качествам кандидатов, отметив потребность органов прокуратуры в высококвалифицированных кадрах. Особым акцентом прозвучал тезис об умении принимать решения как о важном профессиональном навыке.

Учитывая длительный опыт взаимодействия юридического факультета и прокуратуры Тверской области, акцент был сделан и на институте общественных помощников прокурора. В частности, студенты 3-4-х курсов направления подготовки «Юриспруденция» поделились опытом своей работы в качестве общественных помощников, признав, что это оказало влияние на дальнейшее обучение и выбор профессии.

Консультант по LegalTech-инновациям А.С. Трифонов выделил основные тренды, по которым будет развиваться направление автоматизации юридической функции, и подчеркнул, что цифровая трансформация направлена прежде всего на повышение эффективности существующих юридических процессов и создание новых платформенных решений для взаимодействия с клиентами.

Данная тема вызвала интерес, поскольку студенты адекватно оценивают потребности современного рынка оказания юридических услуг, в том числе посредством применения LegalTech-решений.

В завершение Зимней школы юрист по сопровождению инвестиционных проектов О.Ю. Градова обратилась к участникам: «Юридическая профессия даст вам необходимый набор знаний, чтобы в будущем у вас была свобода выбора рода деятельности. Основная ваша задача сейчас - это развиваться, использовать возможность получить не только базовый образовательный курс на факультете, но и практические

навыки. И знайте, успешный юрист — это не тот, кто цитирует кодекс наизусть, юрист — это прежде всего человек с развитой эмпатией, стрессоустойчивостью, обострённым чувством справедливости и которому не чужд дух авантюризма!»

Примечательно, что участниками Зимней школы стали ученики выпускных классов, студенты колледжей и вузов. Это позволяет предположить и о своеобразном отдаленном эффекте содержания программы. Однозначно, что участие в Зимней школе способствовало правовому просвещению обучающихся школ и колледжей, повышению уровня их правовой культуры.

Формат Зимней школы, которая фактически сопровождала образовательный процесс, формирует у абитуриентов и студентов понимание траектории развития в профессиональной сфере благодаря неформальному общению с ведущими учеными, работодателями и экспертами, а также выпускниками юридического факультета. Появились новые темы для дискуссий, а также для разработки и включения в учебный план актуальных дисциплин по выбору и факультативов, предлагаемых обучающимся.

Об авторе:

ЗАМРИЙ Олег Николаевич – кандидат юридических наук; доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 9284-0717, e-mail: zamriy.on@tversu.ru

INFORMATION TECHNOLOGIES AND PROFESSIONAL COMPETENCIES OF A LAWYER IN THE XXI CENTURY

O.N. Zamriy

Tver State University

The article examines the issues that were the subject of discussion at the Winter School: «A lawyer in the XXI century: a look into the future»

Key words: *legal education, professional trajectory, Winter School – 2021.*

About author:

ZAMRIY Oleg – PhD, assistant professor of the department of civil procedure and law enforcement, Tver state University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33); SPIN-code: 9284-0717, e-mail: zamriy.on@tversu. ru

Замрий О.Н. Информационные технологии и профессиональные компетенции юриста в XXI веке // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 159 – 161.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственной университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 1 (65), 2021

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 15.03.2021. Выход в свет 23.03.2021.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,18.

Тираж 500 экз. Заказ № 70.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственной университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. РИУ: 8 (4822) 35-60-63. Цена свободная.